

ЖУРНАЛ 2018

'1-2 (84-85)

МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Главный редактор:
Андрей Владимирович
Селиванов

Редакционный совет:
Виктор Шадурский
(председатель)
Владимир Астапенко
Елена Бабкина
Сергей Балашенко
Юрий Бровка
Алексей Данильченко
Руслан Есин
Людмила Павлова
Анатолий Розанов
Андрей Русакович
Сергей Солодовников
Олег Старовойтов
Александр Шарапов

**Редактор английского
текста:**
Екатерина Новицкая

Художник:
Василий Гоголушко

Корректор:
Елена Мельникова

Наш адрес:
Беларусь, 220701, Минск,
ул. Ленинградская, 20, комн. 1121
Международное общественное
объединение по научно-исследо-
вательским и информационно-
образовательным программам
«Развитие»

тел.: +375 17 209 57 40
тел./факс: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

Издание зарегистрировано
в Министерстве информации
Республики Беларусь.
Свидетельство № 804
от 27 ноября 2009 г.

Учредитель и издатель:
 Международное обще-
ственное объединение
по научно-исследо-
вательским и информаци-
онно-образовательным
программам «Развитие»

международное право

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

- Европеизация международного частного права *Е. В. Бабкина* **3**
- Принципы международного частного права: во-
просы доктринального определения и норма-
тивного закрепления *Н. В. Оксютчик* **1** 3

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

- Международная гражданская служба: вопро-
сы судебной юрисдикции и применения нацио-
нального права *В. Х. Сейтимова* **1** 8

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- К вопросу о правовой природе и сущности меж-
дународных стандартов прав и свобод человека *А. И. Зыбайло,
В. Л. Фёдорова* **2** 6

ПРАВО БЕЖЕНЦЕВ

- Проблемные аспекты регламентации статуса
«экологических беженцев» в международном
праве *М. В. Змачинская,
Н. В. Карканица* **3** 2

МЕЖДУНАРОДНОЕ МИГРАЦИОННОЕ ПРАВО

- Совершенствование законодательства Респуб-
лики Беларусь о правовом положении иностранцев *А. И. Федорако* **4** 1

международные отношения

- Белорусско-кубинские отношения (1962—
2018 гг.) *А. А. Челядинский* **4** 6

- Удзел Максіма Танка ў рабоце дэлегацыі БССР
на сесіях Генеральнай Асамблеі ААН (1960—
1962 гг.) *І. М. Аўласенка* **5** 7

- Повышение уровня китайско-российского со-
трудничества в гуманитарной сфере в XXI в. *Бао Ин* **6** 3

РЕЦЕНЗИИ

- Рецензия на монографию А. В. Тихомирова «Внеш-
няя политика Республики Беларусь (1991—2015 гг.)» *Э. Г. Иоффе* **7** 1

международные экономические отношения

- Зарубежные зоны торгово-экономического со-
трудничества КНР в рамках реализации иници-
ативы «Один пояс, один путь» *Го Шухун,
Н. В. Юрова,
Яо Цзяхуэй* **7** 4

- «Азиатские тигры» в международных рейтин-
гах инновационного развития *Е. С. Ботеновская,
А. А. Вильницкая* **8** 3

- Международное научно-техническое сотрудни-
чество: терминологический анализ *Н. В. Казарина* **9** 0

JOURNAL 2018

'1-2 (84-85)

OF INTERNATIONAL LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

IN THIS ISSUE

Editor-in-chief:
Andrey Selivanov

Editoring Board:
Victor Shadurski
(chairman)
Vladimir Astapenko
Elena Babkina
Sergey Balashenko
Yury Brovka
Alexey Danilchenko
Ruslan Esin
Ludmila Pavlova
Anatoly Rozanov
Andrei Rusakovich
Sergey Solodovnikov
Oleg Starovoitov
Alexandr Sharapo

English Text Editor:
Ekaterina Novitskaya

Art Editor:
Vasily Gogolushko

Corrector:
Elena Melnikova

Our address:
International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»
20, Leningradskaya str., room 1121,
Minsk, 220701, Belarus

tel.: +375 17 209 57 40
tel./fax: +375 17 209 57 66

e-mail:
beljournal@evolutio.info

INTERNET:
<http://www.beljournal.evolutio.info/>

The journal is licenced by the
Ministry of Information
of the Republic of Belarus.
Certificate N 804
27 November 2009

The founder and publisher:
International Non-governmental
Association for Scientific Research,
Information and Educational
Programmes «Evolutio»

INTERNATIONAL LAW

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

- Europeanisation of Private International Law *Elena Babkina* **3**
- Principles of Private International Law: Issues of
Doctrinal Definition and Normative Consolidation *Nicolai Oksyutchik* **1** 3

RELATIONSHIP BETWEEN INTERNATIONAL LAW AND DOMESTIC LAW

- International Civil Service: Issues of Judicial
Jurisdiction and Application of National Law *Venera Seitimova* **1** 8

HUMAN RIGHTS

- Towards of the Issue of the Legal Nature and
Essence of International Standards of Human
Rights and Freedoms *Alla Zyballo, Victoria Fedorova* **2** 6

REFUGEE LAW

- Addressing Problems of the «Environmental
Refugees» Regulation in International Law *Margarita Zmachinskaya, Natallia Karkanitsa* **3** 2

INTERNATIONAL MIGRATION LAW

- Improving the Legislation of the Republic of Belarus
on the Legal Status of Foreigners *Alexander Fedorako* **4** 1

INTERNATIONAL RELATIONS

- Belarusian-Cuban Relations (1962—2018) *Alexandr Chelyadinsky* **4** 6
- Participation of Maxim Tank in the Activities of the
Byelorussian SSR Delegation at the UN General
Assembly (1960—1962) *Ihar Aulasenka* **5** 7
- Increase of the Cooperation Level in Human and
Social Spheres in Sino-Russian Relations in the
21st Century *Bao Ying* **6** 3

REVIEWS

- Review of the monograph of A. Tikhomirov «Foreign
Policy of the Republic of Belarus (1991—2015)» *Emmanuil Ioffe* **7** 1

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- China's Overseas Economic and Trade Cooperation
Zone within the Framework of Implementation of
the «One Belt, One Road» Initiative *Guo Shuhong, Natalia Yurova, Yao Jiahui* **7** 4
- «Asian Tigers» in the International Performance
Innovation Indices *Ekaterina Botenovskaya, Aliaksandra Vilchytzkaya* **8** 3
- International Cooperation in Science and Techno-
logy: Terminological Analysis *Natalia Kazarina* **9** 0

ЕВРОПЕИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Елена Бабкина

В статье анализируется прогрессирующий процесс европеизации международного частного права в таких направлениях, как участие ЕС в разработке инструментов унификации международного частного права, непосредственное участие ЕС в международных организациях в сфере международного частного права и интенсификация развития международного частного права ЕС. Дается оценка позитивным и негативным правовым последствиям названного процесса.

Ключевые слова: европеизация; европейское международное частное право; коллизионная норма; международное частное право; регламент ЕС.

«Europeanisation of Private International Law» (Elena Babkina)

The article deals with the progressing process of Europeanisation of private international law in such areas as EU participation in the development of tools for the unification of private international law, the direct participation of the EU in international organisations in the field of private international law and the intensification of the development of private international law of the EU. The author gives positive and negative assessment of the legal consequences of the process.

Keywords: conflict-of-laws rule; EU regulation; europeanisation; European private international law; private international law.

Author:

Babkina Elena — Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Private International and European Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: babkinaelena16@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Проблематика влияния наднационального правового регулирования на развитие международного частного права в глобальном масштабе исследовалась такими западными учеными, как Ю. Базедов [12], Дж. Хейн [28], Ф. Покар [38; 39], Р. Саватье [45], Д. Видеман [51] и др. Вступление 1 мая 1999 г. в силу изменений и дополнений от 2 сентября 1997 г. в Договор, учреждающий Европейское сообщество (далее — Амстердамский договор), дало основание известному исследователю в сфере международного частного права Ф. Покару [39, р. 873] поставить вопрос, является ли коммунитаризация международного частного права революцией для последнего? Сегодня, вне всяких сомнений, мы отвечаем на этот вопрос утвердительно. Определить основные этапы и методы процесса европеизации международного частного права, выявить его преимущества и недостатки, а также предложить возможные направления для использования опыта Европейского союза (далее — ЕС, Союз) — такие задачи ставила перед собой автор статьи.

Под европеизацией (*europeanisation*) международного частного права (далее — МЧП) мы понимаем не только принятие непосредственно источников права ЕС, регулирующих частноправовые отношения, осложненные трансграничным элементом, но и влияние, оказываемое правом ЕС на регулирование таких отношений на иных уровнях: международном и национальном, а также на наднациональном уровне в рамках иных интеграционных объединений. (В доктрине параллельно используется термин «коммунитаризация» международного частного права [28; 38; 39].)

Участие ЕС в разработке инструментов унификации международного частного права

Очевидно влияние европейских правовых традиций на источники права, принимаемые под эгидой организаций по унификации МЧП, в частности Гаагской конференцией по международному частному праву (далее — Гаагская

Автор:

Бабкина Елена Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: babkinaelena16@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Довгань Елена Фёдоровна — доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе Международного университета «МИТСО»

Царёва Людмила Васильевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета

конференция), Международным институтом унификации частного права, Комиссией ООН по праву международной торговли и др. Эти организации созданы в основном европейскими государствами, находятся в европейских городах, соответственно, международные договоры, разработанные в рамках этих организаций, ратифицированы преимущественно европейскими странами.

С момента вступления в силу Римского договора Европейское экономическое сообщество (далее — ЕЭС, Сообщество) проявляло заинтересованность в работе международных организаций по унификации МЧП. Интерес к МЧП существовал уже в то время [45, р. 237].

Так, ЕЭС, представленное Комиссией ЕЭС, принимало участие в работе Гаагской конференции с 1960 г., т. е. с первой сессии конференции, которая имела место с момента создания ЕЭС. Результатом работы этой сессии стало принятие такого необходимого с практической точки зрения международного договора, как Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов, от 5 октября 1961 г. Упрощение движения официальных документов, выданных в иностранных государствах, — насущная потребность развития общего рынка. Поэтому интерес государств — членов ЕС в данной области очевиден. Кроме того, уже в то время было понятно, что ЕЭС нуждается в урегулировании соответствующего вопроса на наднациональном уровне. В связи с этим, необходимо, чтобы Сообщество имело прямую информацию о разрабатываемом проекте уже на предварительном этапе [53, р. 119].

ЕЭС, а в настоящее время ЕС, принимает участие и в работе иных международных организаций, например УНИДРУА. Аналогичным образом Сообщество участвовало в качестве наблюдателя в разработке проектов Конвенции о международном факторинге [49, р. 6] и Конвенции о международном финансовом лизинге [48, р. 9], принятых 28 мая 1988 г., а также Конвенции УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям от 24 июня 1995 г. [5].

Особый интерес представляет механизм применения последнего международного договора. Дело в том, что к моменту принятия Конвенции УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям на уровне ЕЭС действовал наднациональный инструмент — директива 93/7/ЕЭС Совета Европейских сообществ «О возвращении культурных объектов, незаконно вывезенных с территории государств-членов» [3] (в настоящее время действует директива 2014/60/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О возвращении культурных объектов, незаконно вывезенных с территории государств — членов ЕС, и об изменении регламента (ЕС) 1024/2012» [2]).

Наличие собственного правового регулирования в рамках наднациональной организации потребовало учета различий правовых режимов в тексте Конвенции в целях предотвращения конфликта разноуровневых норм по одному и тому же вопросу. Так, согласно пункту 3 статьи 13 Конвенции: «В их взаимоотношениях Договаривающиеся государства — члены организаций по экономической интеграции или региональных сообществ могут заявить, что они применяют внутренние правила этих организаций или сообществ и таким образом не применяют в своих отношениях положения настоящей Конвенции, область применения которых совпадает с внутренними правилами» [5]. Данное положение демонстрирует основной принцип сосуществования параллельных правовых режимов: при совпадении сферы применения приоритет имеет наднациональное регулирование. Прямая норма имеет позитивный эффект: повышается правовая определенность, устраняется фрагментация международного права, минимизируется возможность *forum shopping*.

Непосредственное участие ЕС в международных организациях в сфере международного частного права

Участие ЕС в качестве наблюдателя в работе Гаагской конференции было промежуточным шагом на пути европеизации МЧП в глобальном масштабе.

Участие в международных договорах было объявлено Консультативным заключением Суда ЕС 1/03 [36] исключительной компетенцией ЕС, и по причине отсутствия механизма участия ЕС в международных договорах, принимаемых Гаагской конференцией, Совет принял решение 2008/431/ЕС, наделяющее государства-члены правом вступать или присоединяться к Гаагским конвенциям по вопросу, входящему в исключительную компетенцию ЕС [18]. После присоединения ЕС к Гаагской конференции 3 апреля 2007 г. [17] ЕС может быть непосредственным участником конвенций, которые допускают участие организаций региональной экономической интеграции.

Непосредственное участие в работе международной организации позволяет учитывать специфику целей международной организации региональной экономической интеграции в процессе переговоров по заключению конкретного международного договора в рамках другой международной организации. Статус наблюдателя не может в полной мере решить проблему: возможность высказывать свое мнение после докладов всех делегаций и невозможность участия в голосовании. Эффект европеизации международного частного права, вскрыв эти проблемы на стадии сотрудничества Гаагской конференции и ЕЭС в статусе наблюдателя, оказал влияние и на политику

международных организаций в сфере унификации. Например, в пункте 2 статьи 8 Устава Гаагской конференции внесены дополнения, вступившие в силу 1 января 2007 г., согласно которым «Сессии, Совет и специальные комиссии, **насколько это возможно** (выделено автором. — Е. Б.), действуют на основе консенсуса» [47]. Названные изменения открывают возможности региональным интеграционным объединениям оказывать видимое влияние на политику международной организации, членом или наблюдателем которой они являются.

Следует отметить, что на международном уровне имеет место и противоположная составляющая. Так, в 1983 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве между Международной комиссией гражданского состояния (*The International Commission on Civil Status* — ICCS) и ЕЭС. ICCS — межправительственная организация, созданная в 1950 г., целью деятельности которой является разработка инструментов, облегчающих взаимное признание документов в области гражданского состояния, и создание единообразных документов, например многоязычных сертификатов [32]. Несмотря на явное соответствие цели данной организации реализации основного принципа ЕС — свобода движения лиц, а также на высокий профессиональный уровень принятых конвенций, многие государства — члены ЕС (Австрия, Хорватия, Венгрия, Великобритания, Италия, Португалия, Германия) вышли из ее состава (в настоящее время ICCS насчитывает 8 государств-членов и 9 государств-наблюдателей [32]). Данный процесс, в первую очередь, связан с возрастающим влиянием ЕС в сфере деятельности, являющейся основной для ICCS. Представители западной правовой доктрины высказывают опасение по поводу возможности прекращения деятельности единственной международной организации в сфере регулирования гражданского состояния, особенно в момент возрастания практической потребности в данной специализации [34].

Интенсификация развития международного частного права ЕС

Вступление в силу Амстердамского договора предоставило дополнительные возможности для европеизации МЧП в форме участия институтов ЕС в унификации норм МЧП и международного гражданского процесса. Так, его часть 2 статьи 73 устанавливает, что меры в области сотрудничества судебных органов в гражданских делах, которые имеют трансграничный характер и должны быть приняты... **в той мере, в которой это необходимо** для надлежащего функционирования внутреннего рынка, включают обеспечение совместимости действующих в государствах-членах норм, касающихся правовых и юрисдикционных коллизий [49].

Часть 2 статьи 81 лиссабонской редакции Договора о функционировании Европейского союза, несколько видоизменив текстуально соответствующую норму, еще больше расширила возможности применения наднациональных инструментов в данной сфере: «В целях параграфа 1, **особенно, когда это необходимо** (выделено автором. — Е. Б.) для нормального функционирования внутреннего рынка, Европейский парламент и Совет... принимают меры, призванные обеспечить... взаимную совместимость правил, действующих в государствах-членах в сфере конфликта законов и юрисдикций» [4].

Суд ЕС распространил внутреннюю компетенцию Союза на внешние полномочия. В Консультативном заключении 1/03 [36] он сделал вывод о том, что компетенция Сообщества заключать международные договоры может быть не только явно обозначена в учредительном договоре, но равно вытекать из других положений названного договора, а также из мер, принятых институтами Сообщества по реализации этих положений. Поскольку Сообщество наделило институты соответствующими полномочиями для достижения специфических целей, оно имеет компетенцию принимать международные обязательства, необходимые для достижения таких целей, даже в отсутствие четких положений по этому вопросу. Более того, сферы применения международного договора и акта Союза могут не совпадать в полной мере, причем должно приниматься во внимание не только актуальное состояние права Союза, но и его дальнейшее развитие, насколько это предвидимо во время осуществления такого анализа (пп. 124–126). В Консультативном заключении 1/13 [37] Суд ЕС дополнил данный тезис выводом о наличии исключительной компетенции ЕС, даже если существует только риск нарушения единообразного и последовательного применения регламента в государствах-членах (п. 89).

Справедливости ради следует отметить и существование в европейском праве инструментов, призванных ограничить монополию Союза в вопросе принятия источников международного частного права и реализации государствами-членами компетенции самостоятельно заключать договоры в сфере регулирования трансграничных частноправовых отношений. Так, регламент ЕС 593/2008 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (далее — Регламент Рим I) [10] и регламент ЕС 864/2007 «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» (далее — Регламент Рим II) [11] оговаривают в преамбулах задачу разработки специальных актов, регулирующих заключение государствами от своего имени соглашения с третьими странами по вопросам, входящим в сферу применения регламентов. Например, пункт 42 преамбулы Регламента

Рим I устанавливает: «Комиссия представит Европейскому парламенту и Совету предложение относительно процедур и условий, согласно которым государствам-членам в индивидуальных и исключительных случаях будет разрешено проводить переговоры о заключении и заключать от своего имени соглашения с третьими странами, содержащие положения о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам». Как следствие, были приняты регламент ЕС 662/2009, устанавливающий такую процедуру по вопросам, входящим в сферу применения регламентов Рим I и Рим II [43], и регламент 664/2009 [19] — по вопросам, относящимся к сфере применения Регламента Брюссель Ia [7] и Регламента ЕС 4/2009 [44]. Регламент ЕС 662/2009 и регламент ЕС 664/2009, подтверждая в качестве общего правила исключительную компетенцию ЕС в сферах регулирования вышеуказанных актов, тем не менее, устанавливают процедуру, по которой государства-члены могут обсуждать и заключать международные договоры с третьими странами. Согласно установленной процедуре государство-член должно уведомить Европейскую комиссию о намерении начать переговоры о заключении договора с третьим государством. Комиссия обязана проверить, не планируется ли заключение такого соглашения с данной страной в течение предстоящих 24 месяцев. В случае отрицательного ответа Комиссия проверяет соблюдение следующих условий: 1) государство-член имеет специфический интерес в заключении релевантного соглашения, вызванный экономическими, географическими, культурными, историческими, социальными или политическими связями с третьим государством; 2) предполагаемое соглашение не нарушает эффективность права Союза и не подрывает основы функционирования системы, установленной европейским правом; 3) предполагаемое соглашение не подрывает объект и цели политики Союза в сфере внешних отношений. Кроме того, устанавливается обязанность включения в текст договора условия о его денонсации государством-членом в случае последующего заключения договора между ЕС и этим третьим государством (ст. 8) [7; 8].

Европейское право предоставило европейскому международному частному праву свои специфические формы — директиву и регламент. Вместе с тем метод и структура источника правового регулирования остались теми же: основные регламенты в сфере МЧП содержат двусторонние коллизионные нормы, а также общие положения о публичном порядке, нормах непосредственного применения, обратной отсылке, применении права государства с множественной правовой системой, в некоторых случаях — юрисдикцию и признание иностранных судебных решений. Таким образом, источники европейского международного

частного права повторяют метод и структуру международных договоров, принятых Гаагской конференцией и другими организациями. Представляется, что такой подход вызван пониманием необходимости взаимодействия между названными актами, а также простотой техники, выработанной более чем столетней практикой Гаагской конференции. Так, регламент ЕС 2201/2003 «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий регламент ЕС № 1347/2000» [7] согласно упомянутому Консультативному заключению Суда ЕС 1/13 «дополняет и уточняет положения Гаагской конвенции о гражданских аспектах похищения детей» и устанавливает приоритет над ней и некоторыми другими гаагскими конвенциями по вопросам, отнесенным к сфере действия регламента (п. 87). Регламент ЕС № 4/2009 «О юрисдикции, применимом праве, признании, обеспечении исполнения решений и сотрудничестве по вопросам, касающимся обязательств по уплате алиментов» отсылает в государствах — членах ЕС для определения применимого права к Гаагскому протоколу от 23 ноября 2007 г. о праве, применимом к алиментным обязательствам, для которых указанный документ имеет обязательную юридическую силу (п. 20 преамбулы) [8].

Однако нельзя не заметить и тенденцию к расширению сферы применения источников европейского международного частного права. На начальном этапе принимались регламенты, закрепляющие коллизионно-правовое регулирование — они именовались регламентами Рим (регламенты Рим I, Рим II, Рим III), чтобы подчеркнуть принцип последовательности: истоки европейского коллизионного регулирования обязательств лежат в проекте Римской конвенции о применимом праве, идея которой заключалась в разработке комплексного правового акта в сфере международного частного права (подробнее см.: [1]), либо посвященные регламентации юрисдикции и порядка признания и приведения в исполнение иностранных решений — они носили название регламентов Брюссель в целях акцентирования внимания на их генезисе вследствие эволюции Брюссельской конвенции (Регламент ЕС 44/2001 «О юрисдикции, признании и принудительном исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (далее — Регламент Брюссель I) [9], регламент ЕС 1215/2012 «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» (далее — Регламент Брюссель I bis) [6], регламент ЕС 2201/2003 «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей» (далее — Регламент Брюссель II bis) [7]). В настоящее время мы наблюдаем построение ев-

ропейских регламентов по более комплексной системе, которая включает и коллизионное регулирование, и вопросы юрисдикции, и признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений в отношении определенного предмета правового регулирования (регламент ЕС 650/2012 «О компетенции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании европейского свидетельства о наследовании» (далее — Регламент Рим IV) [44], регламент ЕС 2016/1103 «О продвинутом сотрудничестве в отношении юрисдикции, применимого права, признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений по вопросу режима собственности супругов» [21], регламент ЕС 2016/1104 «О продвинутом сотрудничестве в отношении юрисдикции, применимого права, признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений по вопросу имущественных последствий зарегистрированных партнерств» [22].

Отметим, что на стадии подготовки регламента ЕС 1259/2010 «О расширении сотрудничества в области права, применимого к расторжению брака и судебному разлучению супругов» (далее — Регламент Рим III) [20] была предпринята попытка включить в текст не только коллизионные нормы, но и нормы о юрисдикции, признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений, поскольку он задумывался как регламент, изменяющий Регламент Брюссель II bis. Однако пересмотр последнего не состоялся по причине противостояния некоторых государств-членов, например Швеции, которая имеет сравнительно либеральное процессуальное законодательство о расторжении брака. Как следствие, текст Регламента Рим III ограничивается нормами о применимом праве в рамках механизма продвинутого сотрудничества между некоторыми государствами-членами на основании статьи 20 Договора о Европейском союзе.

Несмотря на схожесть методологии регулирования и структуры нормативных правовых актов, европейские инструменты различаются спецификой. Особые характеристики источников европейского коллизионного права объясняются двойственностью целей, которые они преследуют. С одной стороны, это гармонизация — единообразие и последовательность — судебных решений и, как следствие, правовая определенность, предсказуемость и стабильность международных частноправовых отношений. С другой стороны, квалифицирующим признаком международного частного права в рамках данного интеграционного объединения является «наполнение» этих норм европейскими ценностями и принципами европейского права, направленность на достижение целей этой организации, в первую очередь, на

эффективность функционирования внутреннего рынка, а именно реализацию четырех основных свобод и создание пространства свободы, безопасности и правосудия.

Ярким примером может служить система коллизионных привязок в Регламенте Рим III [20]. Основным принципом выступает автономия воли сторон, ограниченная правом государства местожительства или последнего местожительства супругов, если один из них продолжает проживать в данном государстве, либо личным законом, как минимум, одного из супругов, либо *lex fori*. В отсутствие выбора сторонами права применению подлежит право государства совместного проживания или последнего совместного проживания, если оно имело место не ранее одного года до заседания суда и один из супругов проживает в нем, либо общего гражданства супругов, либо *lex fori*. В данном случае мы видим компромисс между двумя противоположными целями: создание предсказуемого и определенного правового режима и «гармонии судебных решений» — общая цель процесса унификации, и обеспечение свободы перемещения лиц в Союзе — цель интеграции. Причем последняя обеспечивается как возможностью для сторон правоотношений самостоятельно осуществлять выбор более благоприятного применимого права и избегать неблагоприятного, так и возможностью применения личного закона супругов, которым может являться право третьих стран, в целях учета национальных культурных и религиозных традиций и, следовательно, упрощения признания и приведения в исполнение судебных решений в этих странах.

Возможность достижения таких разных целей, учет различных обстоятельств отличает европейское международное частное право от инструментов иных правовых режимов. Единобразие практики применения права интеграционного объединения — типичная цель любого инструмента унификации, достигается в этом случае, кроме всего прочего, и институциональными механизмами, призванными обеспечивать европейский правопорядок, реализовывать его цели, ценности и принципы [53, р. 124–125]. Непосредственным регулятором выступает Суд ЕС, обладающий компетенцией рассматривать преюдициальные запросы и высказывать авторитетное мнение о толковании норм европейского права. Именно ему принадлежит заслуга в развитии европейского права и продвижении европейской интеграции.

Следует подчеркнуть, что европейское международное частное право, по общему правилу, не имеет своей целью замену действующего правового регулирования на универсальном уровне. Как правило, европейские инструменты регулируют те области общественных отношений, которые представляют наибольшую

сложность для гармонизации и унификации либо требуют специфического регулирования в целях региональной экономической интеграции: контрактное право, транспортные отношения, банковские операции, финансовый сектор.

Показательным примером является проект регламента ЕС 2011/0284 (COD) «О Едином европейском законе о купле-продаже» [40]. Несмотря на свое название, данный акт призван регулировать отношения с потребителями как слабой стороной: статья 8 устанавливает, что он применяется только в том случае, если продавец товара или поставщик цифрового контента являются коммерсантами. Если все стороны контракта купли-продажи являются коммерсантами, Единый европейский закон о купле-продаже может применяться, если, как минимум, одна из сторон является малым или средним предприятием (штат которого не превышает 250 сотрудников и годовой оборот не превышает 50 млн евро). Новый проект 2017 г. [15], призванный заменить проект Единого европейского закона о купле-продаже, еще больше сужает сферу применения: он регулирует контракт с потребителем, которым признается исключительно физическое лицо.

Учет и высокая оценка эффективности универсальных регуляторов со стороны законодателя ЕС еще более четко прослеживаются на примере подхода к правовому регулированию международного коммерческого арбитража. Дискуссии относительно исключения правового регулирования арбитража из сферы применения Регламента Брюссель I имели место еще во время подготовки Брюссельской конвенции [52, р. 113]. Впоследствии, на стадии разработки проекта о пересмотре регламента ЕС о юрисдикции Европейской комиссией было выдвинуто предложение включить в текст статью о соотношении юрисдикции государств-членов и международного коммерческого арбитража, поскольку перед Судом ЕС в нескольких преюдициальных запросах ставился вопрос относительно принятия судом мер по обеспечению иска [27, р. 843, 847]. Еще ранее, в решении от 25 июля 1991 г. по делу *Marc Rich and Co. AG v. Società Italiana Impianti PA* [29], Суд ЕС постановил, что судебный процесс, связанный с арбитражным разбирательством, не входит в сферу применения Брюссельской конвенции о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений в гражданских и коммерческих отношениях от 27 сентября 1968 г. (Суд ЕС постановил, что для решения вопроса о том, подпадает ли спор под сферу регулирования конвенции, необходимо исходить исключительно из предмета спора. Когда таковым является вопрос назначения арбитра, конвенция не применяется, несмотря на существование преюдициального запроса национального суда, перед которым поставлен аналогичный вопрос (п. 26).)

Однако предложение Европейской комиссии, представленное в *Green Paper* [25], о включении в проект нескольких положений относительно арбитража, в том числе о праве, применимом к существованию, и действительности арбитражного соглашения, было встречено такой резкой критикой со стороны арбитражных институтов, что из текста проекта регламента многие положения были исключены, кроме нормы *lis pendens*, устанавливающей в целях исключения параллельных производств между судами и между судами и арбитражами приоритет компетенции арбитража или суда по месту нахождения арбитража относительно наличия, действительности и последствий арбитражного соглашения [41, р. 4, 9, 35, 36].

В итоге окончательный текст регламента не только не регулирует вышеупомянутый вопрос, но и включает норму о приоритете Нью-Йоркской конвенции над регламентом (ч. 2 ст. 73) [9].

Таким образом, сфера применения названных европейских инструментов не имеет точек соприкосновения с существующей унификацией международной купли-продажи посредством Венской конвенции о международных договорах купли-продажи от 11 апреля 1980 г. и международного коммерческого арбитража в рамках Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.

Вместе с тем нельзя не отметить и критику, все чаще высказываемую в доктрине относительно сложности и запутанности системы источников МЧП ЕС [31, р. 585–586, 592–593; 51, р. 175–176, 181]. Его называют и «тряпичным ковром», и «горой регламентов без системы», и «большим количеством деревьев, которые не похожи на лес» [51, р. 180].

Нормы МЧП содержатся в огромном количестве источников, сферы применения регламентов порой пересекаются. Сложность терминологии, глубокая дифференциация правового регулирования также не способствуют решению проблемы. Европейское МЧП сегодня — это комплексная, многоструктурная, дифференцированная система правовых норм, характеризующаяся автономностью и, как правило, прямым и непосредственным применением в государствах-членах. Так, об автономности данной системы по отношению как к правовым системам государств-членов, так и к первичному праву Союза свидетельствует, в том числе, использование автономной квалификации правовых терминов. К примеру, в доктрине отмечается, что понятие «услуга», применяемое в части 1 статьи 7 Регламента Брюссель I и части 1 статьи 4 Регламента Рим I, значительно уже аналогичного понятия, содержащегося в статье 56 Договора о функционировании Европейского союза [см.: 13, р. 14]. Аналогичным образом, термины «договор»,

«обещание одной стороны» и др. должны толковаться и толкуются как Судом ЕС, так и национальными судами без привязки к национальному и наднациональному европейскому праву [23, р. 162—171; 33, р. 24].

Еще в 1995 г. в США была опубликована книга М. Рейнмана (*M. Reimann*) «*Conflict of Laws in Western Europe — a Guide through the Jungle*» («Коллизионное право в Западной Европе — гид по джунглям»). Если бы монография была переиздана сейчас, ее структура и содержание изменились бы основательно, однако название с полным правом осталось бы тем же [см.: 31, р. 592].

Безусловно, такая ситуация противоречит положениям статьи 7 Договора о функционировании Европейского союза, которая устанавливает: «Союз заботится о согласованности между различными направлениями своей политики и деятельности с учетом всей совокупности своих целей и в соответствии с принципом наделения компетенцией».

Вышеперечисленные сложности в практическом применении источников МЧП ЕС, являющиеся следствием его фрагментации, обусловили появление предложения разработки комплексных источников европейского права — Кодекса европейского процессуального права [см.: 14, р. 175—186] и Кодекса европейского международного частного права [см.: 24; 35, р. 175—186; 42].

Однако наиболее оптимальной представляется идея автономной комплексной кодификации европейского МЧП (*an all-inclusive, comprehensive codification*), создания единого комплексного нормативного правового акта. Одним из доводов в поддержку названного предложения является успех кодификации МЧП на национальном уровне практически во всех государствах-членах и многих третьих странах. Более того, для европейского региона в принципе характерна идея рецепции юридических конструкций. К примеру, доктрина «характерного исполнения» была заимствована разработчиками Римской конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам, от 19 июня 1980 г. и затем перенесена в Регламент Рим I из правовой системы третьего государства, а именно Швейцарии (в Швейцарии упомянутая доктрина была предложена А. Шнитцером [46]), правовая система ни одного из государств-членов не содержала в то время аналогичного правового института [26, р. 654—655]. Кроме того, достоинством подхода является повышение правовой определенности и предсказуемости, последовательности и системности правового регулирования, а также единообразного применения и минимизации *forum shopping*. В качестве модели для такого проекта предлагается использовать Закон о международном частном праве Швейцарии 1987 г. [см.: 31, р. 600].

Следует подчеркнуть восприимчивость европейского законодателя к свежим академическим идеям, особую связь, многовекторное сотрудничество между доктриной и органами ЕС. Так, 11 октября 2012 г. Комитет по правовым делам (*JURI*) Европейского парламента запросил Отчет об оценке отсутствия правового регулирования (*Cost of Non-Europe report (CoNE)*) относительно перспектив разработки Европейского кодекса международного частного права. Целью таких отчетов является оценка социальных и экономических издержек, а также последствий недостаточной защиты прав и законных интересов граждан по причине отсутствия Европейского кодекса международного частного права. Соответствующий отчет, представленный в марте 2013 г. [16], указывает на 13 сфер, характеризующихся проблемами правового регулирования на уровне ЕС: правоспособность, недееспособность, имя и отчество, признание *de facto* семейных отношений, признание однополых браков, отношения родителей и детей, решения об усыновлении, алиментные обязательства в *de facto* семейных отношениях, подарки и трасты, движимое и недвижимое имущество, агентирование, частная жизнь и корпорации [16, р. 7, table 2]. Критериями оценки выступили такие факторы, как затраты, связанные с ведением предпринимательской деятельности (затраты, связанные с управлением предпринимательской деятельностью, такие как задолженность, нереальная для взыскания, неисполнение договоров и сложность их принудительного исполнения и в целом упущенная выгода), административные расходы, включая заявления о признании гражданского статуса, проставлении апостиля, сертификации трансграничной деятельности и обосновании права на выплаты, юридические затраты (юридическая помощь, в том числе представительство в судах, установление юридической силы договоров, признание статуса документов, управление имуществом, имущественными правами и иными активами), социальные и эмоциональные затраты (неудобство, потеря благосостояния, стресс и дискомфорт, вызванные длительностью судебного процесса), а также потери ЕС в широком смысле — неопределенность и непоследовательность, вызванные созданием барьеров для свободы движения товаров, лиц и услуг на внутреннем рынке. Отсутствие правового регулирования — как в целом отсутствие регулирования и применимого права, и юрисдикции, и признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, так и отсутствие регулирования на уровне одной или нескольких составляющих МЧП — влекут серьезные правовые последствия как для администрации, так и для граждан ЕС, что оценивается экономическим ущербом для Союза в размере 138 млн евро в год. Сравнивая правовые последствия внесения изменений

и дополнений в отраслевое законодательство и кодификации, авторы отчета высказывают безусловное предпочтение перед последней, называя его преимущества — прозрачность, упрощение процедур, уменьшение затрат, возможность применения неспециалистами, создание полного представления об объекте, сокращение количества норм, которые приводят к достижению основной цели — реализации принципа правовой определенности, уменьшения барьеров и ограничений для свободы перемещения лиц на внутреннем рынке [16, р. 10], а также упрощения признания судебных решений и предупреждения *forum shopping* [16, р. 12].

Заключение

Представленный в настоящей статье анализ взаимодействия унификационных процессов на универсальном и региональном уровне позволяет сделать следующие теоретические и практические выводы.

Нельзя не признать глобальное влияние региональной унификации международного частного права в рамках ЕС на его универсальную унификацию. Причем это влияние обнаруживается в нескольких плоскостях.

На региональном уровне европеизация МЧП проявляется в предложении новых региональных правовых форм при сохранении классического метода правового регулирования, а также системы построения нормативных правил.

Сфера применения европейского МЧП стремительно расширяется как на горизонтальном уровне — отраслевой характер регулируемых общественных отношений, так и на вертикальном уровне — территориальный характер регулируемых общественных отношений. Классический подход о том, что региональная унификация лимитирована границами регионального интеграционного объединения, в настоящее время терпит крах. Сфера регулирования МЧП ЕС сегодня не ограничена отношениями в рамках Союза, но распространяется и на третьи государства. Данный тезис последовательно развивается Судом ЕС в его консультативных заключениях и решениях.

На универсальном уровне коммунитаризация данной отрасли приводит, к сожалению, к негативным последствиям. Во-первых, это проявляется в потере интереса европейских государств, которые исторически, воплощая идею Ф. К. фон Савиньи о *Entscheidungsharmonie*, являлись движущей силой процессов унификации и гармонизации, к работе некоторых международных организаций. Государства — члены ЕС оставляют членство в таких международных институтах, что объясняется как наличием более значительных результатов унификации на региональном уровне, так и признанием, с легкой руки Суда ЕС, ис-

ключительности компетенции Союза в сфере правового регулирования трансграничных частноправовых отношений. Данный процесс не может не вызывать опасения за перспективы функционирования таких организаций, как ICCS и Гагская конференция, членство в которых не ограничено участием европейских государств, и, более глобально, за сохранение универсального уровня правового регулирования в исследуемой сфере.

Практика деятельности данных организаций демонстрирует неудачи создания инструментов универсальной унификации по вопросам, входящим в сферу правового регулирования европейского МЧП: признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений как в целом, так и по отдельным вопросам, например наследования. Так, данный вопрос был вычеркнут из программы Гагской конференции непосредственно после первого заседания Совета по общим вопросам после принятия регламента ЕС 650/2012. Вместе с тем существует и тенденция «невмешательства» ЕС в регулирование общественных отношений на универсальном уровне.

Европейская доктрина высказывает крайне пессимистичное мнение относительно возможности в настоящее время урегулирования на универсальном уровне вопросов, не регламентированных на этом уровне ранее, например о праве, применимом к существованию и действительности арбитражного соглашения на доарбитражной стадии, а также о юрисдикции такого спора. Длительность и сложность процесса делает невозможным пересмотр Нью-Йоркской конвенции. Единственным решением видится унификация на региональном уровне. Высказанное предложение об использовании инструментов Европейской конвенции 1961 г. [52, р. 128] представляется слишком оптимистичным как по вышеприведенным аргументам, так и с учетом того факта, что только 19 государств — членов ЕС участвуют в ней. Очевидно, что европейские государства вынуждены будут вернуться к вопросу о включении норм о регулировании аспектов, связанных с арбитражным разбирательством, в право ЕС. Первым значительным событием в сфере международного коммерческого арбитража стало решение Суда ЕС С 284/16, вынесенное 6 марта 2018 г. по преюдициальному запросу Федерального суда Германии [30], в котором Суд ЕС признал несовместимой со статьями 267 и 344 Договора о функционировании Европейского союза норму двустороннего договора о поощрении и защите иностранных инвестиций между Нидерландами и Словакией, устанавливающую компетенцию международного коммерческого арбитража рассматривать инвестиционные споры между инвестором государства — члена ЕС и государством — членом ЕС.

Список использованных источников

1. Бабкина, Е. В. Интернационализация источников международного частного права под влиянием интеграционных процессов / Е. В. Бабкина // Перспективные решения актуальных проблем государственного строительства и международного права: сб. науч. ст. / под ред. Е. В. Семашко. — Минск: Четыре четверти, 2017. — С. 175—184.
2. Директива 2014/60/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О возвращении культурных объектов, незаконно вывезенных с территории государств — членов ЕС, и об изменении регламента (ЕС) 1024/2012» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2018.
3. Директива 93/7/ЕЭС Совета Европейских сообществ «О возвращении культурных объектов, незаконно вывезенных с территории государств-членов» [Электронный ресурс] // Там же.
4. Договор о функционировании Европейского союза (с изм. и доп. от 13.12.2007 г.) [Электронный ресурс] // Там же.
5. Конвенция УНИДРУА по похищенным или незаконно вывезенным культурным ценностям от 24 июня 1995 г. [Электронный ресурс] // Там же.
6. Регламент № 1215/2012 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам (в новой редакции)» [Электронный ресурс] // Там же.
7. Регламент № 2201/2003 Совета Европейского союза «О юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей, отменяющий регламент (ЕС) № 1347/2000» [Электронный ресурс] // Там же.
8. Регламент № 4/2009 Совета Европейского союза «О юрисдикции, применимом праве, признании, обеспечении исполнения решений и сотрудничестве по вопросам, касающимся обязательств по уплате алиментов» [Электронный ресурс] // Там же.
9. Регламент № 44/2001 Совета Европейского союза «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам» [Электронный ресурс] // Там же.
10. Регламент № 593/2008 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О праве, подлежащем применению к договорным обязательствам» [Электронный ресурс] // Там же.
11. Регламент № 864/2007 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам» [Электронный ресурс] // Там же.
12. Basedow, J. The Communitarisation of Private International Law / J. Basedow // *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht = The Rabel Journal of Comparative and International Private Law*. — July 2009. — N 73. — P. 455—460.
13. Bogdan, M. Concise introduction to EU private international law. 3rd ed. / M. Bogdan. — Groningen: Europa Law Publishing, 2016. — 230 p.
14. Bohnet, F. L'unification de la procédure civile Suisse, un modèle pour l'Union européenne? / F. Bohnet // *La justice civile européenne en marche* / sous la dir. de: M. Douchy-Oudot et E. Guinchard. — Paris: Dalloz, 2012. — VII, 277 p.
15. Contracts for online and other distance sales of goods [Electronic resource] // European Parliament. — Mode of access: <[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/599286/EPRS_BRI\(2017\)599286_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/599286/EPRS_BRI(2017)599286_EN.pdf)>. — Date of access: 10.01.2018.
16. Cost of Non-Europe Report. CONE 3/2013. European Code on Private International Law [Electronic resource] // European Parliament. — Mode of access: <[http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2013/504468/IPOL-JOIN_ET\(2013\)504468_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2013/504468/IPOL-JOIN_ET(2013)504468_EN.pdf)>. — Date of access: 10.01.2018.
17. Council Decision 2006/719/EC of 5 October 2006 on the accession of the Community to the Hague Conference on Private International Law [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32006D0719>>. — Date of access: 10.01.2018.
18. Council Decision 2008/431/EC of 5 June 2008 authorising certain Member States to ratify, or accede to, in the interest of the European Community, the 1996 Hague Convention on Jurisdiction, Applicable Law, Recognition, Enforcement and Cooperation in respect of Parental Responsibility and Measures for the Protection of Children and authorising certain Member States to make a declaration on the application of the relevant internal rules of Community law — Convention on Jurisdiction, Applicable Law, Recognition, Enforcement and Cooperation in respect of Parental Responsibility and Measures for the Protection of Children [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32008D0431>>. — Date of access: 10.01.2018.
19. Council Regulation (EC) 664/2009 of 7 July 2009 establishing a procedure for the negotiation and conclusion of agreements between Member States and third countries concerning jurisdiction, recognition and enforcement of judgments and decisions in matrimonial matters, matters of parental responsibility and matters relating to maintenance obligations, and the law applicable to matters relating to maintenance obligations [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32009R0664>>. — Date of access: 10.01.2018.
20. Council Regulation (EU) 1259/2010 of 20 December 2010 implementing enhanced cooperation in the area of the law applicable to divorce and legal separation [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32010R1259>>. — Date of access: 10.01.2018.
21. Council Regulation (EU) 2016/1103 of 24 June 2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of matrimonial property regimes [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2016.183.01.0001.01.ENG>. — Date of access: 10.01.2018.
22. Council Regulation (EU) 2016/1104 of 24 June 2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of the property consequences of registered partnerships [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2016.183.01.0030.01.ENG>. — Date of access: 10.01.2018.
23. European commentaries on private international law — ECPII: commentary / ed. by U. Magnus, P. Mankowski. Vol. 4. Brussels IIbis Regulation; written by U. Magnus [et al.]. — Köln: Otto Schmidt, 2017. — 540 p.
24. Fallon, F. Les conditions d'un code européen de droit international privé / F. Fallon // *La matière civile et commerciale, socle d'un code européen de droit international privé?: [actes du colloque organisé à Toulouse, le 17 octobre 2008 par l'Institut de Recherche en Droit Européen, International et Comparé, IRDEIC] / sous la direction de M. Fallon; P. Lagarde; S. Poillot-Peruzzetto*. — Paris: Dalloz, 2009. — P. 175—185.
25. Green Paper on the Review of Council Regulation (EC) 44/2001 on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters: Doc. COM (2009) 175 final [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52009DC0175>>. — Date of access: 10.01.2018.

26. Harder, S. Convergence and Divergence in Private International Law / S. Harder // *Journal of Private International Law*. — 2011. — Vol. 7, N 3. — P. 649–663.
27. Hartley, T. C. The Brussels I Regulations and Arbitration / T. C. Hartley // *International and Comparative Law Quarterly*. — 2014. — Vol. 63, N 4. — P. 843–866.
28. Hein, J. von. Of Older Siblings and Distant Cousins: The Contribution of the Rome II Regulation to the Communitarisation of Private International Law / J. von Hein // *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht = The Rabel Journal of Comparative and International Private Law*. — July 2009. — N 73. — P. 463–508.
29. Judgment of the Court of 25 July 1991. *Marc Rich & Co. AG v. Società Italiana Impianti PA*: Case C-190/89 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61989CJ0190>>. — Date of access: 10.01.2018.
30. Judgment of the Court (Grand Chamber): Case C 284/16, 6 March 2018 [Electronic resource] // Court of Justice of the European Union. — Mode of access: <<http://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=199968&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=755280>>. — Date of access: 22.03.2018.
31. Kadner Graziano, T. Codifying European Union private international law: The Swiss Private International Law Act — a model for a comprehensive EU private international law regulation? / T. Kadner Graziano // *Journal of Private International Law*. — 2015. — Vol. 11, N 3. — P. 585–606.
32. La Commission Internationale de l'Etat Civil en bref [Electronic resource]. — Mode of access: <<http://ciec1.org/>>. — Date of access: 10.01.2018.
33. *Marc Brogitter v. Fabrication de Montres Normandes EURL and Karsten Fräddorf*: Case C-519/12 [Electronic resource] // Court of Justice of the European Union. — Mode of access: <<http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-548/12>>. — Date of access: 10.01.2018.
34. Massip, J. Commission Internationale de l'Etat Civil (CIEC) / J. Massip, F. Hondius, C. Nast. — The Hague; London: Kluwer Law International, 2018. — 99 p.
35. Nourissat, C. La codification de l'espace judiciaire civil européen / C. Nourissat // *La justice civile européenne en marche / sous la dir. de M. Douchy-Oudot, E. Guinchard*. — Paris: Dalloz, 2012. — VII, 277 p.
36. Opinion 1/03 of the Court (Full Court) 7 February 2006 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:62003CV0001:EN:HTML>>. — Date of access: 10.01.2018.
37. Opinion 1/13 of the Court (Grand Chamber) 14 October 2014 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62013CV0001>>. — Date of access: 10.01.2018.
38. Pocar, F. La codification européenne du droit international privé: vers l'adoption de règles rigides ou flexible vers les états tiers? / F. Pocar // *Le droit international privé: esprit et méthodes; mélanges en l'honneur de Paul Lagarde*. — Paris: Dalloz, 2005. — P. 697–705.
39. Pocar, F. La communitarizzazione del diritto internazionale private: una «European conflict of laws revolution»? / F. Pocar // *Rivista di diritto internazionale private e processuale*. — 2000. — October–December. — P. 873–884.
40. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a Common European Sales Law (COD) [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52011PC0635>>. — Date of access: 10.01.2018.
41. Proposal for a Regulation of the European Parliament and the Council on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters (recast): Doc. COM (2010) 748 final, 14 December 2010 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52010PC0748>>. — Date of access: 10.01.2018.
42. Quelle architecture pour un code européen de droit international privé? / M. Fallon, P. Lagarde, S. Poillot-Peruzzetto (dir.). — Bruxelles; Bern; Berlin; Frankfurt a. M.; Wien [u.a.]: Lang, 2011. — 388 S.
43. Regulation (EC) No 662/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 establishing a procedure for the negotiation and conclusion of agreements between Member States and third countries on particular matters concerning the law applicable to contractual and non-contractual obligations [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32009R0662>>. — Date of access: 10.01.2018.
44. Regulation (EC) No 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32012R0650>>. — Date of access: 10.01.2018.
45. Savatier, R. Le marché commun au regard du droit international privé / R. Savatier // *Revue critique de droit international privé*. — 1959. — P. 237–268.
46. Schnitzer, A. F. Les contrats internationaux en droit international privé Suisse / A. F. Schnitzer // *Recueil de cours*. — 1968. — T. 123. — P. 541–581.
47. Statute of the Hague conference on private international law [Electronic resource] // Hague Conference on Private International Law. — Mode of access: <<https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=29>>. — Date of access: 10.01.2018.
48. Summary report prepared by the UNIDROIT Secretariat: UNIDROIT 1987 — Study LIX — Doc. 46 / Committee of governmental experts for the preparation of a draft Convention on international financial leasing (Third session, 27–30 April 1987) [Electronic resource] // UNIDROIT. — Mode of access: <<https://www.unidroit.org/english/documents/1987/study59/s-59-46-e.pdf>>. — Date of access: 10.01.2018.
49. Summary Report prepared by the UNIDROIT Secretariat: UNIDROIT 1987 — Study LVIII — Doc. 32 / Committee of governmental experts for the preparation of a draft Convention on certain aspects of international factoring (Third session, 22–24 April 1987) [Electronic resource] // UNIDROIT. — Mode of access: <<https://www.unidroit.org/english/documents/1987/study58/s-58-32-e.pdf>>. — Date of access: 10.01.2018.
50. Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the treaties establishing the European Communities and certain related acts [Electronic resource] // European Parliament. — Mode of access: <<http://www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf>>. — Date of access: 10.01.2018.
51. Wiedemann, D. Convergence and Divergence in the EU's Judicial Cooperation in Civil Matters: Pleading for a Consolidation through a Uniform European Conflict's Codification / D. Wiedemann // *Max Plank Private Law Research Paper N 15/14*. — Hamburg, 2015. — P. 174–198.
52. Wilhelmsen, L. H. European perspectives on international commercial arbitration / L. H. Wilhelmsen // *Journal of Private International Law*. — 2014. — Vol. 10, N 1. — P. 113–128.
53. Zanobetti, A. Cooperation in Civil Matters and Multilevel Unification of Private International Law / A. Zanobetti // *The external dimension of EU private international law after Opinion 1/13* / ed. by Pietro Franzina. — Cambridge; Antwerpen; Portland: Intersentia, 2017. — P. 117–130.

Статья поступила в редакцию в июне 2018 г.

ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА: ВОПРОСЫ ДОКТРИНАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ И НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Николай Оксютчик

В статье исследуются вопросы доктринального определения и нормативного закрепления принципов международного частного права. Используя специальную методологию, автор предлагает собственный подход к определению и формулированию перечня принципов международного частного права, обосновывает необходимость его нормативного закрепления и предлагает соответствующие изменения и дополнения в действующие нормативные правовые акты Республики Беларусь.

Ключевые слова: доктринальное определение; критерии; нормативное закрепление; принципы международного частного права; система; функции.

«Principles of Private International Law: Issues of Doctrinal Definition and Normative Consolidation» (Nicolai Oksyutchik)

The article considers the issues of doctrinal definition and normative consolidation of the principles of private international law. Using a special methodology, the author proposes his own approach to defining and formulating the list of principles of private international law, justifies the need for its normative consolidation, and proposes appropriate changes and additions to the current regulatory legal acts of the Republic of Belarus.

Keywords: criteria; doctrinal definition; functions; normative consolidation; principles of international private law; system.

Author:

Oksyutchik Nicolai — post-graduate student of the Department of Private International and European Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: klaus.ox@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

В белорусской доктрине международного частного права вопрос о его принципах остается одним из наименее исследованных: среди немногочисленных публикаций, посвященных указанной проблематике, следует отметить работы Е. Б. Леанович [6], В. Г. Тихини [11], О. Н. Толочко [12]. Вместе с тем очевидно, что для более глубокого понимания сущности регулирующего воздействия современного международного частного права на предмет правового регулирования необходимо осуществить вычленение из существующей правовой реальности и анализ базовых положений, лежащих в основе указанного комплекса правовых норм. В этой связи в настоящей статье на основе общих доктринальных теоретико-правовых посылок и анализа современной практики международного частного права представлены авторская концепция принципов международного частного права, а также

предложения по нормативному закреплению указанной категории.

В настоящий момент перечень принципов международного частного права нормативно не закреплён. Более того, общепризнанное доктринальное определение указанной правовой категории также отсутствует, а редкие попытки его формулирования, в свою очередь, характеризуются существенными различиями в подходах. Так, Г. К. Дмитриева определяет принципы международного частного права как «основные начала, на которых строится вся система правовой регламентации частно-правовых отношений международного характера» [9, с. 32]. Е. Б. Леанович, в свою очередь, указывает, что «принципы международного частного права представляют собой особую систему норм и механизмов, решающих вопрос о взаимодействии права страны суда и иностранного права» [3, с. 61], существуют и

Автор:

Оксютчик Николай Викторович — аспирант кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: klaus.ox@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Ананич Светлана Михайловна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и европейского права факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Шакель Надежда Валентиновна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника организационно-инспекторского управления главного управления координации служебной деятельности Центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

другие определения [5, с. 690]. Представляется, что в процессе дефиниции принципов международного частного права следует исходить из общетеоретических основ понимания принципа права и учитывать специфику предмета правового регулирования этого специфического комплекса правовых норм различного генезиса. В результате реализации указанного подхода принципы международного частного права следует определить как объективно существующие основополагающие начала, базовые регламентирующие положения, системно опосредующие наиболее важные механизмы правового регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. По сути принципы международного частного права отражают особые юридические механизмы и ключевые нормативные предписания, сформировавшиеся в процессе регламентации частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, как необходимая аксиоматическая основа этого комплекса правовых норм, выполняющая две основные функции:

- 1) обеспечение внутреннего согласования и эффективного функционирования всей системы международного частного права;
- 2) регулирование частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом.

В этой связи представляется некорректной осуществляемая рядом авторов подмена данной специфической основы иными содержательными элементами. Достаточно четко это можно проиллюстрировать на примере отождествления принципов международного частного и международного публичного права. Так, Г. М. Вельяминов утверждает о прямом действии принципов международного публичного права в международном частном праве [8, с. 200]. Схожих подходов придерживаются М. М. Богуславский, формирующий «исходные начала российской доктрины международного частного права» на основе принципов международного публичного права [1, с. 28–31], Л. А. Лунц, утверждающий о «единстве исходных начал международного частного и международного публичного права» [7, с. 32–34], и некоторые другие авторы [4, с. 19]. Очевидно, что, являясь составной частью современной системы права, международное частное право функционирует под косвенным влиянием как общеправовых принципов, так и принципов права различных отраслей и правовых систем. Более того, указанные принципы в процессе трансформации в сфере частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, могут стать одной из содержательных основ генезиса принципов международного частного права. Однако они содержательно недостаточны для того, чтобы выступать основой формирования норм международного частного права. Система принципов международного частного права, прежде всего, от-

ражает специфику правового регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, а потому представляет собой обособленную систему принципов, перечень и содержание которых не сводят к принципам любых других правовых систем или отраслей права.

Представляется, что сложность доктринального формулирования принципов международного частного права обусловлена невозможностью решения этой научной задачи посредством абстрактного постулирования произвольного перечня положений. С нашей точки зрения, указанный процесс должен осуществляться на основании комплексного анализа нормативных правовых источников, правоприменительной практики и доктрины с использованием четких критериев определения принципов международного частного права и их предварительной классификации, так как лишь в этом случае предложенный перечень будет в достаточной степени объективным.

Исходя из предложенной дефиниции принципов международного частного права и их функциональной роли можно сформулировать следующую систему критериев определения принципа международного частного права:

— действительность, под которой понимают объективное существование принципа международного частного права в правовой реальности в качестве авторитетного положения, применимого для регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом;

— универсальность, представляющая собой способность принципа международного частного права в силу присущей ему определенной степени абстрактности прямо либо косвенно регулировать всю совокупность частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, либо опосредованно влиять на ее регулирование;

— согласованность, под которой понимают внутреннюю непротиворечивость принципа международного частного права в качестве самодостаточного положения в сочетании с его соответствием требованиям, предъявляемым к нему как к части целостной системы принципов международного частного права;

— относительная устойчивость, заключающаяся в способности принципа международного частного права с течением времени сохранять свои важнейшие характеристики в сочетании с возможностью внешней и внутренней корректировки в зависимости от объективных изменений всей сферы частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом;

— практическая применимость, предполагающая выполнение принципом международного частного права функции регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом.

Следует отметить, что предложенная система критериев не основана на какой бы то ни было иерархии: каждый из критериев обладает равной значимостью, и в качестве принципа международного частного права может рассматриваться лишь положение, в совокупности соответствующее каждому из них.

В процессе классификации принципов международного частного права необходимо исходить из того, что они, как следует из вышеизложенного, представляют собой систему равнозначных основополагающих положений, содержательное наполнение которой определяется предметом правового регулирования указанного комплекса норм. В этой связи принципы международного частного права по комплексному генезисно-функциональному признаку могут быть классифицированы на две группы:

1) общие, под которыми следует понимать принципы, обеспечивающие функционирование международного частного права как неотъемлемой части национальной, региональной и международной правовых систем посредством фундирования положений, присущих современному этапу правового развития общества и характеризующих основные тенденции развития права как важнейшего регулятора социальных отношений;

2) специальные, действия которых направлены на обеспечение функционирования сугубо специфических, присущих исключительно международному частному праву механизмов регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, учитывающих особый характер этой весьма многогранной сферы.

Общие принципы международного частного права являются «связующим звеном» между этим комплексом норм и существующим в конкретно-исторический период времени уровнем правового развития общества. Международное частное право может существовать только в общем тренде правового развития, не противопоставляя себя основам существующей системы права. Поэтому одной из содержательных основ генезиса общих принципов международного частного права служит комплексное эволюционирование общеправовых и отраслевых принципов права, их своеобразная качественная трансформация в сферу регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом.

К общим принципам международного частного права относятся:

— принцип экстерриториального применения национального законодательства, в соответствии с которым национальное законодательство применимо для непосредственного регулирования определенных правоотношений вне государства его принадлежности и подлежит указанному применению в порядке и на условиях, установленных в источниках международного частного права;

— принцип обеспечения баланса между защитой интересов государства и реализацией прав и законных интересов частных субъектов международного частного права, в соответствии с которым в процессе правового регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, реализация прав, предоставленных законодательством субъектам международного частного права, ограничивается лишь защитой государственных и общественных интересов; при этом государство устанавливает пределы указанных интересов и избирает способы их правовой защиты таким образом, чтобы максимально обеспечить реализацию прав упомянутых субъектов, в частности посредством функционирования таких институтов, как оговорка о публичном порядке, нормы непосредственного применения, реторсии, обход закона;

— принцип предоставления государством иностранным субъектам определенных правовых режимов, в соответствии с которым в процессе регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, государство устанавливает для иностранных субъектов особый порядок осуществления их деятельности (правовой режим), достаточный для их участия в соответствующих правоотношениях, но при этом ограниченный рамками национальных интересов соответствующего государства;

— принцип сочетания международного и национального нормативного регулирования, в соответствии с которым регулирование частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, осуществляется посредством комплексного комбинированного воздействия инструментов международной и национальной нормативной регламентации;

— принцип добросовестности и разумности участников правоотношений, в соответствии с которым субъекты международного частного права в процессе реализации предоставленных прав и исполнения возложенных обязанностей должны действовать добросовестно и разумно постольку, поскольку это вытекает из существа частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, и обеспечивает возможность их надлежащего правового регулирования;

— принцип автономии воли сторон, в соответствии с которым участники частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, вправе самостоятельно определить право, применяемое к регулированию их правоотношений, в порядке и на условиях, предусмотренных законодательством;

— принцип применения государственными судебными учреждениями процессуальных норм страны суда, в соответствии с которым рассмотрение споров, вытекающих из частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, осуществляется го-

сударственными судебными учреждениями в соответствии с национальными процессуальными нормами.

В свою очередь, специальные принципы международного частного права обеспечивают постулирование специфических основ функционирования международного частного права как уникального комплекса норм различного генезиса, регулирующего частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом. В силу специфики указанной сферы правового регулирования упомянутые принципиальные положения сформированы и существуют только в международном частном праве, а потому наиболее рельефно отражают его глубинную сущность, важнейшие признаки и закономерности его функционирования. К специальным принципам международного частного права следует отнести:

- принцип коллизионного регулирования, в соответствии с которым регулирование частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, осуществляется посредством особого правового механизма, предусматривающего определение применимого правопорядка коллизионными нормами;

- принцип применения негосударственных форм регулирования правоотношений, в соответствии с которым регулирование частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, может осуществляться посредством применения особых норм и правил негосударственного происхождения, вырабатываемых в процессе международного частноправового взаимодействия.

Учитывая обозначенную функциональную роль принципов международного частного права, представляется необходимым осуществить нормативное закрепление предложенной системы принципов, так как в белорусской правовой системе только оно в полной мере гарантирует их функциональную эффективность в части обеспечения принудительной (в необходимых случаях) реализации закрепленных в них правовых механизмов, их прямого влияния на правотворчество и правоприменение, а также регулирующего воздействия непосредственно на предмет правового регулирования.

Для нормативного закрепления принципов международного частного права следует исключить раздел VII из Гражданского кодекса Республики Беларусь [2], создав на его основе в процессе автономной комплексной кодификации отдельный закон о международном частном праве, в котором будут зафиксированы указанные принципы. Реализация упомянутого подхода позволит, с одной стороны, обеспечить функциональную эффективность принципов международного частного права, а с другой — не исключит действие принципов иных отраслей права (как материальных, так и процессуальных) и правовых систем, нормы которых будут регулировать соответствующие

правоотношения. В результате будет обеспечено надлежащее функционирование международного частного права как специфического комплекса правовых норм различного генезиса, регулирующего частноправовые отношения, осложненные иностранным элементом.

В рамках реализации указанного подхода по нормативному закреплению принципов международного частного права в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами Республики Беларусь законодательства при рассмотрении частноправовых споров, осложненных иностранным элементом, необходимо также внести следующие дополнения в постановление Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь «О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц» [10]:

- часть первую пункта 3 постановления после слов «общепризнанными принципами международного права,» дополнить словами «принципами международного частного права,»;

- пункт 3 постановления дополнить частями третьей и четвертой следующего содержания:

«Под принципами международного частного права понимаются объективно существующие основополагающие начала, базовые регламентирующие положения, системно опосредующие наиболее значимые механизмы правового регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом.

К принципам международного частного права относятся:

- 1) принцип экстерриториального применения национального законодательства, в соответствии с которым иностранное законодательство подлежит применению в Республике Беларусь для непосредственного регулирования определенных правоотношений в порядке и на условиях, установленных в международных договорах и законах Республики Беларусь;

- 2) принцип обеспечения баланса между защитой интересов государства и реализацией прав и законных интересов частных субъектов международного частного права, в соответствии с которым реализация прав частных субъектов международного частного права в исключительных случаях может быть ограничена только в целях защиты интересов Республики Беларусь, при этом указанные ограничения должны быть прямо установлены международными договорами или законами Республики Беларусь;

- 3) принцип предоставления государством иностранным субъектам определенных правовых режимов, в соответствии с которым международными договорами и законами Республики Беларусь для иностранных субъектов устанавливается особый порядок осуще-

ствления их деятельности (правовой режим), обеспечивающий возможность их участия в частноправовых отношениях на территории Республики Беларусь;

4) принцип сочетания международного и национального нормативного регулирования, в соответствии с которым при регулировании частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, применяются международные договоры и законы Республики Беларусь с учетом требований, указанных в пункте 2 настоящего постановления;

5) принцип добросовестности и разумности участников правоотношений, в соответствии с которым субъекты международного частного права в процессе реализации предоставленных прав и исполнения возложенных обязанностей должны действовать добросовестно и разумно постольку, поскольку это вытекает из существа частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, и обеспечивает возможность их надлежащего правового регулирования;

6) принцип автономии воли сторон, в соответствии с которым участники частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, вправе самостоятельно определить право, применяемое к регулированию их пра-

воотношений, в порядке и на условиях, предусмотренных международными договорами и законами Республики Беларусь;

7) принцип применения государственными судебными учреждениями процессуальных норм страны суда, в соответствии с которым при разрешении споров, вытекающих из частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, суды Республики Беларусь руководствуются процессуальными нормами Республики Беларусь;

8) принцип коллизионного регулирования, в соответствии с которым при разрешении частноправовых споров, осложненных иностранным элементом, применимое право может определяться коллизионными нормами, установленными международными договорами и законами Республики Беларусь;

9) принцип применения негосударственных форм регулирования правоотношений, в соответствии с которым при разрешении частноправовых споров, осложненных иностранным элементом, могут применяться особые нормы и правила негосударственного происхождения, вырабатываемые в процессе международного частноправового взаимодействия.».

Список использованных источников

1. Богуславский, М. М. Международное частное право: учебник / М. М. Богуславский. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Международ. отношения, 1994. — 414 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г., одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
3. Коллизионное право Республики Беларусь: состояние и перспективы / Е. В. Бабкина [и др.]. — Минск: Белпринт: Бизнесофсет, 2014. — 304 с.
4. Колобов, Р. Ю. Основы построения и функционирования международного частного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р. Ю. Колобов; Иркут. гос. ун-т. — Иркутск, 2006. — 25 с.
5. Котова, Л. В. К вопросу о принципах международного частного права / Л. В. Котова // Актуальные проблемы рос. права. — 2007. — № 1. — С. 688—694.
6. Леанович, Е. Б. Международное частное право: учеб. пособие / Е. Б. Леанович. — Минск: ИВЦ Минфина, 2008. — 360 с.
7. Лунц, Л. А. Курс международного частного права. В 3 ч. Ч. 1: Международное частное право. Общая часть / Л. А. Лунц. — М.: Госюриздат, 1959. — 280 с.
8. Международное частное право: современные проблемы / Н. Р. Баратянц [и др.]. — М.: Право, 1994. — 507 с.
9. Международное частное право: учебник / Г. К. Дмитриева [и др.]; отв. ред. Г. К. Дмитриева. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2016. — 680 с.
10. О некоторых вопросах рассмотрения хозяйственными судами Республики Беларусь дел с участием иностранных лиц: постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь от 31 окт. 2011 г. № 21 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
11. Тихиня, В. Г. Международное частное право / В. Г. Тихиня. — Изд. 5-е, перераб. и доп. — Минск: Право и экономика, 2003. — 408 с.
12. Толочко, О. Н. Принципы международного частного права / О. Н. Толочко // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2001. — № 2. — С. 24—28.

Статья поступила в редакцию в мае 2018 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА: ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ЮРИСДИКЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

Венера Сейтимова

В статье представлено обоснование того, что эффективный доступ международного гражданского служащего к правосудию, с учетом его статуса и функциональных иммунитетов самой международной организации, может быть обеспечен только в международной инстанции, а вопросы международной гражданской службы должны быть урегулированы международно-правовыми актами. Применение национального права к правоотношениям с международными гражданскими служащими допустимо только в исключительных случаях: при наличии пробела в международно-правовом регулировании и необходимости защиты прав и законных интересов сотрудников, но не в ситуации коллизии с правом международной организации. Автор исследует ряд примеров международной, евразийской судебной практики и указывает на уникальность компетенции Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в сфере трудовых и связанных с ними правоотношений: не обладая юрисдикцией по рассмотрению трудовых споров в Союзе, Суд, тем не менее, способен оказать значительное положительное воздействие на развитие международной гражданской службы и всей организации. При этом в статье аргументируется необходимость установления международной юрисдикции по рассмотрению трудовых споров с международными гражданскими служащими в рамках ЕАЭС и совершенствования материально-правового регулирования их статуса.

Ключевые слова: внутреннее право организации; должностные лица; иммунитеты; международная гражданская служба; международная организация; международные административные трибуналы; международный гражданский служащий; персонал; сотрудники; Суд ЕАЭС; судебная защита; юрисдикция.

«International Civil Service: Issues of Judicial Jurisdiction and Application of National Laws» (Venera Seitimova)

The article presents a justification of efficient access of an international civil servant to justice, taking into consideration his/her status and functional immunities of the organization itself, can be provided for only in an international authority. The issues of the international civil service must be regulated by international law; regulation by national law is permissible as an exclusion only in exceptional cases in international law when there is a necessity of protection of the rights and legal interests of the staff members, but not in case of collision of international organisation law. The author examines several examples of international, eurasian case-law and refers to the uniqueness of the EAEU Court competence in the sphere of labor and associated legal relations: not possessing jurisdiction over labor disputes in the Union. Nevertheless the Court can have a significant positive impact on development of the international civil service and the whole organisation. Along with that the necessity of international jurisdiction over labor disputes with international civil servants within the frameworks of the EAEU and the enhancement of substantial regulation of their status is proven in the article.

Keywords: Court of the EAEU; immunities; internal law of international organisation; international administrative tribunals; international civil servant; international civil service; international organisation; judicial protection; jurisdiction; officials; staff; staff members.

Author:

Seitimova Venera — post-graduate student of the National Centre of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus, e-mail: almaty251@gmail.com
National Centre of Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus. Address: 1, Bersona str., Minsk, 220050, BELARUS

Автор:

Сейтимова Венера Хамитовна — соискатель Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, e-mail: almaty251@gmail.com
Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. Адрес: 1а, ул. Берсона, Минск, 220050, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Масловская Татьяна Станиславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета

Барковский Игорь Александрович — кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела по обеспечению деятельности Совета постпредов и проведению заседаний экспертных групп организационного департамента Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств

С развитием права международных организаций, их пролиферацией и увеличением штата сотрудников вопросы правового регулирования статуса международных гражданских служащих, а также защиты их прав и интересов приобретают все большую актуальность. Становление независимых судебных механизмов и совершенствование внутреннего права организаций в сфере международной гражданской службы становится общей тенденцией для международных организаций. Однако не все из них предоставляют международную судебную защиту своим сотрудникам. Нередки случаи обращения международных гражданских служащих в национальные судебные органы за защитой трудовых и связанных с ними прав. Кроме того, далеко не все вопросы статуса международных гражданских служащих урегулированы международным правом, в том числе внутренним правом организаций.

Интерес к данной проблематике в доктрине не угасает на протяжении многих лет. Дискутируемыми являются вопросы соотношения иммунитетов организации и ее служащих и права на судебную защиту последних, реализуемого в национальных юрисдикциях, унификации стандартов защиты прав международных гражданских служащих в различных судах и пр. [1; 11; 26; 29; 30; 32]. Понятие «международный гражданский служащий» также не имеет единообразного определения в доктрине. Мы исходим из следующего его понимания, которое определяет основу любой иной дискуссии по вопросам международной гражданской службы: международный гражданский служащий — это лицо, нанимаемое международной межправительственной организацией и осуществляющее свои полномочия в целях реализации ее функций на условиях независимости и беспристрастности.

На практике судебная защита международных гражданских служащих является востребованным механизмом и активно реформируется [23]. Так, не столь давно претерпел значительные изменения механизм защиты в рамках ООН [17], с 1 сентября 2016 г. была завершена работа Европейского трибунала гражданской службы и его полномочия были переданы Суду общей юрисдикции [27]. Примером востребованности решения вопросов международной гражданской службы в международных судебных юрисдикциях служит и статистика обращений в Суд ЕАЭС. Согласно действующим Статуту и Регламенту Суда ЕАЭС трудовые правоотношения могут рассматриваться Судом в рамках функции по разъяснению права Союза, и из девяти поступивших заявлений о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [2] (далее — Договор о ЕАЭС), международных договоров в рамках Союза или решений его органов три обращения касались именно трудовых и связанных с ними вопросов (два из них исхо-

дили от служащих Евразийской экономической комиссии (далее — ЕЭК) и одно от Комиссии), что свидетельствует о заинтересованности всех сторон правоотношений в юрисдикции Суда по трудовым вопросам.

Несмотря на значительное внимание в доктрине и практике к данному правовому институту, следует констатировать отсутствие русскоязычных комплексных исследований по вопросам судебной защиты международной гражданской службы, которые бы в полной мере отвечали уровню развития права международных организаций и новым тенденциям иных институтов и отраслей международного права. Гипотеза настоящего исследования состоит в том, что эффективный доступ международного гражданского служащего к правосудию, с учетом его статуса и функциональных иммунитетов самой международной организации, может быть обеспечен только в международной инстанции; применение национального права к правоотношениям с международными гражданскими служащими допустимо только в исключительных случаях: при наличии пробела в международно-правовом регулировании и необходимости защиты прав и законных интересов сотрудников, но не в ситуации коллизии с правом международной организации.

Отсутствие специального регулирования трудовых и связанных с ними отношений для персонала международной организации в учредительных актах и внутреннем праве такой организации на современном этапе сложно себе представить. Регламентация положений о персонале в рамках международных организаций носит детальный характер и, как правило, не содержит отсылки к законодательству государств — членов организации, в том числе государства пребывания. В некоторых организациях напрямую ограничено применение национального права при разрешении споров с участием международных гражданских служащих (согласно приложению к Статуту Трибунала МОТ для того чтобы иметь полномочия по признанию юрисдикции Административного трибунала МОТ, международная организация должна либо быть межправительственной, либо соответствовать ряду условий, в числе которых: а) явственно быть международной по своему характеру в том, что касается членства, структуры и рода деятельности; б) не быть обязанной применять какое-либо национальное право в своих отношениях с сотрудниками и обладать судебным иммунитетом, подтверждаемым соглашением с государством пребывания; в) должна быть наделена функциями постоянного характера на международном уровне и предоставлять, по мнению управляющего органа, достаточные гарантии в том, что касается выполнения институтами своих функций, а также гарантии исполнения решений Трибунала [31]). Этот подход обоснован и

в полной мере соответствует особенностям статуса международных служащих и принципам функционирования международной организации. Вместе с тем нередки ситуации, когда регулирование не разработано в необходимом объеме, изобилует пробелами и содержит отсылки к национальному законодательству — будь то государства пребывания либо государства гражданства затрагиваемого лица.

В практике Суда ЕС встречаются дела, когда при отсутствии правового регулирования он обращался к положениям национального права государств-членов. Так, в деле *Khouri* речь шла о том, что сотрудница Европейской комиссии, обладавшая двойным гражданством Бельгии и Ливана, осуществляла уход за племянником и обратилась за соответствующими доплатами на иждивенцев по месту работы. Несмотря на то, что Суд отказал ей в удовлетворении требований, он поддержал позицию о том, что в случае, когда ни правила персонала, ни право ЕС в целом не содержат правового регулирования, можно обратиться к праву страны, с которой в рамках спора прослеживается наиболее тесная связь, — в указанном деле к бельгийскому праву [25].

В практике Суда ЕАЭС эти вопросы стали одной из постоянных тем рассмотрения, и можно констатировать, что в отношении национального регулирования трудовых и связанных с ними правоотношений международных гражданских служащих в Союзе сформировалась устойчивая правовая позиция. Так, в выводах Большой коллегии Суда ЕАЭС в консультативном заключении от 3 июня 2016 г. указано: «Внутреннее право международной организации в части регулирования отношений по вопросам международной гражданской службы направлено на исключение влияния на служащего национального права, вследствие чего обеспечивается независимость соответствующего служащего при принятии им решений» [3, с. 7]. В дальнейшей практике Суд поддержал и развил выработанный подход: «Большая коллегия Суда считает необходимым отметить целесообразность развития внутренних положений (правил) о персонале в рамках Союза и последовательный уход от регулирования внутренних вопросов организации национальным правом» (абз. 1 п. 12 консультативного заключения от 12 сентября 2017 г.) [5, с. 17], «с учетом общепризнанной международной практики, а также имеющегося опыта регулирования трудовых отношений в органах управления интеграцией комплексным решением проблем правового регулирования трудовых отношений в органах Союза может стать разработка и принятие в рамках работы по совершенствованию права Союза правового акта, более широко регламентирующего различные аспекты труда и социального обеспечения международных служащих в органах Союза с учетом необходимости обеспе-

чения их независимости, а также надлежащей социальной и правовой защищенности» (абз. 2 п. 15 Консультативного заключения от 11 декабря 2017 г.) [4, с. 9].

Отход от национального регулирования крайне желателен в силу ряда дополнительных факторов, помимо аргумента о необходимости обеспечения независимого характера международной гражданской службы. Применение права нескольких государств — членов Союза (например, государства пребывания различных органов Союза, государства гражданства, государства наиболее тесной связи и т. п.) для регулирования отношений с должностными лицами и сотрудниками органов Союза может привести к дифференциации и различиям правового статуса лиц, занимающих равнозначные и аналогичные должности, поскольку национальное трудовое законодательство не унифицировано. Как отметила Большая коллегия в Консультативном заключении от 12 сентября 2017 г., это «нарушит принцип равенства, единства правового регулирования, принцип эффективности функционирования международной организации» [5, с. 17].

Действительно, в настоящее время право ЕАЭС находится на этапе активного формирования, в том числе по вопросам трудовых и смежных правоотношений с должностными лицами и сотрудниками органов Союза. В учредительном акте — Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [2] (далее — Договор о ЕАЭС) — и приложениях к нему установлены важные основополагающие критерии работы международной гражданской службы Союза. Внутреннее право международной гражданской службы развивается в международных договорах Союза (соглашениях о пребывании), актах органов Союза. Однако многие вопросы трудовых отношений в органах Союза остаются неурегулированными. При этом в праве ЕАЭС содержатся отсылки к национальному законодательству государств пребывания органов Союза. Так, пунктом 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору, далее — Положение) установлено: «Трудовые отношения членов Коллегии Комиссии, судей Суда Союза, должностных лиц и сотрудников регулируются законодательством государства пребывания с учетом норм настоящего Положения» [8]. Часть 1 пункта 10 Порядка заключения трудового договора (контракта), его продления и основания для его расторжения в Евразийской экономической комиссии (далее — Порядок), утвержденного Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 ноября 2014 г. № 99, вопросы замещения должностей в Евразийской экономической комиссии отсылает к законодательству государства пребывания ЕЭК, регулирующему трудовые отношения в том, что касается осно-

ваний прекращения (расторжения) трудового договора [9]. Пункт 2 данного Порядка содержит отсылку к законодательству государства пребывания ЕЭК по вопросам заключения, продления и расторжения трудового договора. Формулировка отсылки в Порядке также содержит предписание учитывать нормы Положения [9]. Подобные отсылки есть и в ряде иных актов права Союза.

Применение норм национального законодательства, даже при наличии закреплённой отсылки к правопорядку той или иной страны, должно оцениваться через призму приоритета положений Договора о Союзе, в том числе Положения. Суд ЕАЭС при разъяснении положений права Союза, в которых содержится отсылка к национальному регулированию, не отрицает возможность применения национальных норм. Однако в каждом случае необходимо анализировать и, соответственно, ставить применение в зависимость от того, не будет ли это противоречить положениям права Союза и есть ли необходимость обратиться к законодательству соответствующего государства. Обращение к национальному праву может иметь место лишь в исключительных обстоятельствах: в случае отсутствия международно-правового регулирования вопросов трудовых отношений с персоналом и необходимости защиты слабой стороны, предоставления гарантий обеспечения прав и законных интересов лиц. Только такой подход может обеспечить унифицированные стандарты для международной гражданской службы и эффективность работы организации.

Суд ЕАЭС не только раскрыл, какие отрицательные последствия может иметь отсутствие специального внутреннего регулирования по трудовым вопросам с персоналом в целом, но и выявил в ходе своей практики, какие направления нуждаются в первоочередном урегулировании. Суд проводит значительную подготовительную, аналитическую, сравнительную работу, в результате которой он не устанавливает, а рекомендует, какие пробелы в праве Союза целесообразно восполнить. Так, Большая коллегия в Консультативном заключении от 12 сентября 2017 г. отметила, что *de lege ferenda* (с точки зрения закона, издание которого желательно) установление в праве Союза положений о внутренних конкурсах либо приоритетного права оставления на службе «обеспечило бы преемственность и стабильность международной службы» [5, с. 17].

В этом проявляется своеобразие и уникальность компетенции Суда ЕАЭС в сфере трудовых и связанных с ними правоотношений. Не обладая юрисдикцией по рассмотрению трудовых споров в Союзе, Суд, тем не менее, способен оказать значительное положительное воздействие на развитие международной гражданской службы и всей организации. Уникальность толковательной функции по вопро-

сам трудовых правоотношений в том, что консультативные заключения дают возможность, не пересматривая конкретные индивидуальные решения, оценить состояние правового регулирования гражданской службы в ЕАЭС в целом и дать рекомендации, в том числе о дальнейшем развитии права Союза. (Данное утверждение в целом верно в отношении толковательной функции международного судебного органа: «влияние консультативных заключений на развитие международного права сложно переоценить, поскольку они образуют исключительно удобный механизм для Суда (Международного суда ООН. — В. С.) выразить свое мнение о различных аспектах права, включая и материальные, и процессуальные вопросы» [28, р. 1273].)

Вместе с тем разъяснение положений права Союза о трудовых и связанных с ними правоотношениях не может заменить обязательную судебную процедуру. Не представляется возможным согласиться с тем, что консультативные заключения обеспечивают «разрешение конфликта на основе предписания Суда в органах Союза» [6, с. 9]. Консультативные заключения не являются обязательными, а являются отражением компетентного и аргументированного мнения, потенциально обладающего таким же авторитетом, что и решения, но не юридической силой. Характеристика консультативных заключений как *res judicata* не признана даже в отношении такого универсального в своей юрисдикции органа, как Международный суд ООН [10]. Суд может приблизить разъяснение к конкретным обстоятельствам ситуации, и Суд ЕАЭС устойчиво обращается к толкованию как толкованию *in concreto* (на это прямо указано, например, в консультативном заключении по заявлению Б. М. Адилова от 11 декабря 2017 г.) [4, с. 3]. Тем не менее, консультативное заключение не может подменять собой судебный акт обязательной юридической силы. (В п. 2.3 Особого мнения судьи В. Х. Сейтимовой по делу № СЕ-2-1/2-17-БК от 20 ноября 2017 г. отмечено: «Присвоение консультативной процедуре свойств процедуры разрешения спора недопустимо: их структура неодинакова, понятие стороны спора отсутствует, правовой результат и характер силы различны..., консультативное заключение не преследует цель разрешения юридического спора по существу, направлено на установление действительного содержания нормы в целях ее единообразного применения всеми государствами в любых аналогичных ситуациях» [7, с. 3].) В то же время устойчивая практика аргументированных позиций в консультативных заключениях является источником формирования международно-правовых норм и их прогрессивного развития. И это даже в большей степени справедливо в отношении консультативных заключений, чем решений, поскольку именно заключения, в отличие от конкретных вопросов

в исковых производствах, позволяют выходить на новый уровень юридического анализа и обобщения.

И все же разрешение споров с участием международных гражданских служащих — объективная необходимость для любой международной организации. Как указал Международный Суд ООН в своем Консультативном заключении по делу о присуждении компенсаций Административным трибуналом ООН от 13 июля 1954 г., «неизбежным было возникновение споров между Организацией и сотрудниками касательно их прав и обязанностей... По мнению Суда, вряд ли будет совместимо с целью содействовать свободе и правосудию для индивидов, нашедшей отражение в Уставе, и постоянной заботой Организации Объединенных Наций содействовать ее достижению непредоставление судебной или арбитражной защиты своим собственным сотрудникам при разрешении любых споров, которые могут возникнуть между ними и Организацией» [15, р. 57].

Право на судебную защиту является составным и весьма важным элементом правового статуса любого лица, в том числе служащего международной организации. Административное разрешение споров (в комиссиях, комитетах, апелляционных советах и т. п. [30, р. 382]), примирение, разрешение конфликтов с участием омбудсмен [см.: 12] и иные механизмы в рамках международной организации возможны и применяются весьма часто, в отдельных случаях — это обязательный этап. (Так, комиссия в рамках Совета Европы является обязательной стадией рассмотрения трудовых споров. Оценивая статистику судебных разбирательств Трибуналом Совета Европы, вывод можно сделать однозначный: досудебная процедура зарекомендовала себя положительно, до Суда доходит действительно немного дел, среднее количество споров в год за последнее десятилетие не превышает 10.) Однако именно судебные решения — беспристрастные, независимые, обладающие обязательной юридической силой — способны стать гарантом надлежащего функционирования всей системы организации. Административный трибунал МОТ в деле *Chadsey* против Всемирной почтовой организации (№ 122, 1969 г.) указал: «есть принцип, что любой сотрудник в случае спора с нанимателем имеет право на гарантированную процедуру обжалования» [19]. В деле *Rubio* против ВПС (№ 1644, 1997 г.) Административный трибунал МОТ указал на гарантии независимого разбирательства международным судом [22]. Хотелось бы подчеркнуть, что судебная защита особенно важна на этапе формирования международной гражданской службы, ее становления в рамках созданной международной организации.

Вместе с тем отнесение споров по вопросам международной гражданской службы к юрисдикции национальных судов подвергает-

ся обоснованной критике [11, р. 42; 29, р. 11]. Дилемма, вокруг которой разворачиваются дискуссии в отношении международных гражданских служащих, касается их особого статуса и положения самой организации. С одной стороны, международный гражданский служащий имеет право на доступ к эффективному судебному или альтернативному механизму разрешения споров, решение которого должно быть справедливым, обязательным и должно исполняться. С другой стороны, международные организации пользуются иммунитетом для независимого выполнения функций (функциональным иммунитетом), что исключает влияние со стороны государств-членов, в частности принимающего государства. Именно поэтому отнесение к национальной юрисдикции трудовых споров с участием международной организации вводит в противоречие с общей нормой об иммунитетах.

Судебная практика и доктрина сформировали определенные подходы к этим вопросам. В практике Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) неоднократно поднимался вопрос о соотношении иммунитетов организации и рассмотрении споров с международным гражданским служащим в национальных юрисдикциях государств-членов. Так, в решениях ЕСПЧ отмечено, что предоставленные привилегии и иммунитеты международным организациям — необходимое средство для их правильного функционирования, без вмешательства со стороны какого-либо государства-члена. Тот факт, что государства предоставляют иммунитет международным организациям, является устойчивой практикой, предназначенной для обеспечения правильного функционирования этих организаций; ее значение возрастает с расширением и интенсификацией международного сотрудничества, проявляющегося во всех областях современного общества (данная позиция отражена, например, в параграфах 51–53 по делу *Beer and Regan v. Germany*; параграфах 51–56 по делу *Waite and Kennedy v. Germany*) [13; 14]. В пункте 3 резолюции Совета Европы «О юрисдикционных иммунитетах международных организаций и правах их сотрудников» отмечено, что юрисдикционный функциональный иммунитет организации может быть снят только в исключительных ситуациях [24].

В статье Ф. Веба дан анализ дел в различных юрисдикциях. Представляется интересным вывод автора о том, что из 28 проанализированных им случаев ограничение иммунитета международной организации произошло только в шести, на основании чего он делает вывод о том, что иммунитет остается мощным барьером в отношении трудовых исков. Применение норм об иммунитете и изъятие трудовых споров с международными гражданскими служащими из национальной юрисдикции в условиях, когда нет альтернативной адекватной

судебной защиты, становится предметом правозащитной тематики. Статья 6 Европейской конвенции по правам человека 1950 г. (далее — ЕКПЧ) предусматривает доступ к справедливому суду. В рассматриваемой категории дел ЕСПЧ пришел к выводу о необходимости наличия «эквивалентной защиты» для того, чтобы доктрина иммунитетов применялась без нарушения статьи 6 ЕКПЧ (в деле Гаспарини ЕСПЧ установил, что комиссия НАТО, предусмотренная для защиты, эквивалентна ЕКПЧ, и не поддержал иск сотрудника против Италии и Бельгии, применившим доктрину иммунитетов международной организации и отказавшим в рассмотрении трудового спора в своих юрисдикциях). По некоторым итальянским и французским делам произошла отмена иммунитета в случаях, когда международная организация не предоставляла альтернативные средства правовой защиты. Например, бывший сотрудник Африканского банка развития не смог получить доступ к административному трибуналу, поскольку он был создан после его увольнения и не имел юрисдикции в отношении его иска. Кассационный суд Франции постановил, что отсутствие доступа к правосудию представляет собой отказ в правосудии, и банк был лишен иммунитета [1, с. 756].

Таким образом, защита в международном судебном органе — единственно верное решение в спорах с участием международных гражданских служащих. Независимая международная система разрешения споров с частными лицами, в том числе со своим персоналом, позволяет одновременно гарантировать право таких лиц на судебную защиту и обеспечить иммунитет международной организации. Кроме того, различные национальные суды могут предоставлять международным гражданским служащим разные средства правовой защиты, виды компенсаций, содержать различные требования в части процессуальных прав, обязанностей, доказательств, что в итоге приводит к фрагментации права международной гражданской службы.

Такого рода доводы нашли отражение и в резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы, в которой государствам — членам Совета Европы, одновременно являющимся участниками иных международных организаций, рекомендовано предложить в рамках таких организаций «разумные альтернативные средства защиты» прав персонала в соответствии со статьей 6 Конвенции во всех случаях, когда такие средства еще не доступны [24].

Обсуждая компетенцию международного судебного органа по вопросам международной гражданской службы, нельзя не отметить и такой аспект, как пределы судебной защиты. Эта позиция крайне важна для понимания роли суда в сфере трудовых и связанных с ними правоотношений в международной организации.

Стандарт судебной защиты прав международных гражданских служащих состоит в том, что суд рассматривает лишь законность административного решения. Дискреция организации (ее органов) в вопросах управления (во всем, что входит в ее компетенцию согласно учредительному акту, — касательно персонала, структурного и организационного управления и т. п.) гарантирована институциональным балансом и подтверждена устойчивой международной практикой [см.: 26; 32].

Дискреция организации уже неоднократно становилась предметом рассмотрения и в Суде ЕАЭС. Суд Союза приходил к выводам, аналогичным тем, что сформировались в практике международных административных трибуналов. Так, по вопросам реорганизации Суд ЕАЭС отметил, что «сокращение численности или должностей (штата) является дискрецией организации, обусловленной экономической целесообразностью или эффективностью найма персонала» (Консультативное заключение от 12 сентября 2017 г.) [5, с. 10]. Действительно, этот подход можно считать устоявшимся в международной практике. В пункте 14 решения от 28 сентября 1983 г. по делу *Enrico Angelini v. Commission of the European Communities* Суд ЕС высказал позицию, что «Комиссия наделена широкими дискреционными полномочиями в отношении любого решения о переназначении должностных лиц на другую должность того же уровня. Сотрудники, которых Комиссия решила уволить, не обладают преференциальным правом в данном вопросе по отношению к другим сотрудникам, чьи кандидатуры могут быть рассмотрены как отвечающие квалификационным требованиям. Они, однако, должны иметь соответствующие возможности гарантировать свои интересы» [16]. В пункте 13 решения Суда ЕС № 148/82 от 28 сентября 1983 г. по делу *Jean-Claude Renaud v. Commission of the European Communities* изложена идентичная правовая позиция [23]. Дискреция организации в отношении институциональных, структурных преобразований легла в основу позиции Административного трибунала МОТ по ряду решений, в том числе решение № 269 по делу *Gracia de Muniz*, решение № 1231 по делу *Richard* [20; 21].

Важно, что устойчиво сформировался и сопутствующий этому подход о пределах рассмотрения такого рода дел в суде: суд не пересматривает административное решение, а лишь проверяет его на соответствие закону, не подменяя таким образом собой исполнительный орган и не вмешиваясь в управленческие функции. Так, в пункте 5 решения № 3769 от 8 февраля 2017 г. по делу *M. X. v. ITER* Административный трибунал МОТ указал: «согласно устойчивой практике, решение о реструктуризации гражданской службы международной организации, которая приводит к упразднению должности, может осуще-

ствляться в рамках дискреционных полномочий исполнительного органа (главы) и является предметом исключительно надзора со стороны Трибунала» [18].

В связи с этим важно отметить, что наделение Суда ЕАЭС компетенцией в сфере разрешения трудовых споров, а, как мы указали выше, это важно для ЕАЭС, не означает присвоение функции управленческой, формирования политики в сфере трудовых отношений внутри организации, в том числе если обжалованию будут подлежать не индивидуальные акты, а акты общего характера. Разрешение споров с участием международной гражданской службы — это отличная от иных видов юрисдикция, она не касается сношений государств, особенностей взаимоотношений государств-членов и организации, а сконцентрирована исключительно на правоотношениях служащих и организации.

С одной стороны, таким образом, мы имеем очевидную необходимость установления международной юрисдикции по трудовым и связанным с ними правоотношениям, поскольку право на защиту международных гражданских служащих должно быть обеспечено, а национальные юрисдикции не удовлетворяют ни

требованиям о соблюдении иммунитетов организации, ни тенденции унификации права международной гражданской службы. С другой стороны, судебная защита ограничивается проверкой законности принимаемых управленческих решений, но не их рациональности, тактической или стратегической целесообразности. Принимая эти постулаты, мы с очевидностью признаем, что установление международной юрисдикции по разрешению трудовых споров в рамках ЕАЭС — это необходимость и закономерное развитие Союза как международной организации.

Формирование системы разрешения споров с международными гражданскими служащими через доступ к независимому компетентному судебному органу важно с начальных этапов становления международной организации, как и автономное материально-правовое регулирование вопросов международной гражданской службы во внутреннем праве такой организации. Эти два направления совершенствования права Союза представляются нам одними из наиболее актуальных на современном этапе развития евразийской интеграции.

Список использованных источников

1. Веб, Ф. Иммунирует государство, дипломатов, международных организаций в трудовых спорах: новая дилемма прав человека? // Ф. Веб // Европ. журн. междунар. права. — 2016. — Т. 27. — № 3. — С. 745—767.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе: закл. в г. Астане 29 мая 2014 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2017.
3. Консультативное заключение Большой коллегии Суда по заявлению сотрудников ЕЭК от 3 июня 2016 г. [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического союза. — Режим доступа: <<http://courteurasian.org/doc-15913>>. — Дата доступа: 26.12.2017.
4. Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 11 дек. 2017 г. по заявлению заместителя директора департамента технического регулирования и аккредитации Евразийской экономической комиссии Адилова Бауыржана Маратовича о разъяснении положений статей 9 и 99 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., пункта 43 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе) от 11 дек. 2017 г. [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического союза. — Режим доступа: <<http://courteurasian.org/doc-19843>>. — Дата доступа: 26.12.2017.
5. Консультативное заключение Большой коллегии Суда по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. от 12 сент. 2017 г. [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического союза. — Режим доступа: <<http://courteurasian.org/doc-18913>>. — Дата доступа: 26.12.2017.
6. Особое мнение судьи Нешатаевой Т. Н. (дело № СЕ-2-2/1-17-БК) от 12 сент. 2017 г. [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического союза. — Режим доступа: <<http://courteurasian.org/doc-18933>>. — Дата доступа: 26.12.2017.
7. Особое мнение судьи Сейтимовой В. Х. (дело № СЕ-2-1/2-17-БК) от 20 нояб. 2017 г. [Электронный ресурс] // Суд Евразийского экономического союза: судебные акты. — Режим доступа: <<http://courteurasian.org/doc-19673>>. — Дата доступа: 26.12.2017.
8. Положение о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе: приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2017.
9. Порядок заключения трудового договора (контракта), его продления и основания для его расторжения в Евразийской экономической комиссии: утв. решением Совета Евразийской экономической комиссии от 12 нояб. 2014 г. № 99 // Там же.
10. Смбатян, А. С. Консультативная юрисдикция Международного суда ООН / А. С. Смбатян [Электронный ресурс] // Научная сеть Современное право. — Режим доступа: <<https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%Bo%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%Bo%D1%8F%D1%8E%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%B4%D0%B8%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%Bo%D1%80%D0%B4%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE-c%D1%83%D0%B4%D0%Bo-%D0%9E%D0%9E%D0%9D>>. — Дата доступа: 30.12.2017.
11. Amerasinghe, C. F. The Law of the International Civil Service (as Applied by International Administrative Tribunals). 2nd rev. ed. Vol. 1 / C. F. Amerasinghe. — Oxford: Clarendon Press, 1994. — 726 p.
12. Beigbeder, Y. L'Ombudsman du personnel des Nations Unies / Y. Beigbeder // Annuaire francais de Droit International. — 1975. — N 21. — P. 632—645.
13. Case of Beer and Regan v. Germany (Application no. 28934/95): Judgement of 18 February 1999 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <[https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«itemid»: \[«001-58299»\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«itemid»: [«001-58299»]}>)>. — Date of access: 05.01.2018.
14. Case of Waite and Kennedy v. Germany (Application no. 26083/94): Judgement of 18 February 1999 [Electronic resource] // European Court of Human Rights. — Mode of access: <[https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«itemid»: \[«001-58912»\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{«itemid»: [«001-58912»]}>)>. — Date of access: 05.01.2018.

15. Effect of awards of compensation made by the U. N. Administrative Tribunal, Advisory Opinion of July 13th, 1954: I. C. J. Reports 1954. — P. 47–63.
16. Enrico Angelini v. Commission of the European Communities (Retirement of an official): Case 131/82 [Electronic resource] // Court of Justice of the European Union. — Mode of access: <<http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?docid=92000&doclang=EN>>. — Date of access: 06.01.2017.
17. Handbook on the Internal Justice System at the United Nations / H. Buss [et al.]. — Turin: UNSSC, 2014. — 221 p.
18. H. v. ITER Organization: Judgment N 3769 [Electronic resource] // International Labour Organization Administrative Tribunal. — Mode of access: <http://www.ilo.org/dyn/triblex/triblexmain.fullText?p_lang=en&p_judgment_no=3769&p_language_code=EN>. — Date of access: 06.01.2017.
19. In re CHADSEY: Judgment N 122 [Electronic resource] // International Labour Organization. — Mode of access: <http://www.ilo.org/dyn/triblex/triblexmain.fullText?p_lang=en&p_judgment_no=122&p_language_code=EN&p_word=chadsey>. — Date of access: 03.01.2018.
20. In re GRACIA de MUNIZ: Judgment 269 [Electronic resource] // International Labour Organization. — Mode of access: <http://www.ilo.org/dyn/triblex/triblexmain.fullText?p_lang=en&p_judgment_no=269&p_language_code=EN>. — Date of access: 06.01.2018.
21. In re RICHARD: Judgment 1231 [Electronic resource] // International Labour Organization. — Mode of access: <http://www.ilo.org/dyn/triblex/triblexmain.fullText?p_lang=en&p_judgment_no=1231&p_language_code=EN>. — Date of access: 06.01.2018.
22. In re Rubio: Judgment 1644 [Electronic resource] // International Labour Organization. — Mode of access: <http://www.ilo.org/dyn/triblex/triblexmain.fullText?p_lang=en&p_judgment_no=1644&p_language_code=EN&p_word=chadsey>. — Date of access: 03.01.2018.
23. Judgment of the Court (Third Chamber) of 28 September 1983. Jean-Claude Renaud v. Commission of the European Communities. Retirement of an official: Case 148/82 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61982CJ0148>>. — Date of access: 06.01.2017.
24. Jurisdictional immunity of international organisations and rights of their Staff: Resolution 2206 (2018) [Electronic resource] // Parliamentary Assembly. — Mode of access: <<http://semantic-pace.net/tools/pdf.aspx?doc=aHRocDovL2Fzc2VtYmx5LmNvZS5pbmVbnvncveG1sLihSZWYvWDJILURXLWV4dHIuYXNwP2ZpbGVpZDoyNDQ5OCZsYW5nPUVO&xsl=aHRocDovL3NlbWVudGljcGFjZS5uZXQvWHNsdC9QZGYvWFJlZi1XRc1BVC1YTUwyUERGLnhzbA=&xsltparams=ZmlsZWlkPTI0NDk4>>. — Date of access: 22.02.2018.
25. Lilian R. Khouri v. Commission of the European Communities. Judgment of the Court of First Instance (Fourth Chamber) of 18 December 1992 [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A61991TJ0085>>. — Date of access: 27.12.2017.
26. Pangalangan, R. C. Constraints on Judicial Review of Managerial Discretion: Substantive and Procedural / R. C. Pangalangan // Problems of International Administrative Law. On the Occasion of the Twentieth Anniversary of the World Bank Administrative Tribunal; ed. by Nassib G. Ziadé. — Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2008. — P. 49–54.
27. Presentation of Civil Service Tribunal [Electronic resource] // Court of Justice of the European Union. — Mode of access: <https://curia.europa.eu/jcms/jcms/Jo2_9041/en/>. — Date of access: 20.01.2018.
28. Quintana, J. J. Litigation at the International Court of Justice: Practice and Procedure / J. J. Quintana. — the Hague: Brill Nijhoff, 2015. — 1336 p.
29. Reinish, A. Introduction / A. Reinish // International Organisations Before National Courts; ed. A. Reinish. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — P. 1–18.
30. Schermers, H. G. International Institutional Law: Unity Within Diversity / H. G. Schermers, N. M. Blokker. — Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2003. — 1302 p.
31. Statute and Rules of the Administrative Tribunal (consolidated version) [Electronic resource] // International Labour Organization. — Mode of access: <http://www.ilo.org/tribunal/about-us/WCMS_496759/lang--en/index.htm>. — Date of access: 27.12.2017.
32. Vicuña, F. O. Le contrôle du pouvoir discrétionnaire de l'Administration par les tribunaux administratifs internationaux: observations à la lumière de la pratique du Tribunal administrative de la Banque mondiale / F. O. Vicuña // Problems of International Administrative Law. On the Occasion of the Twentieth Anniversary of the World Bank Administrative Tribunal / ed. by Nassib G. Ziadé. — Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2008. — P. 43–48.

Статья поступила в редакцию в марте 2018 г.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ И СУЩНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Алла Зыбайло, Виктория Фёдорова

В статье обобщаются доктринальные подходы к определению сущности и правовой природы международных стандартов прав человека. Авторы приходят к выводу, что международные стандарты прав человека не тождественны нормам международного права прав человека и формируются в результате толкования этих норм компетентными международными органами. На основе анализа международных документов и практики международных органов выявляется их назначение и предлагается возможное определение.

Ключевые слова: международные стандарты; международные стандарты прав человека; норма международного права; толкование норм международного права.

«Towards of the Issue of the Legal Nature and Essence of International Standards of Human Rights and Freedoms» (Alla Zybailo, Victoria Fedorova)

The article summarizes the doctrinal approaches to defining the essence and legal nature of international human rights standards. The authors come to the conclusion that international human rights standards are not identical to the norms of international human rights law, and they are formed as a result of the interpretation of these norms by competent international bodies. Based on the analysis of international documents and the practice of international bodies, their purpose is identified and a possible definition is proposed.

Keywords: international human rights standards; international standards; norm of international law; interpretation of international law.

Authors:

Zybailo Alla — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: alla_zybailo@rambler.ru

Fedorova Victoria — master-student of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: gomellawyer@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Несмотря на то, что термин «международные стандарты прав человека» в настоящее время широко применяется и встречается практически во всех значимых международных документах, его общепризнанная дефиниция отсутствует. Между тем, единообразное понимание данного правового явления обусловлено необходимостью согласования юридических определений, процедур на национальном уровне в соответствии с международными стандартами, что обеспечивает применение данного термина на основе принципа правовой определенности. Кроме того, исследование сущности и правовой природы международных стандартов прав и свобод человека позволяет рассмотреть вопрос о формах суще-

ствования таких стандартов и выявить их значимость для правоприменительной деятельности.

Целью данной статьи является выявление правовой природы и внутренней структуры (сущности) международных стандартов прав человека и их определение. В процессе ее достижения предполагается решить следующие задачи: обобщить и классифицировать доктринальные подходы по теме, проанализировать имеющиеся нормативные источники, в которых так или иначе упоминается термин «международный стандарт», разграничить понятия «международных стандартов прав человека» и норм международного права в области прав человека.

Авторы:

Зыбайло Алла Ивановна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: alla_zybailo@rambler.ru

Фёдорова Виктория Леонидовна — магистрант специальности «Юриспруденция» факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: gomellawyer@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Павлова Людмила Васильевна — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Вегера Ирина Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Полоцкого государственного университета

К понятию международных стандартов прав человека в своих трудах обращались российские (Р. Г. Вагизов [1], С. А. Голубок [2; 3], Р. А. Мюллерсон [12], С. М. Оганесян [15], А. Н. Склизков [18] и др.) и зарубежные исследователи (Дж. Дарси [24], М. Мутуа [28], Л. Хенкин [26] и др.), а также белорусские ученые (А. И. Зыбайло [6], Л. В. Павлова [16]). Белорусский ученый Л. В. Уляшина провела комплексное исследование, посвященное международным стандартам в области прав человека и их реализации [20]. Однако в связи с отсутствием среди исследователей единого понимания правовой природы международных стандартов эти определения существенно различаются, что отрицательно сказывается как на качестве самих исследований в области прав человека, так и на процессе их имплементации в национальное законодательство. Пока сложилось более-менее определенное понимание, что международные стандарты адресованы государствам и определяют ту планку (уровень) прав и свобод человека, которые должны быть реализованы в рамках национальной политики и законодательства.

Слово «стандарт» в толковом словаре русского языка означает «образец, которому должно соответствовать, удовлетворять что-нибудь по своим признакам, свойствам, качествам, а также документ, содержащий в себе соответствующие сведения» [14, с. 762].

В науке существует несколько подходов к определению юридической природы международных стандартов в области прав человека. Одни исследователи рассматривают международные стандарты в качестве норм международного права. Американский профессор М. Мутуа отмечал, что существует тенденция использовать термины «стандарт», «норма» и «право» взаимозаменяемо, как если бы они были синонимами или имели идентичный смысл [28, р. 557].

Российский ученый С. М. Оганесян определяет стандарты в качестве «норм современного международного права, предусматривающих такие общедемократические требования и обязанности государств, которые они должны с учетом особенностей своего общественного строя, национального развития и т. п. воплотить и конкретизировать в своих системах» [15, с. 18]. Другой российский исследователь А. Н. Склизков считает, что «общепризнанные принципы и нормы международного права устанавливают международные правовые стандарты — единые минимальные нормы и требования к правовому регулированию общественных отношений» [18, с. 14]. По мнению советского правовед Р. А. Мюллерсона, международными стандартами являются все международно-правовые нормы в области прав и свобод личности [12, с. 31]. Аналогичного подхода придерживается А. А. Вешняков, считая, что в настоящее время принято называть все

международные нормы в области прав и свобод личности международными стандартами [7, с. 137].

Следствием данного подхода является по сути отождествление понятия «международные правовые стандарты» с нормами международного права. В этой связи российский ученый С. А. Голубок выразил недоумение по поводу внедрения отдельного термина «международные правовые стандарты», особенно в официальные языки ООН, «если легко можно обойтись вполне привычным и хорошо разработанным в правовой теории понятием нормы международного права, уточнив лишь, что в данном случае речь идет о совокупности норм международного права, относящихся к определенному правовому институту» [3, с. 12].

Разновидностью данного подхода можно назвать идентификацию международных стандартов прав человека в качестве документов и инструментов. Так, международные эксперты *International Council on Human Rights Policy* определили стандарты как согласованные на международном уровне или одобренные документы по правам человека, независимо от того, имеют ли они обязательную силу. Документы, имеющие обязательную силу, кодифицируют или создают правовые обязательства («твердое право»), в то время как документы, не имеющие обязательной силы, содержат рекомендации относительно норм поведения («мягкое право») [27].

Исследуя международные стандарты в рамках законодательства о труде и занятости, американский ученый А. М. Зак указывает, что «конвенции Международной организации труда стали стандартом справедливости, независимо от того, включены ли они в национальное законодательство» [30].

Представляется, что рассматривать международные стандарты прав и свобод человека лишь в виде норм международного права некорректно исходя из следующих соображений. В теории международного права под «нормой международного права» принято понимать формально определенное, юридически обязательное правило поведения субъектов международного права, устанавливающее права и обязанности, которое обеспечивается специальным юридическим механизмом [см., напр.: 9, с. 110]. Уже из вышеприведенного определения можно сделать вывод, что структура и содержание самих норм международного права не может охватить заложенный в них смысл и установить пределы их реализации, поскольку нормы представляют собой только обязательные правила поведения, устанавливающие права индивидов и обязанности государств [см., напр.: 4; 6, с. 16].

Авторы учебного пособия «Введение в права человека в Юго-Восточной Азии» указывают, что само право может быть неопределенным в установлении стандарта (например, свобода от

рабства не определяет термин «рабство») или может быть конкретным (например, все дети имеют право на бесплатное и обязательное начальное образование) [23, р. 30].

Проиллюстрируем эту мысль на следующем примере. Статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее — Пакт) закрепляет право каждого человека не подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции или незаконным посягательствам на честь и репутацию. Однако пределы, которые ограничивали бы поведение государства — участника Пакта, не установлены. Статья 17 также сформулирована таким образом, чтобы предоставить государствам-участникам возможность вводить ограничения в отношении прав, закрепленных ее положениями, в том числе в отношении права на неприкосновенность частной жизни. Единственные «видимые» в данной статье ограничения — это «незаконность» и «произвольность» такого вмешательства [10].

Данные ограничения отнесены к сфере контрольных полномочий, возложенных на Комитет по правам человека (далее — Комитет), который уполномочен на толкование положений Пакта и рассмотрение поведения государств-участников по выполнению своих договорных обязательств. Так, в замечаниях общего порядка № 16 (1988 г.) Комитет, толкуя нормативное содержание статьи 17 Пакта, указал, что для обеспечения этого права государству-участнику необходимо воздерживаться от определенных действий (не осуществлять вмешательств, несовместимых со статьей 17 Пакта), а также предпринимать стимулирующие меры (обеспечивать правовую основу, запрещающую такие действия со стороны физических или юридических лиц) [5]. Таким образом, в замечаниях общего порядка № 16 Комитет определил границы поведения государства — участника Пакта в целях соблюдения им статьи 17.

Более того, наличие в праве прав человека такого рода «зонтичных» (*gateway right*) прав как *privacy* фигурирует в английской версии статьи 17 Пакта, которое характеризуется многозначностью, нуждается не только в разъяснении сопутствующих понятий, таких как «незаконное» и «произвольное вмешательство», но и условий, которые позволили бы соотнести находящиеся в конфликте интересы — публичный интерес в установлении истины по делу и частный интерес в сохранении конфиденциальности личной жизни. Так, при рассмотрении жалоб на нарушения статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Европейский суд по правам человека сформулировал ряд условий вмешательства в право на неприкосновенность частной жизни, проводимого без согласия лица (дела «Класс и

другие против Федеративной Республики Германия» 1978 г., «Шенк против Швейцарии» 1988 г., «Крюслен против Франции» 1990 г. и др.).

Австралийские ученые С. Джосеф и Дж. Кириакакис недвусмысленно отмечали, что основной успех ООН в сфере прав человека происходил в сфере нормотворчества, а именно — в установлении стандартов путем создания договоров и их толкования специализированными органами по правам человека [25, р. 35].

Таким образом, представляется, что по своей правовой природе международный стандарт является «результатом толкования» нормы международного права, закрепленной в международном договоре, и призван способствовать реализации смысла, заложенного в эту норму. Сама договорная норма является обязательным предписанием, которое не определяет масштабы поведения государства и не может приравниваться к международному стандарту.

Второй подход к понятию «международные стандарты прав человека» заключается в определении стандартов как правил, моделей (норм) поведения, образца. Так, профессор О. И. Тиунов определяет международные стандарты в области прав человека как «правила, выраженные в виде общепризнанных принципов и норм международного права в сфере прав человека» [19, с. 175]. В. Г. Вагизов трактует стандарты как общепризнанные нормы поведения государств, осуществляемые ими в законодательстве и на практике в отношении своих граждан и других лиц, находящихся под их юрисдикцией [1, с. 35]. По мнению российского исследователя О. Е. Нояновой, международный стандарт — это общие правила, единые требования, предъявляемые к тем или иным нормативным основам и правоприменительной практике в международном масштабе [13, с. 50]. С. А. Голубок указывает на двойственную роль стандартов, поскольку они «с одной стороны, представляют собой минимально допустимый консенсус, а с другой стороны, предстают образцами для подражания» [2, с. 113]. К данному подходу близка позиция российского ученого А. А. Ковалёва, который считает, что цель создания международных стандартов в области прав человека — не унификация и гармонизация национальных законодательств, а создание типовых моделей, которые используются государствами для разработки своих собственных законодательств [8, с. 330].

М. Мутуа подчеркивает важность анализа терминов через призму права, поскольку право прав человека является отраслью международного права, по существу, правовым режимом, связывающим государства обязательствами, и делает вывод, что «возможно, самым эластичным из терминов является слово “стандарт”, которое не имеет особого юридического значе-

ния и не обязательно подразумевает юридическое обязательство любого рода. Стандарт является бессодержательным, пустым сосудом, в который может поместиться почти все. Это относится к уровню достижений или ожиданий, которые могут нести с собой моральное, культурное или другое цивилизационное стремление» [28, p. 557].

Третий подход заключается в определении стандартов как совокупности прав и свобод. Такого подхода придерживается белорусский ученый Л. В. Павлова, определяющая международные стандарты прав человека как «совокупность основополагающих прав и свобод, закрепленных в международно-правовых документах, признанных международным сообществом в целом и в силу этого обязательных для реализации в правовой системе каждого государства» [16, с. 216]. В данной формулировке воплощен принцип первичности прав и свобод по отношению к их нормативному закреплению в документах.

Формулировка понятия «международных стандартов прав человека» осложняется его отсутствием в международно-правовых документах, хотя ссылки на международные стандарты содержатся во многих международных документах, принимаемых органами ООН. Например, в своем выступлении на заседании Совета Безопасности в январе 2011 г. Генеральный секретарь ООН отметил, что «необходимы общие нормы, для того чтобы правовые системы могли применять закон одинаково ко всем... Соблюдение международных стандартов, в том числе в области прав человека, будет поддерживать доверие общественности к институтам» [17].

Всеобщая декларация прав человека на английском языке в преамбуле провозглашена общим стандартом: «*the General Assembly proclaims This Universal Declaration of human rights as a common standard of achievement for all peoples and all nations...*» [29]. В переводе текста Декларации на русский язык вместо термина «общий стандарт» употребляется иное слово — «задача»: «Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства...».

Как справедливо отмечает белорусский ученый Л. В. Уляшина, слова «стандарт» и «задача» не могут рассматриваться как синонимы, поскольку имеют различный смысл. По ее мнению, русскоязычный перевод искажает смысл термина, определенного во Всеобщей декларации прав человека как документе, признаваемом всеобщим стандартом, так как значение термина «стандарт» является более широким, чем значение термина «задача» [20, с. 77].

В резолюции 41/120 «Установление международных стандартов в области прав человека» 1986 г. Генеральная Ассамблея ООН под-

твердила существование обширной системы международных стандартов в области прав человека, установленных органами ООН и другими специализированными учреждениями, и первостепенное значение эффективного применения этих международных стандартов. В резолюции Генеральная Ассамблея призывает государства-члены и органы ООН уделять первоочередное внимание применению существующих международных стандартов в области прав человека и настоятельно призывает обеспечить широкую ратификацию существующих договоров в этой области или присоединение к ним [21]. Из этого положения следует, что понятие международных стандартов не отождествляется с договорами, договоры (и не только они) выступают источниками происхождения международных стандартов.

Сущность термина «международные стандарты» была сформулирована в пунктах 1—3 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г. (далее — Правила). В них, в частности, указано, что «правила не имеют целью подробное описание образцовой системы пенитенциарных заведений, а предназначены лишь для того, чтобы на основе общепризнанных достижений современной мысли и с учетом основных элементов наиболее удовлетворительных в настоящее время систем изложить то, что обычно считается правильным с принципиальной и практической точек зрения в области обращения с заключенными и управления заведениями. Они отражают те минимальные условия, которые Организация Объединенных Наций считает приемлемыми» [11]. Исходя из вышеизложенного понятию «международные стандартные правила» присущи такие признаки, как общепризнанный характер и отражение приемлемых минимальных условий.

Вместе с тем международные стандарты прав человека могут быть и региональными. Региональные стандарты в силу особенностей, вытекающих из сложившихся традиций, уровня развития той или иной группы стран, могут идти дальше универсальных, быть более широкими либо более конкретными. Они вырабатываются в рамках региональных международных организаций. Судебные учреждения по правам человека, такие как Европейский суд по правам человека, Африканский суд по правам человека и народов, Межамериканский суд по правам человека, принимают в этом процессе активное участие.

Поскольку масштабы реализации норм международного права установлены в правовых позициях судов, которые толкуют эти нормы, несоответствие действий (бездействия) государства, которые обжалуются в данные судебные учреждения, правовым позициям последних предполагает несоответствие та-

ких действий (бездействия) нормам международного права. Как отмечает А. С. Григорян, «данное несоответствие может повлечь за собой ответственность за игнорирование международного стандарта, которая будет аналогична той, что имеет место в случае нарушения самой толкуемой им нормы международного права. По своей правовой природе эта ответственность отличается от международно-правовой ответственности за нарушение нормы международного права тем, что она наступает не непосредственно, как в случае нарушения самой толкуемой нормы международного права, а через посредство избрания такого варианта поведения, которое приводит к нарушению такой нормы» [4].

По мнению российского ученого В. Ф. Цепелева, функциями международных стандартов прав человека являются установление перечня обязательных для всех государств-участников основных прав и свобод; определение содержания каждого права и свободы; закрепление круга обязательств государств по признанию, обеспечению и защите прав и свобод человека; название условий и формирование механизма пользования правами и свободами [22, с. 12]. Перечисленные функции являются производными от толковательной функции, поскольку

выполняются при толковании норм международного права. Исходя из предназначения международных стандартов сфера их реализации — это национальная правовая система государства, включающая законодотворческий, исполнительный и судебный виды внутригосударственной властной деятельности.

Таким образом, с учетом позиции, изложенной в Правилах, и анализа доктринальных подходов представляется целесообразным предложить следующее определение международных стандартов прав человека: международные стандарты прав человека — это совокупность признанных государствами правил, которые отражают нормативный минимум в сфере прав человека, формируются в результате толкования нормы международного права прав человека компетентными международными органами и предстают образцами, которым государства должны следовать в законотворческой, исполнительной и судебной внутригосударственной деятельности с допустимыми отступлениями в форме их превышения или конкретизации. Они по своей сути не равнозначны нормам международного права в области прав человека, которые выступают источниками этих стандартов, и выполняют иные функции.

Список использованных источников

1. Вагизов, Р. Г. Международно-правовые стандарты в сфере защиты прав человека: нормативно-правовая основа международной системы защиты прав человека / Р. Г. Вагизов // Рос. юстиция. — 2008. — № 5. — С. 34–36.
2. Голубок, С. А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту / С. А. Голубок // Правоведение. — 2007. — № 1. — С. 112–124.
3. Голубок, С. А. Право на свободные выборы: правовые позиции Европейского суда по правам человека и формирование международно-правовых стандартов Содружества Независимых Государств: дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Голубок. — СПб., 2010. — 30 с.
4. Григорян, А. С. Понятие «международно-правовой стандарт в сфере защиты прав и свобод человека» / А. С. Григорян [Электронный ресурс] // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2012. — № 10 (29). — Режим доступа: <http://www.journal-nio.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1321&Itemid=110>. — Дата доступа: 20.03.2018.
5. Замечания общего порядка № 16 — статья 17 (право на личную жизнь) [Электронный ресурс] // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. — Режим доступа: <https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fGEC%2f6624&Lang=ru>. — Дата доступа: 22.03.2018.
6. Зыбайло, А. И. К вопросу о понятии и значении международных стандартов прав человека / А. И. Зыбайло // Философско-правовые аспекты защиты прав человека и основных свобод на национальном и международном уровнях: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 3–4 дек. 2014 г. / сост. Л. С. Лукина. — Минск, 2015. — С. 14–19.
7. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: учебник для вузов / отв. ред. А. А. Вешняков. — М.: НОРМА, 2003. — 816 с.
8. Ковалёв, А. А. Международная защита прав человека: учеб. пособие / А. А. Ковалёв. — М.: Статут, 2013. — 591 с.
9. Лукашук, И. И. Международное право. Общая часть: учебник / И. И. Лукашук. — М.: БЕК, 2000. — 432 с.
10. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml>. — Дата доступа: 26.03.2018.
11. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml>. — Дата доступа: 27.03.2018.
12. Мюллерсон, Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность / Р. А. Мюллерсон. — М.: Юрид. лит., 1991. — 160 с.
13. Ноянова, О. Е. Международные стандарты общения осужденных к лишению свободы с внешним миром и их реализация в российском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О. Е. Ноянова. — М., 2010. — 175 с.
14. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеолог. выражений. 4-е изд., доп. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М.: А ТЕМП, 2006. — 944 с.
15. Оганесян, С. М. Понятие международных стандартов прав человека / С. М. Оганесян // Междунар. публичное и частное право. — 2008. — № 2. — С. 18–22.
16. Павлова, Л. В. Применение международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия / Л. В. Павлова // Рекомендации по более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь: отчеты национальных и международных экспертов проекта международной технической помощи «Содействие более широкому применению международных стандартов в области прав человека в процессе отправления правосудия в Республике Беларусь». — Минск: Рейнплац, 2009. — С. 216–229.

17. Постконфликтное миростроительство: выступление Генерального секретаря ООН на заседании Совета Безопасности ООН 21 января 2011 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/sg/messages/2011/pv6472.shtml>>. — Дата доступа: 26.03.2018.
18. Склизов, А. Н. Принцип непосредственности уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А. Н. Склизов; Дальневост. гос. ун-т. — Владивосток, 2007. — 22 с.
19. Тиунов, О. И. Международное гуманитарное право: учебник / О. И. Тиунов. — М.: Норма-Инфра-М, 1999. — 328 с.
20. Уляшина, Л. В. Международно-правовые стандарты в области прав человека и их реализация: теория и практика применения / Л. В. Уляшина. — Вильнюс: ЕГУ, 2013. — 402 с.
21. Установление международных стандартов в области прав человека: док. ООН A/RES/41/120 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://undocs.org/ru/A/RES/41/120>>. — Дата доступа: 27.03.2018.
22. Цепелев, В. Ф. К вопросу об уголовно-правовом обеспечении международных стандартов в области прав и свобод человека / В. Ф. Цепелев, Н. И. Амрахов // Междунар. публичное и частное право. — 2006. — № 4. — С. 11–13.
23. An Introduction to Human Rights in Southeast Asia / Н. R. Purnama [et al.]. — First ed. Creative Commons, 2015. — 212 p.
24. Darcy, J. Human rights and international legal standards: What do relief workers need to know? / J. Darcy. — London: Overseas Development Institute, 1997. — 40 p.
25. Joseph, S. The United Nations and human rights / S. Joseph, J. Kyriakakis // Research handbook on international human rights law / ed. S. Joseph, A. McBeth. — Cheltenham, UK, 2010. — P. 1–35.
26. Henkin, L. International law: politics, values and functions: general course on public international law / L. Henkin. — Dordrecht; Boston: M. Nijhoff, 1990. — 416 p.
27. Human Rights Standards: Learning from Experience [Electronic recourse] // International Commission of Justice. — Mode of access: <<https://www.icj.org/wp-content/uploads/2006/09/human-rights-standards-learning-from-experience.pdf>>. — Date of access: 27.03.2018.
28. Mutua, M. W. Standard Setting in Human Rights: Critique and Prognosis / M. W. Mutua // Human Rights Quarterly. — 2007. — Vol. 29. — P. 547–630.
29. Universal Declaration of Human Rights [Electronic recourse] // United Nations. — Mode of access: <<http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/>>. — Date of access: 26.03.2018.
30. Zack, A. M. International Legal Standards for Labor and Employment Law. Labor and Worklife Program at Harvard Law School / A. M. Zack [Electronic recourse] // Workplace Fairness Disputes in a Global Economy: Hong Kong and PCR Perspectives. — Hong Kong International Arbitration Center. — 2008. — 30 May. — Mode of access: <<https://drive.google.com/file/d/oB36NwrA9WSZRVFc5M1M2LS1ZcmM/view>>. — Date of access: 28.03.2018.

Статья поступила в редакцию в июне 2018 г.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СТАТУСА «ЭКОЛОГИЧЕСКИХ БЕЖЕНЦЕВ» В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Маргарита Змачинская, Наталия Карканица

В статье представлен анализ того, насколько статус беженца, существующий на универсальном уровне и в региональных правовых системах, может применяться к лицам, вынужденно перемещенным по экологическим причинам. Проведено исследование квалификационных критериев правового статуса беженца в свете экологических причин вынужденной миграции. Кроме того, рассмотрены нормы международного гуманитарного права, экологического права, а также права прав человека для защиты лиц, вынужденно перемещенных по экологическим причинам.

Ключевые слова: Конвенция 1951 г. о статусе беженцев; международное гуманитарное право; международное экологическое право; права человека; право беженцев; региональные инструменты права беженцев; экологическая миграция; экологические беженцы.

«Addressing Problems of the “Environmental Refugees” Regulation in International Law» (Margarita Zmachinskaya, Natallia Karkanitsa)

In the article, the authors present an analysis of the extent to which a refugee status existing at the universal level and in the regional legal systems could be applied to environmentally displaced people. The authors conducted a study of the refugee qualification criteria and present their interpretation in light of the environmental causes of forced migration. In addition, the article provides an overview of the norms of international humanitarian law, environmental law, and human rights law applied for protection of the environmentally displaced people.

Keywords: environmental refugees; environmental migration; human rights; international environmental law; international humanitarian law; 1951 Convention relating to the Status of Refugees; refugee law; regional refugee law instruments.

Authors:

Zmachinskaya Margarita — master-student of the major «Jurisprudence» of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: rita.zmachinskaya@gmail.com

Karkanitsa Natallia — post-graduate student of the Department of International Law of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: Natallia.karkanitsa@gmail.com
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Право беженцев, сформированное после Второй мировой войны, в первую очередь нацелено на защиту людей от индивидуально-го преследования и ситуаций общего насилия в период вооруженных конфликтов. Вместе с тем в настоящее время возникает все больше факторов, которые вынуждают людей к «миграции ради выживания» [14, р. 362], в числе которых особое место занимают экологические причины, в то время как достаточные правовые гарантии для данной категории вынужденных мигрантов отсутствуют.

Некоторые природные явления, такие как землетрясения, извержения вулканов, ура-

ганы, оказывают мгновенное воздействие на миграционные потоки; иные имеют более продолжительный эффект. Так, около 5 млн человек покинули африканский регион Сахель, в особенности районы Мавритании и Нигерии, в 1995 г. из-за опустынивания и разрушения плодородных земель [29, р. 609]. Постоянное повышение уровня моря ставит остров Тувалу под угрозу полного затопления через 90 лет, вследствие чего по соглашению между государствами ежегодно 75 жителей острова переселяются в Новую Зеландию [33, р. 15]. Республика Беларусь также испытала на себе последствия экологических катастроф. Наибо-

Авторы:

Змачинская Маргарита Владимировна — магистрант специальности «Юриспруденция» факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: rita.zmachinskaya@gmail.com

Карканица Наталия Викторовна — аспирант кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: Natallia.karkanitsa@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Краснобаева Людмила Александровна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины

Коннова Елена Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права факультета международных отношений Белорусского государственного университета

лее значительной из них была авария на Чернобыльской АЭС, которая привела к радиационному загрязнению земель в радиусе 30 км и переселению более 150 000 человек [20, с. 1]. Всего в мире ежегодно насчитывается более 26,4 млн человек, перемещенных по экологическим причинам [21].

Ставшее впоследствии наиболее распространенным определение понятия экологической миграции было предложено еще в 1996 г. на Региональной конференции по рассмотрению вопросов беженцев, недобровольно перемещенных лиц, других форм недобровольных перемещений и возвращающихся лиц в странах СНГ и соответствующих соседних государствах: «экологические мигранты — это лица, которые вынуждены покинуть место своего постоянного проживания и которые перемещаются в пределах своей страны или пересекают ее границу вследствие резкого ухудшения состояния окружающей среды или экологических катастроф» [см.: 4, с. 163].

В то время как природные и техногенные катастрофы ежегодно вынуждают миллионы людей к миграции, международно-правовой статус таких лиц в качестве беженцев и, как следствие, применимость к ним международно-правового режима защиты беженцев остаются дискуссионными.

Вопросы вынужденной миграции, вызванной экологическими причинами, в последние десятилетия привлекают все большее внимание со стороны международных организаций и академического сообщества. В процессе написания данной статьи были проанализированы материалы, разработанные Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) [23; 30; 38], Международной организацией по миграции (МОМ) [20], Комиссией международного права ООН (КМП ООН) [19], Европейским союзом [15; 18], а также неправительственными организациями [33]. Вынужденная миграция и вопросы применения права беженцев в отношении людей, перемещенных по экологическим причинам, рассматривались исследователями Д. К. Бекашевым, Д. В. Ивановым [2], В. И. Евтушенко [4] (Российская Федерация), А. Бэтсом (Великобритания) [14], Дж. Купер (США) [17], Д. Кейном (Ирландия) [25], К. Козоллом (США) [26], А. Лопез (Ирландия) [27] и некоторыми другими. Следует также отметить роль общепризнанных экспертов в области права беженцев, таких как А. Циммерманн (Германия) [39], Л. В. Павлова и А. В. Селиванов (Беларусь) [11], в трудах которых были отражены вопросы толкования универсальных и региональных инструментов в области защиты беженцев, в частности, давалась оценка различным подходам к эволюционному толкованию данных инструментов.

Цель данной статьи — рассмотреть международно-правовую защиту лиц, вынужденно перемещенных по экологическим причи-

нам, с акцентом на право беженцев в части анализа применимости к данной категории лиц понятия «беженец», разработанного в универсальной Конвенции 1951 г. о статусе беженцев (далее — Конвенция) и региональных документах. Статья анализирует значение экологических факторов в процессе признания статуса беженца согласно Конвенции и в соответствии с региональными инструментами в области защиты прав беженцев. В заключение авторы также рассматривают роль иных отраслей международного права для защиты лиц, вынужденно перемещенных по экологическим причинам.

В предмет исследования данной статьи не входят вопросы, связанные с предоставлением дополнительной и иных форм защиты в рамках права беженцев лицам, перемещенным по экологическим причинам.

Применение универсального определения «беженец» к лицам, вынужденно перемещенным по экологическим причинам

В настоящее время единственным универсальным инструментом в области права беженцев является Конвенция 1951 г. и Протокол к ней 1961 г. [36], участниками которых являются 145 [16] и 146 [32] государств соответственно. Согласно статье 1А Конвенции, беженцем признается лицо, которое соответствует следующим критериям:

- 1) лицо имеет вполне обоснованные опасения стать жертвой преследований;
- 2) раса, вероисповедание, гражданство, принадлежность к определенной социальной группе или политические убеждения лица являются основаниями для такого преследования;
- 3) лицо находится вне государства своей гражданской принадлежности;
- 4) лицо не имеет возможности воспользоваться защитой государства своей гражданской принадлежности [36].

В то время как соответствие лиц, вынужденно перемещенных по экологическим причинам, критериям 3 и 4 редко ставится под сомнение, основные дискуссии вызывает возможность квалификации экологического бедствия в качестве преследования по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений.

Конвенция не дает определения термина «преследование». Для его раскрытия необходимо обратиться к двум характеристикам: сущностной оценке деяния и его субъекту. Исходя из статьи 33 Конвенции, которая налагает запрет на высылку беженца в государство, где жизни или свободе лица угрожает опасность, можно сделать вывод, что действия, угрожающие жизни и свободе, являются преследованием по смыслу статьи 1А. УВКБ ООН полагает,

что иные серьезные нарушения прав человека также должны быть отнесены к категории преследования [23, п. 14]. Непосредственно осуществлять действия, которые содержательно представляют собой преследование, может как государство, так и негосударственные субъекты. Однако в последнем случае они могут быть квалифицированы как преследование только в том случае, если государство не способно или не желает предоставлять пострадавшим лицам эффективную защиту [23, п. 21]. Следовательно, деяние квалифицируется как преследование на основании значительности угрозы и происхождения такой угрозы со стороны государства — в результате его активных действий или же бездействия.

Существенность реальной или потенциальной экологической катастрофы как предпосылки для признания за лицом статуса беженца не раз подчеркивалась в доктрине международного права. Так, в 1985 г. исследователь Э. Эль-Хиннави в докладе, подготовленном для Программы ООН по окружающей среде, определил экологических беженцев следующим образом: лица, которые были вынуждены покинуть традиционное место жительства на постоянной или временной основе вследствие значительного ухудшения состояния окружающей среды, вызванного природными и/или антропогенными факторами, *которое ставит под угрозу их жизнь и/или в значительной степени влияет на качество жизни* [13, р. 466]. Американский ученый К. Козолл также отмечает, что лицо, желающее получить статус беженца, должно продемонстрировать, что оно покинуло государство своего происхождения не вследствие общего ухудшения состояния окружающей среды, но *такого экологического ущерба, который угрожает его жизни и свободе* [26, р. 284].

В отношении второго конститутивного элемента преследования — присвоения деяния государству — ученые признают, что намеренное ухудшение государством состояния окружающей среды и создание угрозы для населения наблюдаются редко. Намного чаще встречаются *умышленное пренебрежение* государством потенциальными пагубными экологическими последствиями [17, р. 486—487] и *бездействие*, свидетельствующее о его нежелании предоставить населению должную защиту. Это, в свою очередь, дает возможность квалифицировать государство в качестве агента преследования по смыслу Конвенции.

Однако для того, чтобы лицо являлось беженцем, оно должно подвергаться индивидуальному преследованию по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, тогда как в основе возникновения и радиуса воздействия экологического бедствия чаще всего нет селективного крите-

рия. В связи с этим можно выделить два тезиса, выдвигаемых сторонниками признания статуса беженца за лицами, вынужденно перемещенными по экологическим причинам.

К. Козолл полагает, что требование Конвенции выполняется, когда государство систематически подвергает экологическому риску людей, объединенных одним или несколькими конвенционными признаками, либо не оказывает должной помощи таким людям, так как в таких случаях устанавливается связь между одним из требуемых признаков и негативными экологическими последствиями для людей, обладающих им [26, р. 273—274].

Американская исследовательница Дж. Купер обращается к толкованию понятия «социальная группа» для обоснования своей позиции. Так, согласно Руководству по процедурам и критериям определения статуса беженца УВКБ ООН, социальная группа включает в себя лиц одинакового происхождения, привычек и социального статуса [23, п. 77]. В связи с этим наблюдается общая тенденция, согласно которой наиболее часто последствиям экологических катастроф, особенно антропогенного происхождения, подвержены экономически незащищенные и лишенные политического влияния группы людей, которые не могут оказать влияние на тех, кто принимает экологически значимые решения. Дж. Купер считает, что подобные характеристики могут быть квалифицированы как одинаковый социальный статус и происхождение и, следовательно, как свидетельство социальной группы по смыслу Конвенции [17, р. 523—526]. В то же время данная теория американской исследовательницы подвергается критике. Во-первых, едва ли уязвимое экономическое положение является «основополагающей и неотъемлемой» характеристикой [22, р. 79—80], что необходимо для квалификации группы лиц как социальной группы. Во-вторых, как правило, размещение экологически неблагоприятных проектов в районах с низким уровнем дохода населения мотивировано не намерением государства поставить жизнь людей под угрозу, а экономическими соображениями [27, р. 180—181].

Следует отметить, что, несмотря на то, что преследование как таковое не создает социальную группу, оно может способствовать выявлению данной группы по смыслу Конвенции. В деле А. против министра по делам иммиграции и межкультурных отношений был приведен следующий пример. Люди, пользующиеся преимущественно левой рукой, или левши, не являются особой социальной группой, но если причиной преследования данных лиц является их преобладающее использование левой руки, то в скором времени общество начнет идентифицировать левшей как отдельную социальную группу. В то же время необходимо подчеркнуть, что именно леворукость, а не преследование само по себе является основой квалификации

социальной группы [12]. По аналогии следует заключить, что, если изначально группа людей, объединенная общим признаком, не считалась социальной группой по смыслу Конвенции, намеренное оставление ее без защиты или в ситуации экологического риска со стороны государства может привести к трансформации данной группы в социальную.

Таким образом, анализ Конвенции позволяет сделать вывод о том, что лица, вынужденно перемещенные по экологическим причинам, могут удовлетворять квалификационным критериям определения «беженец» и в таком случае подлежат защите, соответствующей статусу беженца.

В то же время представленный анализ доказывает сложность квалификации вынужденных экологических мигрантов в качестве беженцев и заставляет задуматься о практических аспектах данной квалификации. В ситуации отсутствия множественных прецедентов подобной квалификации или пошаговых рекомендаций УВКБ ООН сложно представить, каким образом государства — участники Конвенции смогут на практике предоставлять статус беженца вынужденным экологическим мигрантам, используя многоступенчатую квалификацию, опирающуюся на доктринальное толкование и целый ряд положений Руководства УВКБ ООН.

Региональные инструменты права беженцев и защита лиц, вынужденно перемещенных по экологическим причинам

Исторические особенности развития отдельных регионов привели к принятию ряда международных инструментов, призванных урегулировать правовые аспекты локальных проблем беженцев. В 1969 г. в рамках Организации африканского единства (в настоящее время — Африканский союз) была подписана Конвенция по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке [7], а в 1984 г. в Латинской Америке была разработана Картахенская декларация о беженцах [6].

Примечательно, что понятие «беженец», закрепленное в данных документах, шире, чем оно определено в универсальной Конвенции [11]. Так, согласно Картахенской декларации, беженцами признаются лица, которые бежали из страны, поскольку их жизни, безопасности или свободе угрожали всеобщее насилие, иностранная агрессия, внутренние конфликты, массовые нарушения прав человека или *другие обстоятельства, приведшие к серьезному нарушению общественного порядка*. Конвенция по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке 1969 г. включает в понятие «беженец» любое лицо, которое вследствие внешней агрессии, оккупации, иностранного господства или *событий, серьезно нарушающих общественный порядок* в какой-то части страны или во

всей стране его происхождения или гражданской принадлежности, вынуждено покинуть место своего обычного проживания и искать убежища в другом месте за пределами страны своего происхождения или гражданской принадлежности.

Несмотря на то, что возможность предоставления статуса беженца лицам, которые вынуждены были покинуть государство происхождения по экологическим причинам, не выделялась в числе целей принятия Картахенской декларации и Конвенции по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке 1969 г., ряд исследователей полагают, что толкование документов позволяет сделать вывод об их применимости к данной категории вынужденных мигрантов [24, р. 76—77; 27, р. 186—187]. По их мнению, экологические катастрофы являются событиями, серьезно нарушающими общественный порядок, потому их жертвы, отвечая одному из альтернативных условий применения к лицу понятия «беженец», согласно Картахенской декларации и Конвенции по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке 1969 г., подлежат защите, предоставляемой беженцам в странах Латинской Америки и Африки. В то же время более детальный анализ указанных документов позволяет сделать ряд оговорок к такому заключению.

Картахенская декларация является источником «мягкого права» и не налагает юридических обязательств на государства. В то же время данная декларация неоднократно получала одобрение Генеральной ассамблеи Организации американских государств и явилась основой формирования национальных режимов защиты беженцев в государствах региона, что может свидетельствовать о формировании регионального обычая [1]. Тем не менее, даже в случае признания норм декларации обычно-правовыми вопрос о распространении понятия «обстоятельства, приведшие к серьезному нарушению общественного порядка» на ситуации экологических бедствий остается открытым. Толкование разработчиков Картахенской декларации от 1992 г. указывает на то, что экологические факторы, хотя и играют определенную роль в Центральной и Южной Америке, не имеют настолько серьезного характера, который угрожал бы физической неприкосновенности в странах региона [30], и, следовательно, «экологическим беженцам» в большинстве случаев не будет предоставлена защита на основании норм, содержащихся в Картахенской декларации. С этим обоснованием не соглашались российские юристы-международники Д. К. Бекашев и Д. В. Иванов, которые подчеркивают возможный универсальный характер природных и антропогенных катастроф, а также необходимость принять такую формулировку, которая включала бы наибольшее количество ситуаций, влекущих за собой появление потоков беженцев [2, с. 27].

Понятие «беженец», содержащееся в Конвенции по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке 1969 г., было ограничительно истолковано в последующих документах, принятых Организацией африканского единства. В 1989 г. было признано, что «события, серьезно нарушающие общественный порядок» должны носить антропогенный характер, что включает экологические катастрофы, вызванные действиями человека, однако исключает из сферы охвата Конвенции стихийные бедствия [31, п. 33].

Следует отметить, что практика использования региональных режимов для защиты людей, ставших жертвами экологических бедствий, является неоднозначной. Действительно, государства, как правило, оказывают вынужденным экологическим мигрантам помощь, в том числе допуская на свою территорию. Например, в 2002 г. Руанда приняла людей, бегущих от извержения вулкана Ньирагонго. Однако такие государства не квалифицируют свои действия как следование конвенционным или обычно-правовым обязательствам [28, р. 48]. Таким образом, теоретические выводы, основанные на буквальном толковании международных инструментов и сопутствующих им документов, не подкрепляются практикой государств, что в значительной степени ослабляет позицию сторонников расширительного толкования Конвенции по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке 1969 г. и норм, отраженных в Картаженской декларации.

Региональный режим защиты беженцев сложился также и в рамках Европейского союза. Основным документом является директива Совета Европейского союза 2004/83/ЕС от 29 апреля 2004 г. о минимальных стандартах для квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев или лиц, нуждающихся в иной форме международной защиты, и содержании предоставляемой защиты [18]. Данная директива не предлагает нового определения понятия «беженец» и в этом отношении полностью воспроизводит Конвенцию, особенности которой были рассмотрены выше.

В то же время стратегия Европейского союза по адаптации к климатическим изменениям 2013 г., которая содержит отдельный документ, рассматривающий аспекты миграции, утверждает, что вынужденные экологические мигранты не должны рассматриваться в свете статуса беженца и их защита должна быть урегулирована отдельно. Разработчики стратегии посчитали, что применение статуса беженца может привести к размыванию положений Конвенции, и предложили автоматически исключить экологических мигрантов из сферы охвата статусом беженца, не рассматривая детали правовой квалификации [15].

Авторы статьи не согласны с подходом, выраженным в стратегии Европейского союза, и, в том числе, исходят из тезиса о том, что Конвенция 1951 г. нуждается в эволюционном толковании. Стоит отметить национальные примеры защиты вынужденных экологических мигрантов в Швеции и Финляндии, где они могут получить убежище и вид на жительство в том случае, если не могут вернуться в страну происхождения из-за экологического бедствия.

Несмотря на возможность предоставления правового статуса данным мигрантам, необходимость системного решения проблемы международной защиты вынужденных экологических мигрантов связана также и с предоставлением гарантий невысылки. В свете принципа невысылки предоставление статуса беженца вынужденным экологическим мигрантам автоматически распространило бы на них защиту от высылки согласно праву беженцев. В то же время, если государства ЕС предпочитают альтернативные варианты защиты прав вынужденных экологических мигрантов, расширительное толкование статей 3, 6(1), 8 Европейской конвенции по правам человека [37] предоставляет возможность распространить на них гарантии соблюдения принципа невысылки [5].

Проанализировав существующие судебные прецеденты, практику органов по правам человека, а также аналитические заключения УВКБ ООН, можно выделить следующие случаи, когда экологические катастрофы способны повлечь получение лицом статуса экологического беженца:

1) жертвы природных бедствий бегут из государства, так как правительство намеренно не оказывало и/или препятствовало оказанию помощи в целях наказания или маргинализации на основании наличия у таких людей одного или нескольких конвенционных признаков;

2) государство способствует голоду среди населения посредством уничтожения урожая и/или отравления водных и земельных ресурсов;

3) государство отказывается принять помощь других государств, которая необходима в ситуации экологического бедствия;

4) государство не предпринимает необходимых мер для предотвращения экологического бедствия [28, р. 47–48].

Крайней формой целевого негативного экологического воздействия, которая влечет получение лицом статуса беженца, являются «экологические чистки» — намеренное манипулирование окружающей средой для угнетения группы людей, объединенных по какому-либо признаку. Одним из ярких примеров таких действий является ситуация, сложившаяся в Ираке в отношении «болотных арабов» в конце XX в. [27, р. 181].

«Болотные арабы», или мааданы, — это жители месопотамских болот на юго-востоке Ирака. Их культура уникально адаптирована к болотистой местности, сельское хозяйство, являющееся основой экономики, всецело зависит от болотных ресурсов: растительности, животных и вод. В 1991 г. «болотные арабы», как и многие другие шииты, проживающие на юге Ирака, предприняли неудачную попытку свергнуть правительство С. Хусейна. Ответными мерами официальной власти стало воздействие на состояние окружающей среды тех территорий, на которых они проживали [34, р. 1–4].

В течение следующих нескольких лет правительство построило систему дамб и каналов для оттока вод с водно-болотных угодий, что привело к почти полному их уничтожению. Это в свою очередь повлекло сокращение популяций множества видов растений и животных, средой обитания которых были такие угодья. Еще больший ущерб был нанесен непосредственно болотным арабам: в то время как точное число смертей и перемещенных лиц неизвестно, в большинстве источников их число оценивается в 200 000–400 000 человек. После свержения режима С. Хусейна была инициирована кампания по восстановлению болот на юге-востоке Ирака [34, р. 1–4]. В 2015 г. около 58 % земель были возвращены в прежнее состояние; этот процесс продолжается и по сей день.

Несмотря на существование некоторых прецедентов, следует согласиться с американской исследовательницей Дж. МакАдам, которая полагает, что признание лица беженцем исключительно на основании экологических факторов встречается редко [28, р. 48]. В подавляющем большинстве случаев они являются не основаниями получения статуса беженца, но сопутствующими критериями, которые позволяют оценить благоприятность объективной ситуации в государстве и степень защищенности конкретного лица. В значительном количестве случаев беженцы происходят из мест, которые являются «горячими точками» отрицательных последствий изменения климата и иных экологических катастроф [38, с. 9, 13], и, как следствие, при оценке статуса лица экологические факторы становятся неотделимы от политических, социальных и экономических.

Нормы иных отраслей международного права в контексте защиты лиц, вынужденно перемещенных по экологическим причинам

Лица, вынужденно перемещенные по экологическим причинам, однако не отвечающие необходимым критериям для получения статуса беженца, не остаются без защиты в международном праве. Важную роль в предупреждении негативного экологического воздействия,

а также оказании помощи пострадавшим играют нормы международного гуманитарного права, международного экологического права, а также права прав человека.

Первостепенной задачей международно-го сообщества является предотвращение экологических бедствий, которые могут повлечь появление вынужденных мигрантов. Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям [3] установил запрет на использование оружия, которое способно нанести обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде (ст.ст. 35(3), 55). Полагаем, что данная норма имеет особое значение для защиты лиц в постконфликтное время, когда уже при отсутствии вооруженного конфликта его экологические последствия могут явиться основной причиной переселения значительного количества населения. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 г. [8] закрепила запрет на модификацию окружающей среды в качестве способа разрушения, нанесения ущерба или причинения вреда как в военное, так и в мирное время.

Развитие международного экологического права происходит в направлении разработки норм, регламентирующих вопросы экологической миграции. Несмотря на то, что Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 г. и Киотский протокол 1997 г., а также Парижское соглашение об изменении климата 2016 г. не содержат нормы, посвященные данной проблеме, в рамках механизма реализации этих соглашений была создана Целевая рабочая группа по миграции. Ее первое заседание прошло 18–19 мая 2017 г., на котором целями группы, в числе прочих, были определены «разработка рекомендаций для формирования комплексного подхода к предотвращению, минимизации и устранению вынужденной миграции, связанной с неблагоприятными последствиями изменения климата», а также помощь в «повышении понимания и экспертных знаний о том, как изменение климата влияет на модели миграции и мобильности людей; и применение на практике полученных выводов» [35, р. 9].

Значительную роль в защите экологических мигрантов играет право прав человека. В период экологического бедствия под угрозой оказываются не только социальные, экономические и культурные права, но также гражданские и политические права. В 2011 г. Совет по правам человека в своей резолюции «Права человека и изменение климата» (A/HRC/RES/18/22), подчеркнув неделимость и взаимозависимость всех прав человека, выделил те из них, которые в особой степени оказываются под угрозой в условиях глобального изменения климата, в том числе право на жизнь, право на достаточное питание и

свободу от голода, право на наивысший достижимый уровень здоровья, право на жилище, право на воду и право на самоопределение.

В то же время Международный пакт о гражданских и политических правах (далее — МПГПП) предусматривает, что государство может отступать от своих обязательств по Пакту во время чрезвычайного положения, включая ситуации экологического бедствия, но только в такой степени, в которой это требуется остротой положения (ст. 4(1)) [9]. Права, не допускающие дерогации, закреплены в статьях 6—8 (пп. 1, 2), 11, 15, 16 и 18 и составляют «неизменное ядро» прав человека: право на жизнь, право на свободу от пыток, право на свободу мысли, совести и религии и т. д. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (далее — МПЭСКП) [10] налагает на государства обязательство принимать меры к тому, чтобы обеспечить закрепленные в нем права в *максимальных пределах имеющихся у него ресурсов* (ст. 2(1)).

Особый интерес также представляют права, которые прямо не закреплены ни в одном из пактов, но выводятся из них посредством толкования. Так, например, право на воду было выведено Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам из статьи 11 МПЭСКП. В доктрине международного права высказывается альтернативное мнение, согласно которому право человека на воду прямо вытекает из права человека на жизнь, так как чистая питьевая вода является необходимым средством его существования. В связи с этим нерешенным является вопрос об обеспечении права на воду в условиях экологического бедствия: относится ли данное право к категории экономических, социальных и культурных и потому государство обязано обеспечивать его в пределах имеющихся у него ресурсов, или же данное право относится к категории гражданских и политических и, согласно статье 4(2) МПГПП, включено в не допускающее дерогации «неизменное ядро» прав человека.

Отдельно следует отметить работу КМП ООН по созданию Проекта статей о защите людей в случае бедствий [19]. Работа над документом, который в перспективе может стать новой международной конвенцией, продолжается с 2006 г. Целью данного Проекта статей является удовлетворение основных потребностей лиц при полном уважении их прав посредством облегчения надлежащего и эффективного реагирования на бедствие и снижение риска его возникновения (ст. 2). В числе первоочередных обязательств государства КМП называет уважение человеческого достоинства и прав человека, а также сотрудничество. Проект статей обязывает государства обращаться за помощью к другим государствам, ООН, иным акторам, способным оказать такую помощь в случае, если бедствие явно превышает возможности государства по его ликвидации (ст. 11).

Помимо этого, инициаторами оказания такой помощи могут выступить сами третьи государства, ООН и иные стороны, а на терпящее бедствие государство возлагается обязательство безотлагательно и должным образом рассмотреть подобное предложение и проинформировать о принятом решении (ст. 12). Причем в согласии на внешнюю помощь нельзя отказывать произвольно (ст. 13(2)). Реагирование на бедствие должно осуществляться исходя из принципов гуманности, нейтральности и беспристрастности, недискриминации, с учетом потребностей лиц, находящихся в особо уязвимом положении (ст. 6).

Таким образом, следует отметить, что причины и масштабы вынужденной миграции значительно изменились со времени принятия универсальной Конвенции о статусе беженцев. Однако едва ли можно сделать вывод о том, что право беженцев не способно ответить на новые вызовы современности. Как отметил известный теоретик права беженцев, А. Циммерманн, Конвенция является «живым инструментом» [39, р. 103], который следует толковать, исходя из новых реалий и руководствуясь ее целью, а именно — обеспечить защиту одной из наиболее уязвимых групп людей. Следовательно, экологические факторы, которые приобретают все большее значение ввиду изменений климата и развития технологий, способных модифицировать окружающую среду, должны оказывать возрастающее влияние на толкование Конвенции.

Экологическое бедствие может быть квалифицировано в качестве преследования по определенному Конвенцией признаку, если государство своими активными действиями использует окружающую среду как средство притеснения либо в том случае, если оно умышленно не оказывает надлежащую помощь пострадавшим. В своем крайнем проявлении данная форма воздействия представляет собой «экологическую чистку». В данном случае жертва действий или бездействия официальных властей, ищущая защиты в другом государстве, является беженцем, чей статус может быть основан только на экологических факторах и основаниях. Тем не менее, несмотря на возможность предоставления статуса беженца исключительно на основании экологических факторов, последние, как правило, носят комплементарный характер и дополняют иные свидетельства, обосновывающие правомочность предоставления лицу статуса беженца.

Региональные системы защиты беженцев, сформированные в Латинской Америке и Африке, оперируют более широким определением понятия «беженец». Альтернативные критерии определения статуса беженца, дополняющие универсальную Конвенцию, представляют собой положения, которые могут использоваться в отношении вынужденных

экологических мигрантов, о чем свидетельствуют непосредственный анализ документов и мнение ряда исследователей. Вместе с тем данный вывод не подкрепляется практикой большинства государств и потому носит теоретический характер.

В то же время существует ряд норм иных отраслей международного права, которые способствуют защите вынужденных экологических мигрантов, не имеющих оснований получения статуса беженца. Данные нормы предполагают как запрещение модификации окружающей среды с враждебными целями, так и закрепление комплекса мер по оказанию помощи и предоставлению защиты прав пострадавших.

Несмотря на приведенные в статье аргументы в пользу того, что лицо может получить статус «экологического беженца», в доктрине международного права прослеживается общий скептицизм по отношению к данному термину, который зачастую называют правовой фикцией [25, р. 223]. Действительно, в рамках Конвенции предоставление защиты такого рода лицам носит исключительный характер. Однако мы полагаем, что отрицание «экологических беженцев» как таковых может привести к тому, что при возникновении ситуации, которая потребует применения соответствующих норм, потенциальному «экологическому беженцу» будет отказано в предоставлении защиты на основании предубеждений об исключительно комплементарной роли экологических факторов.

Вместе с тем закрепление понятия «экологический беженец» посредством принятия поправок к существующим конвенциям или создания нового международного договора, по мнению авторов статьи, является нецелесообразным. В настоящее время сложилась ситуация, которую зачастую описывают как кризис системы защиты беженцев, когда государства испытывают трудности с выполнением своих международно-правовых обязательств даже в отношении «традиционных» беженцев. В таких условиях попытка расширения конвенционного круга лиц, которым такая защита должна быть предоставлена, с малой вероятностью может стать успешной.

Наиболее эффективной мерой представляется работа на уровне «мягкого права» с привлечением международных организаций для улучшения понимания роли экологических факторов при квалификации лица в качестве беженца. Полагаем, что данный путь является реальной практической перспективой в связи с возрастающим интересом к проблеме изменения климата и сопутствующим миграционным процессам. Кроме того, следует позитивно оценить работу Комиссии международного права Организации Объединенных Наций по разработке документа, посвященного защите лиц, пострадавших от бедствий, который включает в себя «экологических мигрантов». Данный документ в значительной степени упорядочивает применимые в ситуациях бедствий нормы международного права.

Список использованных источников

1. Агрба, Э. Л. Картаженская декларация: вклад в защиту беженцев в Латинской Америке / Э. Л. Агрба // Вопросы экономики и права. — 2015. — № 11. — С. 62–66.
2. Бекашев, Д. К. Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции / Д. К. Бекашев, Д. В. Иванов. — М.: Проспект, 2014. — 361 с.
3. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (протокол I) [Электронный ресурс] // Международный комитет Красного Креста. — Режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf>. — Дата доступа: 27.11.2017.
4. Евтушенко, В. И. Экологическая миграция как составная часть системы защищенности человека и обеспечения экологической безопасности / В. И. Евтушенко // Lex Russica. — 2016. — № 6 (115). — С. 158–169.
5. Карканица, Н. В. Роль Европейского суда по правам человека и Комитета против пыток в создании правовых гарантий для соблюдения принципа невысылки / Н. В. Карканица // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2014. — № 3. — С. 10–14.
6. Картаженская декларация о беженцах [Электронный ресурс] // Библиотека по правам человека Университета Миннесоты. — Режим доступа: <<http://hrlibrary.umn.edu/russian/asylum/Rkartahendec1.html>>. — Дата доступа: 27.11.2017.
7. Конвенция 1969 г. по конкретным аспектам проблем беженцев в Африке [Электронный ресурс] // Представительство УВКБ ООН в Российской Федерации. — Режим доступа: <<http://www.unhcr.ru/doc/1969-afrika.doc>>. — Дата доступа: 27.11.2017.
8. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml>. — Дата доступа: 27.11.2017.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml>. — Дата доступа: 27.11.2017.
10. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml>. — Дата доступа: 27.11.2017.
11. Павлова, Л. В. Международно-правовой статус беженца: пособие для студентов вузов / Л. В. Павлова, А. В. Селиванов. — Минск: Тесей, 2006. — 192 с.
12. A. v. Minister for Immigration & Ethnic Affairs [1997] HCA 4; (1997) 190 CLR 225; (1997) 142 ALR 331 (24 February 1997) [Electronic resource] // High Court of Australia. — Mode of access: <<http://www8.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/cases/cth/HCA/1997/4.html>>. — Date of access: 26.11.2017.
13. Bates, D. C. Environmental refugees? Classifying human migrations caused by environmental change / D. C. Bates // Population and environment. — 2002. — Vol. 23, N 5. — P. 465–477.

14. Betts, A. Survival migration: a new protection framework / A. Betts // *Global Governance: a Review of Multilateralism and International Organizations*. — 2010. — Vol. 16, N 3. — P. 361–382.
15. Commission staff working document «Climate Change, Environmental Degradation, and Migration» accompanying the document «Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “An EU Strategy on Adaptation to Climate Change”» [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52013SC0138>>. — Date of access: 24.02.2018.
16. Convention relating to the Status of Refugees [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <https://treaties.un.org/Pages/ViewDetailsII.aspx?src=IND&mtmsg_no=V-2&chapter=5&Temp=mtmsg2&clang=_en>. — Date of access: 26.11.2017.
17. Cooper, J. B. Environmental refugees: Meeting the requirements of the refugee definition / J. B. Cooper // *New York University Environmental Law Journal*. — 1997. — Vol. 6, N 2. — P. 480–529.
18. Council Directive 2004/83/EC of 29 April 2004 on minimum standards for the qualification and status of third country nationals or stateless persons as refugees or as persons who otherwise need international protection and the content of the protection granted [Electronic resource] // EUR-Lex: Access to European Union law. — Mode of access: <<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32004L0083;en:HTML>>. — Date of access: 26.11.2017.
19. Draft articles on the protection of persons in the event of disasters 2016 [Electronic resource] // Office of Legal Affairs. — Mode of access: <http://legal.un.org/docs/?path=../ilc/texts/instruments/english/draft_articles/6_3_2016.pdf&lang=EF>. — Date of access: 29.11.2017.
20. Ecological Migrants in Belarus: Returning Home after Chernobyl? [Electronic resource] // International Organization for Migration. — Mode of access: <http://publications.iom.int/system/files/pdf/return_chernobyl_o.pdf>. — Date of access: 26.11.2017.
21. Global Estimates 2015: People displaced by disasters [Electronic resource] // Internal Displacement Monitoring Centre. — Mode of access: <<http://www.internal-displacement.org/library/publications/2015/global-estimates-2015-people-displaced-by-disasters/>>. — Date of access: 26.11.2017.
22. Goodwin-Gill, G. S. The refugee in international law / G. S. Goodwin-Gill, J. McAdam. — Oxford; Toronto: Oxford University Press, 2007. — 786 p.
23. Handbook and Guidelines on Procedures and Criteria for Determining Refugee Status under the 1951: UN Doc. HCR/IP/4/Eng/REV.1 Reedited, Geneva, January 1992, UNHCR 1979 [Electronic resource] // United Nations High Commissioner for Refugees. — Mode of access: <<http://www.unhcr.org/4d93528a9.pdf>>. — Date of access: 26.11.2017.
24. Havard, B. Seeking protection: Recognition of environmentally displaced persons under international human rights law / B. Havard // *Villanova Environmental Law Journal*. — 2007. — Vol. 18, N 1. — P. 65–82.
25. Keane, D. The environmental causes and consequences of migration: a search for the meaning of «environmental refugees» / D. Keane // *Georgetown International Environmental Law Review*. — 2004. — Vol. 16. — P. 209–223.
26. Kozoll, C. M. Poisoning the well: persecution, the environment, and refugee status / C. M. Kozoll // *Colorado Journal of International Environmental Law and Policy*. — 2004. — Vol. 15, N 2. — P. 271–307.
27. Lopez, A. The Protection of Environmentally-Displaced Persons in International Law / A. Lopez // *Human Rights and the Environment. Vol II* / ed. by D. L. Shelton. — Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2011. — P. 163–206.
28. McAdam J. Climate change, forced migration, and international law / J. McAdam. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — 334 p.
29. Myers, N. Environmental refugees: a growing phenomenon of the 21st century / N. Myers // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London B: Biological Sciences*. — 2002. — Vol. 357, N 1420. — P. 609–613.
30. Persons covered by the OAU Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa and by the Cartagena Declaration on Refugees (Submitted by the African Group and the Latin American Group): UN Doc. EC/1992/SCP/CRP.6, 6 April 1992 [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/docid/3ae68cd214.html>>. — Date of access: 24.02.2018.
31. Principles and Criteria for the Protection of and Assistance to Central American Refugees, Returnees and Displaced Persons in Latin America [Electronic resource] // Refworld. — Mode of access: <<http://www.refworld.org/publisher,CIREFCA,,,4370ca8b4,o.html>>. — Date of access: 26.11.2017.
32. Protocol relating to the Status of Refugees [Electronic resource] // United Nations, Treaty Series. — Mode of access: <https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtmsg_no=V-5&chapter=5&lang=en>. — Date of access: 26.11.2017.
33. Raston, H. Climate change challenges Tuvalu / H. Raston, B. Horstmann, K. Holl [Electronic resource] // Germanwatch. — Mode of access: <<https://germanwatch.org/sites/germanwatch.org/files/publication/3632.pdf>>. — Date of access: 24.02.2018.
34. Schwabach, A. Ecocide and Genocide in Iraq: International Law, the Marsh Arabs and Environmental Damage in Non-international Conflicts / A. Schwabach // *Colorado Journal of International Environmental Law & Policy*. — 2004. — Vol. 15, N 1. — P. 1–28.
35. Task Force on Displacement [Electronic resource] // United Nations Climate Change. — Mode of access: <https://unfccc.int/files/adaptation/groups_committees/loss_and_damage_executive_committee/application/pdf/tfd-handbook.pdf>. — Date of access: 26.11.2017.
36. The 1951 Convention Relating to the Status of Refugees and its 1967 Protocol [Electronic resource] // United Nations. — Mode of access: <<http://www.unhcr.org/about-us/background/4ec262df9/1951-convention-relating-status-refugees-its-1967-protocol.html>>. — Date of access: 26.11.2017.
37. The Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms [Electronic resource] // Council of Europe. — Mode of access: <https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf>. — Date of access: 26.11.2017.
38. UNHCR, Environment and Climate Change: Updated Version, October 2015 [Electronic resource] // United Nations High Commissioner for Refugees. — Mode of access: <<http://www.unhcr.org/540854f49.pdf>>. — Date of access: 26.11.2017.
39. Zimmermann, A. The 1951 Convention relating to the status of refugees and its 1967 protocol: a commentary / A. Zimmermann, J. Dörschner, F. Machts. — Oxford; New York: Oxford University Press, 2010. — 1799 p.

Статья поступила в редакцию в марте 2018 г.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ИНОСТРАНЦЕВ

Александр Федорако

В статье рассматривается законодательство о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь. Анализируются проблемы и противоречия различных нормативных правовых актов в сфере регламентации прав и обязанностей иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь, предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования данной области.

Ключевые слова: законодательство; иностранец; органы внутренних дел; правовой статус; полномочия.

«Improving the Legislation of the Republic of Belarus on the Legal Status of Foreigners» (Alexander Fedorako)

The article considers the legislation on the legal status of foreign citizens and stateless persons in the Republic of Belarus. The problems and contradictions of various laws and regulations in the sphere of regulation of the rights and obligations of foreign citizens and stateless persons in the Republic of Belarus are analysed in the article, measures to improve legal regulation in this area are proposed.

Keywords: authority; foreigner; legal status; legislation; internal affairs bodies.

Author:

Fedorako Alexander — senior lecturer of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs Bodies of the Faculty of Militia, Academy of the Interior Ministry of the Republic of Belarus, e-mail: alex-max1995@yandex.by
Academy of the Interior Ministry of the Republic of Belarus, Address: 6, Masharov ave., Minsk, 220005, BELARUS

Миграция населения (далее — миграция) как сложное социально-правовое явление приводит к различным последствиям: как положительным, так и отрицательным. С одной стороны, она способствует социально-экономическому развитию принимающих и отдающих государств, развитию культурных, экономических, научных, образовательных и других отношений, а с другой — усиливает социальную напряженность, расовую и национальную вражду, увеличивает риски нанесения ущерба национальным интересам, распространения заболеваний, активизации деятельности этнических преступных группировок и т. п. Все это предопределяет необходимость упорядочивающего воздействия на миграцию.

Интерес к миграции, правовому статусу субъектов миграционных отношений заметен и в научной среде. Вопросы правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства (далее — иностранцев) в Республике Бела-

русь рассматривались в работах Н. В. Валушко [1], Г. А. Василевича [2], Л. А. Васильевой [3], В. Г. Тихини [14].

Цель статьи — проанализировать законодательство о правовом положении иностранцев в Республике Беларусь и предложить пути его совершенствования.

Нормативными правовыми актами, регламентирующими правовое положение иностранцев в Республике Беларусь, являются Конституция Республики Беларусь, законы, указы и декреты Президента Республики Беларусь, международные соглашения, постановления Совета Министров, Министерства внутренних дел и других органов государственного управления.

Законы «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [11], «О внешней трудовой миграции» [10], «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты,

Автор:

Федорако Александр Иванович — старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел факультета милиции Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, e-mail: alex-max1995@yandex.by
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Адрес: 6, пр. Машерова, Минск, 220005, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Старовойтов Олег Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, директор Юридического колледжа Белорусского государственного университета

Подупейко Александр Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционно-го и международного права Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

убежища и временной защиты в Республике Беларусь» [12] определяют правовое положение иностранцев, устанавливают основания и порядок въезда, выезда, транзитного проезда, пребывания и проживания иностранцев в стране, предоставления защиты вынужденным мигрантам, осуществления иностранцами трудовой и иной деятельности.

Самыми многочисленными нормативными правовыми актами в данной сфере являются постановления Совета Министров Республики Беларусь. Они конкретизируют нормы более общего характера, содержащиеся в законодательных актах, устанавливают правила поведения субъектов миграционных отношений, порядок реализации их прав и обязанностей. Это прежде всего: Визовые правила Республики Беларусь [6], Правила пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [8], Правила транзитного проезда (транзита) иностранных граждан и лиц без гражданства через территорию Республики Беларусь [9], Положение о порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на постоянное проживание в Республике Беларусь [7], Правила пребывания в Республике Беларусь иностранных граждан и лиц без гражданства, ходатайствующих о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь, и иностранных граждан и лиц без гражданства, которым предоставлен статус беженца или дополнительная защита в Республике Беларусь [4] и др.

Несмотря на то, что в целом законодательство о правовом положении иностранцев сформировано, считаем необходимым его дальнейшее совершенствование в целях устранения имеющихся недостатков.

Рассмотрим отдельные проблемные моменты.

Так, различный объем прав в области образования закреплен в Законе Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [11] и Кодексе Республики Беларусь об образовании [5]. Указанным Законом предусмотрено, что «постоянно проживающие в Республике Беларусь иностранцы имеют равное с гражданами Республики Беларусь право на образование, если иное не определено законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь» [11, ст. 14]. В то же время в соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании не только иностранцы, постоянно проживающие в Республике Беларусь, но и иностранцы белорусской национальности, постоянно проживающие на территории иностранных государств, а также иностранцы, которым предоставлен статус беженца в Республике Беларусь, имеют равное с гражданами Республики Беларусь право на образование. Кроме того, несовершеннолетние

иностранцы, временно проживающие в Республике Беларусь, а также несовершеннолетние иностранцы, которым предоставлены статус беженца или дополнительная защита в Республике Беларусь либо которые ходатайствуют о предоставлении статуса беженца или дополнительной защиты в Республике Беларусь, имеют право на дошкольное, общее среднее и специальное образование наравне с несовершеннолетними гражданами Республики Беларусь [5, ч. 5 ст. 3].

В целях дальнейшего совершенствования законодательства о правовом положении иностранцев, согласования положений Закона с положениями Кодекса об образовании целесообразно внести изменения в статью 14 Закона, изложив ее в следующей редакции:

«Статья 14. Право на образование

Иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства белорусской национальности, постоянно проживающие на территории иностранных государств, а также иностранные граждане и лица без гражданства, которым предоставлены статус беженца или убежище в Республике Беларусь, имеют равное с гражданами Республики Беларусь право на образование, если иное не установлено законодательными актами, международными договорами Республики Беларусь.

Иностранцы, временно пребывающие и временно проживающие в Республике Беларусь, за исключением иностранцев, указанных в частях первой и третьей настоящей статьи, имеют право на получение образования в Республике Беларусь в соответствии с международными договорами Республики Беларусь и (или) договорами, заключаемыми между учреждением образования Республики Беларусь (иной организацией системы образования Республики Беларусь) и организацией иностранного государства (международной организацией, иностранцем, временно пребывающим или временно проживающим в Республике Беларусь).

Несовершеннолетние иностранные граждане и лица без гражданства, временно проживающие в Республике Беларусь, а также несовершеннолетние иностранные граждане и лица без гражданства, которым предоставлены статус беженца, дополнительная защита или убежище в Республике Беларусь либо которые ходатайствуют о предоставлении статуса беженца, дополнительной защиты или убежища в Республике Беларусь, имеют право на дошкольное, общее среднее и специальное образование наравне с несовершеннолетними гражданами Республики Беларусь».

Не бесспорным моментом миграционного законодательства является обязанность иностранцев, находящихся в Республике Беларусь, иметь при себе действительный документ для

выезда за границу, миграционную карту, другие документы, которые доказывают, что эти иностранцы временно пребывают или временно либо постоянно проживают в Республике Беларусь на законных основаниях, и предъявлять их по требованию должностных лиц органов внутренних дел (ОВД), органов государственной безопасности и органов пограничной службы Республики Беларусь. Данная обязанность, а также право сотрудников ОВД, органа государственной безопасности и органа пограничной службы на временное изъятие документа для выезда за границу у иностранца в случае нарушения Правил пребывания на срок до рассмотрения вопроса о наложении соответствующего взыскания установлены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 января 2006 г. № 73 [8]. Однако необходимо отметить, что в соответствии со статьей 23 Конституции Республики Беларусь ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. В соответствии со статьей 1 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» постановления Совета Министров не относятся к законодательным актам. Поэтому полагаем, что обязанность иностранцев иметь при себе документы, удостоверяющие личность и подтверждающие законность нахождения в стране, а также право на временное изъятие у иностранцев документов, удостоверяющих личность, должны быть закреплены в Законе «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь».

На основании вышеизложенного считаем возможным дополнить статью 18 Закона Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» от 4 января 2010 г. частями второй и третьей:

«Иностранцы, находящиеся в Республике Беларусь, обязаны иметь при себе действительный паспорт или иной документ, его заменяющий, предназначенный для выезда за границу и выданный соответствующим органом государства гражданской принадлежности либо обычного места жительства иностранца или международной организацией (далее — документ для выезда за границу), миграционную карту (за исключением иностранцев, которые в соответствии с законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь не заполняют миграционные карты при въезде в Республику Беларусь и не предъявляют их при выезде из Республики Беларусь), другие документы, установленные настоящим Законом, международными договорами Республики Беларусь и Правилами пребывания иностранных граждан и лиц без граждан-

ства в Республике Беларусь, которые доказывают, что эти иностранцы временно пребывают или временно либо постоянно проживают в Республике Беларусь, и предъявлять их по требованию должностных лиц органов внутренних дел Республики Беларусь (далее — органы внутренних дел), органов государственной безопасности Республики Беларусь (далее — органы государственной безопасности) и органов пограничной службы Республики Беларусь (далее — органы пограничной службы).

Сотрудники органа внутренних дел, органа государственной безопасности и органа пограничной службы имеют право временно изъять документ для выезда за границу у иностранца, нарушившего правила пребывания, правила транзитного проезда, на срок до исполнения постановления о наложении соответствующего взыскания».

Актуальным вопросом для правоприменительной деятельности является и закрепление в законодательстве Республики Беларусь определения принимающей стороны. В статье 69 Закона «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» закреплена обязанность юридического или физического лица, в том числе индивидуального предпринимателя, ходатайствовавших о въезде иностранца в Республику Беларусь, его пребывании или проживании в Республике Беларусь, оплатить расходы, связанные с высылкой иностранца из страны. А согласно части второй статьи 20.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях: «расходы, связанные с депортацией, производятся за счет иностранного гражданина или лица без гражданства, в отношении которых вынесено постановление о депортации, либо юридического или физического лица, ходатайствовавших о его въезде в Республику Беларусь, пребывании или проживании в Республике Беларусь».

Буквальное толкование данных норм приводит к выводу, что у юридических или физических лиц возникает такая обязанность только в том случае, когда они ходатайствуют как о въезде, так и о пребывании (проживании) иностранцев. Однако иностранцы из государств с безвизовым режимом въезда прибывают в Республику Беларусь без официально оформленных виз, приглашений и доказать, что какое-либо лицо ходатайствовало о их въезде, невозможно. Считаем, что необходимо ввести в законодательство понятие «принимающая сторона», под которой будут пониматься юридические или физические лица, ходатайствующие о въезде иностранца в Республику Беларусь или его пребывании (проживании) в Республике Беларусь, в том числе юридические или физические лица, индивидуальные предприниматели, физическое лицо или сельскохозяйственная организация, оказывающие

услуги в сфере агроэкотуризма, юридические лица и индивидуальные предприниматели, оказывающие услуги по сдаче в наем (поднаем) жилых помещений, юридические или физические лица, оформившие ходатайство либо документ для приглашения иностранца в Республику Беларусь, на основании которого иностранцу выдана виза Республики Беларусь, юридические или физические лица, ходатайствовавшие о регистрации иностранца или о продлении ему срока временного пребывания либо выдаче разрешения на временное или постоянное проживание.

Нуждаются в совершенствовании и процедуры аннулирования разрешений на временное и постоянное проживание. Несмотря на то, что в целом порядок аннулирования определен, имеется ряд существенных моментов, требующих совершенствования.

Во-первых, не определены сроки рассмотрения вопроса об аннулировании при установлении оснований; определение данных сроков позволит исключить случаи необоснованного затягивания рассмотрения указанного вопроса.

Во-вторых, в случае установления оснований для аннулирования разрешения на временное или постоянное проживание иностранца ОВД, на территории которого постоянно проживает иностранец, направляет по месту жительства и (или) месту пребывания иностранца сообщение о начале рассмотрения вопроса об аннулировании такого разрешения, в котором указывает основания для аннулирования, время и место рассмотрения данного вопроса [7 п. 25; 8, п. 22]. При этом возникает ряд вопросов: кто и каким образом должен принимать решение о начале рассмотрения вопроса об аннулировании разрешения на постоянное проживание (инспектор, начальник отдела по гражданству и миграции, начальник ОВД); как указать в сообщении о начале рассмотрения вопроса об аннулировании разрешения на постоянное проживание время и место рассмотрения данного вопроса, если решение данного вопроса относится к компетенции суда.

В-третьих, решение ОВД об аннулировании разрешения на постоянное проживание иностранца или о прекращении рассмотрения вопроса об аннулировании данного разрешения оформляется в виде заключения, утверждаемого начальником ОВД или лицом, исполняющим его обязанности [7, п. 27]. Проблемным моментом на практике является определение лица, исполняющего обязанности начальника ОВД. Например, возникает вопрос: считается ли лицом, исполняющим обязанности начальника ОВД, заместитель начальника ОВД, который по должностным обязанностям исполняет обязанности начальника ОВД в его отсутствие (например, в случае нахождения начальника ОВД на совещании). В то же время решение

о депортации иностранца может принять как начальник ОВД, так и его заместитель [13, п. 2 ст. 3.6].

В-четвертых, в Правилах пребывания не определено должностное лицо ОВД, имеющее право принимать решение об аннулировании иностранцу разрешения на временное проживание [8, п. 23].

На основании проведенного анализа законодательства считаем возможным устранить данные пробелы путем внесения следующих изменений:

1) в Положении о порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на постоянное проживание в Республике Беларусь, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 3 февраля 2006 г. № 144, изложить в следующей редакции:

пункт 25: «В случае установления оснований для аннулирования разрешения на постоянное проживание иностранца начальник органа внутренних дел или его заместитель направляет по месту жительства и (или) месту пребывания иностранца сообщение о начале рассмотрения вопроса об аннулировании такого разрешения, в котором указывает основания для аннулирования, время и место рассмотрения данного вопроса.»;

пункт 27: «После изучения всех материалов, имеющих отношение к вопросу об аннулировании разрешения на постоянное проживание иностранца, начальник органа внутренних дел или его заместитель принимает решение об аннулировании этого разрешения или о прекращении рассмотрения данного вопроса.

Решение начальника органа внутренних дел или его заместителя об аннулировании разрешения на постоянное проживание иностранца или о прекращении рассмотрения вопроса об аннулировании данного разрешения оформляется в виде заключения.»;

часть первую пункта 29: «Иностранцу, в отношении которого принято решение об аннулировании разрешения на постоянное проживание, по месту жительства и (или) месту пребывания вручается или направляется по почте извещение о принятом решении не позднее пяти суток со дня принятия такого решения начальником органа внутренних дел или его заместителем.»;

2) в Правилах пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 января 2006 г. № 73, изложить в следующей редакции:

часть первую пункта 22: «В случае установления оснований для аннулирования разрешения на временное проживание иностранца начальник органа внутренних дел или его заместитель направляет по месту жительства и (или) месту пребывания иностранца сообще-

ние о начале процедуры аннулирования, в котором указывает основания для аннулирования, время и место рассмотрения данного вопроса.»;

часть первую пункта 23: «После изучения всех материалов, имеющих отношение к вопросу об аннулировании разрешения на временное проживание иностранца, начальник органа внутренних дел или его заместитель принимает решение об аннулировании этого разрешения или о прекращении рассмотрения данного вопроса. Решение начальника органа внутренних дел или его заместителя об аннулировании разрешения на временное проживание иностранца или о прекращении рассмотрения вопроса об аннулировании данного разрешения оформляется в виде заключения.»;

часть первую пункта 24: «Иностранцу, в отношении которого принято решение об аннулировании разрешения на временное проживание, вручается или по месту временного проживания направляется по почте извещение о принятом решении не позднее пяти суток со дня принятия такого решения начальником органа внутренних дел или его заместителем. Копия извещения с указанием даты вручения или направления должна содержаться в материалах по выдаче иностранцу разрешения на временное проживание.».

Данные изменения законодательства Республики Беларусь будут способствовать повышению эффективности правового регулирования в сфере миграции и деятельности уполномоченных государственных органов.

Список использованных источников

1. Валюшко, Н. В. Конституционно-правовой статус иностранцев и лиц без гражданства в Республике Беларусь: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Н. В. Валюшко. — Минск, 2007. — 134 л.
2. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь: учебник / Г. А. Василевич. — Минск: Выш. шк., 2016. — 399 с.
3. Васильева, Л. А. Правовой статус беженцев в Республике Беларусь: теоретико-правовые и организационные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Л. А. Васильева. — Минск, 2000. — 146 л.
4. Вопросы предоставления иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 14 апр. 2009 г. № 461 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
5. Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 янв. 2011 г. № 243-З: принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г.: одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г.: текст по сост. на 1 июня 2018 г. [Электронный ресурс] // Там же.
6. Об утверждении Визовых правил Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 15 июля 2010 г. № 1065 [Электронный ресурс] // Там же.
7. Об утверждении Положения о порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на постоянное проживание в Республике Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 3 февр. 2006 г. № 144 [Электронный ресурс] // Там же.
8. Об утверждении Правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 20 янв. 2006 г. № 73 [Электронный ресурс] // Там же.
9. Об утверждении Правил транзитного проезда (транзита) иностранных граждан и лиц без гражданства через территорию Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 янв. 2006 г. № 63 [Электронный ресурс] // Там же.
10. О внешней трудовой миграции: Закон Респ. Беларусь от 30 дек. 2010 г. № 225-З [Электронный ресурс] // Там же.
11. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 105-З [Электронный ресурс] // Там же.
12. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 23 июня 2008 г. № 354-З [Электронный ресурс] // Там же.
13. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 дек. 2006 г. № 194-З: принят Палатой представителей 9 ноября 2006 г.: одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г.: текст по сост. на 1 июня 2018 г. [Электронный ресурс] // Там же.
14. Тихиня, В. Г. Правовой статус иностранцев в Республике Беларусь / В. Г. Тихиня. — Минск: Право и экономика, 2013. — 207 с.

Статья поступила в редакцию в июне 2018 г.

БЕЛОРУССКО-КУБИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (1962—2018 гг.)

Александр Челядинский

В статье изложены основные этапы становления и развития отношений Беларуси с Кубой за более чем полувековой период сотрудничества. Отмечены все области отношений и проблемы на этом пути. Выявлено, что карибская страна была и будет союзническим государством для Беларуси, мостом для продвижения ее интересов в Латинской Америке.

Ключевые слова: Александр Лукашенко; Беларусь; гуманитарные связи; Куба; политическое сотрудничество; Рауль Кастро; Фидель Кастро; экономические отношения.

«Belarusian-Cuban Relations (1962—2018)» (Alexandr Chelyadinsky)

The article describes the main stages of the formation and development of relations between Belarus and Cuba for more than half a century of cooperation. All the areas of relations and issues along the way are noted. It was revealed that the Caribbean country existed and would be an allied state for Belarus, a bridge for advancing its interests in Latin America.

Keywords: Alexander Lukashenko; Belarus; Cuba; economic relations; Fidel Castro; humanitarian relations; political cooperation; Raul Castro.

Author:

Chelyadinsky Alexandr — Doctor of History, Professor of the Department of Political Sciences of Social and Economics Faculty, Institute of Parliamentarism and Entrepreneurship, e-mail: cheaa@tut.by
Institute of Parliamentarism and Entrepreneurship. Address: 65A, Timiryazev str., Minsk, 220035, BELARUS

Статья подготовлена к 60-летию победы Народной революции на Кубе, которое будет отмечаться 1 января 2019 г. Новизна данного исследования состоит в том, что в белорусской науке о международных отношениях пока отсутствуют комплексные исследования, касающиеся сотрудничества двух стран. Наиболее содержательными можно считать статьи К. П. Андриевского, посвященные данному вопросу [1; 2]. Кратко становление отношений двух государств отражено в монографии А. В. Тихомирова [22]. Конкретные области отношений довольно подробно изложены в Вестнике МИД Республики Беларусь за 1996—2012 гг. Автор статьи использовал сборник «Знешняя палітыка Беларусі (1996—2000 гг.)» [10]. Большую поддержку автору оказало посольство Республики Куба в Республике Беларусь и лично Чрезвычайный и Полномочный Посол Херардо Суарес Альварес, предоставив возможность ознакомиться с текущим архивом [21].

До 1991 г. белорусско-кубинские связи развивались в рамках существования СССР и приобрели устойчивый характер, хотя сведения об острове в республике практически отсутствовали до появления первых кубинских студен-

тов в БГУ в 1962 г., вместе с которыми учился и автор данной статьи. Большое значение имел визит в нашу страну в июле 1972 г. партийно-правительственной делегации Кубы во главе с Ф. Кастро. В декабре 1976 г. республику посетил Р. Кастро [25, с. 13]. Интерес к Беларуси у кубинцев проявился в ходе визита в 1978 г. партийной делегации КПСС во главе с кандидатом в члены политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК КПБ П. Машеровым. В ходе визита Ф. Кастро и П. Машеров обменивались воспоминаниями о начале и ходе борьбы против режима Ф. Батисты и о войне партизан против немецких оккупантов [23, с. 14]. П. Машеров был награжден кубинской медалью «XX годовщина», утвержденной в ознаменование 20-летия штурма казарм Монкада. Именно после данного визита в БССР началось интенсивное изучение испанского языка и открылось торговое представительство Кубы в Минске.

В советском экспорте на Кубу продукция белорусских предприятий занимала ведущее место. В 1960—1980-е гг. в страну было поставлено более 30 тыс. тракторов, почти 4 тыс. автомобилей «МАЗ» и полуприцепов, более 1 тыс. единиц дорожно-строительной техники Могилевского автозавода, 500 жодинских са-

Автор:

Челядинский Александр Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры политологии социально-экономического факультета Института парламентаризма и предпринимательства, e-mail: cheaa@tut.by
Институт парламентаризма и предпринимательства. Адрес: 65А, ул. Тимирязева, Минск, 220035, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Русакович Андрей Владимирович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой дипломатической и консульской службы факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Карев Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, директор Центра междисциплинарных исследований диаспор и зарубежного белорусоведения факультета искусств и дизайна Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

мосвалов «БЕЛАЗ», около 3 тыс. единиц электрооборудования, более 700 тыс. холодильников. Ежегодно Куба получала из Беларуси 1 тыс. велосипедов и мотоциклов, 100 тыс. часов марки «Луч» и 5 тыс. радиоприемников «Океан». Объем ежегодных поставок удобрений составлял 100 тыс. т. За предоставленные кредиты Куба расплачивалась поставками на белорусские сахароперерабатывающие заводы около 200 тыс. т сахара-сырца. Платежи по договорным ценам осуществлялись в долларах США [2, с. 54].

Распад СССР и всего социалистического лагеря стал для Кубы настоящей геополитической и геоэкономической катастрофой. И не только потому, что исчез главный спонсор Кубы, основной оппонент США. На территории постсоветских государств, включая Республику Беларусь была отброшена и подверглась критике не только советская модель 70-летнего развития, но и сама идея социальной справедливости, названная утопией, исчезло упоминание об эксплуатации человека и необходимости борьбы за ее уничтожение. Естественно, что в таких условиях Кубе не оставалось места во внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетах Республики Беларусь, хотя формально дипломатические отношения были установлены 16 апреля 1992 г. Белорусский международник А. Тихомиров справедливо отмечал: «собственно говоря, даже с Кубой Беларусь не могла и не хотела развивать отношения на основе принципов, существовавших во времена СССР» [22, с. 221].

В 2017 г., к 25-летию установления дипломатических отношений между двумя странами, в белорусской прессе появлялись материалы антикубинского содержания. Так, например, в марте газета «Народная воля» посвятила целую полосу материалу под названием «Какую страну оставил кубинцам Фидель Кастро?» с комментариями сотрудника Радио Свобода в Минске В. Черецкого [11]. Статья была абсолютно тенденциозна с комментариями только кубинских эмигрантов.

После провозглашения независимости Беларуси кубинцы не стали сворачивать все то, что было наработано в советские годы по линии Гавана — Минск. Торговое представительство Кубы в Минске с 1997 г. было преобразовано в посольство. Победа на президентских выборах 1994 г. А. Лукашенко стала важным фактором, положившим начало современному этапу полноценных отношений. Сближение с Островом Свободы обуславливалось и политическими обстоятельствами, необходимостью для белорусского руководства найти оптимальную модель общественного развития, которая помогла бы сохранить социальное лицо государства. Кубинский опыт «особого периода» был как никогда востребован, хотя Беларусь находилась по сравнению с Кубой в гораздо более благоприятных условиях, имея поддержку

Российской Федерации и обладая несравнимо большим научно-техническим потенциалом и развитой социальной сферой. Тем не менее, линия на становление и последующее развитие многовекторности внешней политики Республики Беларусь требовала и ориентации на Кубу, имеющую дипломатические отношения почти со 190 странами мира. Белорусский аналитик К. Андриевский справедливо отмечал, что «Куба играет весомую политическую роль в Латинской Америке и в ряде международных организаций — как региональных (ALBA), так и мировых (Движение неприсоединения), что позволяет нашей стране получать необходимую политическую поддержку, в том числе и путем координации совместных усилий» [1, с. 85]. Следует добавить, что в значительной мере благодаря Кубе Беларусь в 1998 г. была принята в ряды Движения неприсоединения (единственная из европейских стран). Кубинское руководство в лице Ф. Кастро активно поддержало инициативы Беларуси на встрече в Гаване лидеров Движения неприсоединения. В исследуемый период Беларусь имела статус страны-наблюдательницы в Ассоциации карибских государств, а Национальное собрание Беларуси — статус постоянного наблюдателя при латиноамериканском парламенте — Парлантино. Куба приветствовала выступление главы белорусского государства на саммите в Гаване, где А. Лукашенко озвучил следующие инициативы: 1) отказ от односторонних экономических санкций и других мер, направленных на оказание давления на другие страны — члены Движения неприсоединения; 2) признание многообразия путей общественного развития и уважения выбора народа; 3) необходимость коллективной борьбы против рабства и торговли людьми; 4) необходимость защиты Движения неприсоединения от внешнего давления или агрессии; 5) сплоченность позиций государств-членов в ООН; 6) необходимость создания банка данных об экономических интересах и проблемах государств-членов [9, с. 19]. Планомерное развитие отношений Куба — Беларусь началось после визита в сентябре 2000 г. А. Лукашенко, который ознакомился с ситуацией на острове, имел продолжительную беседу с Ф. Кастро. Визит Главы белорусского государства спустя почти 6 лет после избрания объяснялся, на наш взгляд, отсутствием опыта международного сотрудничества, началом становления Министерства иностранных дел Беларуси. Кроме того, до 1996 г. Минск руководствовался подходом Москвы в отношении Гаваны, а он до появления Е. Примакова было сугубо отрицательным. Куба в тот период также испытывала трудности, правда, несколько другого порядка. Производство валового внутреннего продукта серьезно снизилось, дефицит госбюджета достиг 33 % ВВП, на руках населения скопились значительные денежные средства,

превышающие товарную массу. Работа многих предприятий была остановлена, и, хотя рабочих не увольняли, они практически оказались безработными.

В этот период значительно сузились внешнеэкономические связи из-за недостатка твердой валюты и все возрастающего внешнего долга. Снизился экспорт основных экспортных товаров: сахара, никелекобальтовой продукции, табака, морепродуктов, медикаментов, товаров фармацевтической промышленности. Кубинский импорт также имел тенденцию к снижению. Например, если в 1992 г. экспорт Беларуси на Кубу составлял более 18 млн дол. США, а импорт свыше 4 млн, то в 1994 г. экспорт составлял всего 400 тыс., а импорт 1 млн дол. [7, с. 33]. Ситуация изменилась с назначением главой МИД Беларуси И. Антоновича, но кубинская сторона в этом плане была более активной. Уже в июне 1994 г. и в мае 1995 г. Беларусь посетили заместитель Председателя Совета Министров Кубы Л. Сото и министр иностранных дел Р. Робайно. Белорусская сторона ответила визитом И. Антоновича в июне—июле 1997 г., в ходе которого он был принят Ф. Кастро [17]. Представляется, что именно данное обстоятельство и подготовило почву для первого визита на Кубу Президента Беларуси, в ходе которого была выполнена огромная программа. Ее ключевым пунктом явилось подписание Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между двумя странами. Обе страны выразили намерение развивать отношения в различных сферах, руководствуясь принципами взаимного уважения, независимости, государственного суверенитета и территориальной целостности. Другим важным документом стало соглашение между правительствами обеих стран о торгово-экономическом сотрудничестве.

К визиту Президента было приурочено и открытие в 1998 г. посольства Беларуси в Гаване — первого посольства республики в Латинской Америке. Помимо этого, Глава белорусского государства был удостоен высшей кубинской награды — ордена Хосе Марти — за выдающиеся заслуги в деле укрепления дружбы с кубинским народом. А. Лукашенко посетил мемориал, посвященный этому выдающемуся борцу за независимость Кубы, осмотрел музейный комплекс мемориала и оставил запись в книге почетных гостей. Белорусская делегация также побывала в центре генной инженерии и биотехнологии. По итогам визита А. Лукашенко провел пресс-конференцию для представителей СМИ. Отвечая на многочисленные вопросы, Президент с большой теплотой отозвался о своих встречах с кубинским лидером. По его словам, жизнь Ф. Кастро — это своеобразный учебник для любого политика. Можно что-то принимать или не принимать из его идей, но не считаться с этой фигурой в мировой политике нельзя [18, с. 19].

Визит способствовал тому, что кубинское руководство обратило внимание, что в лице Беларуси открываются неплохие перспективы для возвращения Кубы на постсоветское пространство и восстановления связей с бывшими республиками СССР, особенно с Украиной. Активизировался двусторонний диалог Гавана — Минск с визита министра внешней торговли Кубы Р. де Ла Нуэс. Затем в октябре 2001 г. и в марте 2003 г. Минск посетили А. Дальмау — заместитель министра иностранных дел и Ф. Роке — глава МИД Кубы. С белорусской стороны состоялись визиты министра иностранных дел С. Мартынова во время его поездки по Латинской Америке в октябре—ноябре 2004 г., его заместителя В. Гайсенка в декабре 2005 г., а также премьер-министра С. Сидорского в апреле 2006 г. Во время последнего визита состоялась встреча с Ф. Кастро, было заключено 17 межправительственных и межведомственных соглашений в сферах экономики, здравоохранения, сертификации и консульских отношений [1, с. 87].

Был дан старт и межпарламентскому сотрудничеству. Осуществлено по два визита белорусской (1997 и 2004 гг.) и кубинской (2003 и 2006 гг.) парламентских делегаций. В рамках последнего в ходе встречи председателя Национальной ассамблеи народной власти Кубы Р. Аларкона с белорусскими парламентариями прозвучала идея создания межпарламентской ассамблеи в рамках Движения неприсоединения [6].

Известно, что данный международный форум является местом для белорусско-кубинского диалога и координации действий. Следует отметить, что именно после возвращения с XIV саммита Движения неприсоединения, состоявшегося в 2006 г., А. Лукашенко заявил в Гаване о создании Минском внешнеполитической новой дуги, включающей и Кубу.

Двусторонней консолидации, помимо накопленного значительного опыта сотрудничества между странами, способствовала также схожесть идеологических и международных позиций, в частности выступление в поддержку многополярного мира и неприятие политики, проводимой США.

Беларусь учитывала то негативное обстоятельство, что Куба подвергалась прессингу со стороны США. Поэтому во внешнеполитическом поведении Беларуси «кубинский вопрос» занимал место прежде всего на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Беларусь призывала США положить конец экономическим и другим действиям, направленным против Кубы, которые, будучи односторонними, противоречили международному праву, а также принципам добрососедства. Такая линия получала поддержку прежде всего членов ООН, участников Движения неприсоединения, требовавших от Вашингтона того же самого [15].

В работе с Кубой значительное значение придается развитию договорно-правовой базы сотрудничества, учитывая в целом высокий уровень подготовки латиноамериканских юристов-международников. Применительно к кубино-белорусским отношениям необходимо отметить наличие около 30 документов высокого уровня, регламентирующих межгосударственное взаимодействие по широкому кругу вопросов. Об этом было заявлено 24 мая 2016 г. на встрече парламентариев Беларуси с первым заместителем председателя Государственного Совета и Совета министров Кубы М. Диас-Канель Бермудесом [21, 2016, 26 мая]. Они свидетельствовали о том, что обе страны считали себя стабильными политическими партнерами — одна в Западном полушарии, другая — в Восточном. Как уже отмечалось выше, это было связано со схожестью политических систем, близостью позиций по основным международным проблемам, прежде всего проблемам развития, выплаты внешнего долга, нераспространения ядерного оружия, торговли людьми и т. д. К примеру, Куба активно поддержала инициативу Беларуси о создании в Центральной Европе зоны, свободной от ядерного оружия [8, с. 58]. Именно четкие правовые основы помогли созданию еще в 1997 г. Совместной кубино-белорусской комиссии, работу которой очень высоко оценил Р. Кастро, который выразил симпатию кубинцев к Беларуси в беседе с А. Лукашенко и подчеркнул при этом важность регулярных встреч функционеров двух стран, прежде всего министров иностранных дел.

В сентябре 2006 г. белорусский лидер вновь посетил Гавану для участия в XIV саммите Движения неприсоединения. В ходе переговоров А. Лукашенко с Р. Кастро состоялся продуктивный обмен мнениями по широкому кругу международных вопросов. Члены белорусской делегации провели серию двусторонних встреч с руководством ведущих министерств и ведомств Кубы.

Участие высокой белорусской делегации в Гаванском саммите Движения неприсоединения позволило придать новый мощный импульс белорусско-кубинским отношениям, установить прямой диалог с руководством целого ряда государств. Глава Беларуси провел важные переговоры с лидерами Венесуэлы, Ирана, ЮАР, Алжира и Малайзии. Министр иностранных дел Беларуси С. Мартынов встретился с главами внешнеполитических ведомств Венесуэлы, Боливии, Колумбии, Ирана, Индии, Алжира и ряда других государств.

Регулярно проводились встречи министров иностранных дел двух стран, был создан и активно использовался механизм межмидовских консультаций, укреплялось оперативное взаимодействие постоянных представительств Беларуси и Кубы при ведущих международных организациях. Высокая доверительность тако-

го диалога положительно сказывалась на эффективности усилий наших стран по отстаиванию своих интересов на международной арене [19, с. 58–59].

В этом плане 2014 г. был очень знаменателен. Хорошее состояние политических отношений подтвердилось во время визита в июне министра иностранных дел Беларуси В. Макея в Республику Куба. В ходе серии встреч была проанализирована необходимость расширения торгово-экономического сотрудничества до уровня наших политических отношений. Были подписаны также два важных соглашения: о взаимной торговле и о регистрации, производстве и продаже лекарственных препаратов. Оба соглашения уже ратифицированы правительством Кубы. Обсуждались льготы в кредитовании и финансировании для расширения сотрудничества в таких сферах, как фармакология, сельское хозяйство, промышленность и транспорт. Достигнутые договоренности получили логическое продолжение в октябре в ходе визита в Беларусь кубинской делегации, которую возглавлял первый заместитель министра внешней торговли и иностранных инвестиций А. Л. Каррикarte Корона. В этой связи посол Х. Суарес Альварес отмечал: «мы считаем, что созданы все условия для расширения наших двусторонних отношений в новом году, а также для успешного использования всех существующих возможностей. Благо политическая воля двух правительств к такому сотрудничеству не требует доказательств» [4, с. 22].

В июле 2017 г. в ходе визита на Кубу заместителя министра иностранных дел Республики Беларусь Е. Шестакова были проведены двусторонние консультации по политическим вопросам с заместителем министра иностранных дел Кубы Р. Сьерра Диасом и по вопросам торгово-экономического сотрудничества с первым заместителем министра внешней торговли и иностранных инвестиций Кубы А. Каррикarte Корона [21, 2017, 25 авг.].

Беларусь заинтересована при содействии Кубы развивать отношения со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. Это прозвучало на встрече Президента А. Лукашенко с послом Кубы по случаю завершения его дипмиссии. Почти четыре года работы Х. Суареса Альвареса отмечены серьезным ростом взаимной торговли. Кубинский посол активно содействовал продвижению диалога стран и формированию общей правовой базы. Партнерство двух стран развивается стабильно, прирастает новыми проектами. Беларусь и дальше намерена расширять сотрудничество с Кубой — основным стратегическим партнером в Латинской Америке. В этом ключе страны готовы работать продуктивнее. В планах — активизировать научно-техническое взаимодействие и реализовать совместные проекты в области биотехнологий и медицины. Способствовал укреплению связей и дружественный

характер отношений белорусского лидера и Р. Кастро. Как отметил Х. Суарес Альварес: «На протяжении четырех лет пребывания в Беларуси я был свидетелем тех усилий и достижений, которые имела ваша страна. И я убежден, что у Беларуси очень красивое настоящее и страну ожидает очень красивое будущее. Годы пребывания в Беларуси для меня как в личном, так и в профессиональном плане стали бесценным опытом. Я многому у вас научился, всегда восхищался героической историей вашего народа» [3].

Научный анализ отношений двух государств требует объективности, а не только мажорных красок. Присутствуют объективные и субъективные причины определенных трудностей. К объективным причинам надо отнести кризисные явления на континенте, обостряющиеся противоречия «за Кубу» между основными глобальными акторами — США, ЕС, КНР, Канадой. Во внутривнутриполитическом плане на Кубе после ухода Р. Кастро наблюдается определенное расхождение мнений о путях дальнейшего развития страны между «традиционалистами» и «обновленцами», что требует значительного мониторинга ситуации с белорусской стороны. На Кубе такое расхождение имеет объективную основу. Рост частного сектора в экономике, приход иностранного капитала, особенно в сферу туризма, неизбежно будет вызывать социальное расслоение общества, и от государства потребуются очень гибкая политика в данном вопросе. От Беларуси же потребуются оперативное обновление и конкретика в договорной базе. К субъективным причинам надо отнести качество и количество работы дипломатических представительств двух стран, привлечение кроме государственных структур предпринимательских и научных кругов. Сдерживание развития сотрудничества отсутствием необходимой договорно-правовой базы, стагнация двусторонних отношений, в свою очередь, являются существенным препятствием на пути формирования более тесного сотрудничества Беларуси и Кубы.

Наиболее ярко это подтверждается при анализе экономических отношений двух стран. С момента провозглашения независимости Беларуси самый высокий уровень пришелся на 2012 г. — 102 млн дол. США [21, 2013, 23 авг.].

Экономические отношения между Беларусью и Кубой на двустороннем уровне начали восстанавливаться с февраля 1992 г. на основе договора о торгово-экономическом сотрудничестве. С 1997 г. начала работу совместная Белорусско-кубинская межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству, которая играет важную роль в развитии двусторонних отношений и товарообмена. Совместная комиссия с момента ее появления служила важным форумом, содействующим развитию экономических отношений между двумя странами [20, с. 65].

Товарооборот между Беларусью и Кубой в период с 2000 по 2016 г. в среднем колебался с 20 до 40 млн дол. США. В большинстве случаев для нашей страны его сальдо было отрицательным из-за отсутствия прямых поставок кубинского сахара-сырца (все сделки осуществлялись на международной бирже) [1, с. 89]. Тем не менее, с 2002 г. прямые поставки другой белорусской продукции на остров выросли более чем вдвое, значительно расширилась номенклатура белорусского экспорта, основу которого составляли сложные технические изделия. В 2007 г. товарооборот составил 60 млн дол. США, что свидетельствовало о положительной динамике двустороннего сотрудничества [2, с. 89]. В то же время посол Беларуси на Кубе И. Полуян назвал более скромную цифру — 21,4 млн дол. США [19, с. 59].

Среди белорусских предприятий, реализующих свою продукцию на кубинском рынке, выделялись МТЗ, МАЗ, МоАЗ, ММЗ, «Белшина», «Беларуськалий», ММВЗ, БелАЗ, БелОМО и др. Поднимался вопрос о создании сборочного производства белорусской техники на Кубе, однако реализация этой идеи была отложена из-за определенных трудностей финансового характера с кубинской стороны (суть идеи заключалась в торговле без посредников, но последние предоставляют кубинской стороне кредиты, без которых закупка новой техники проблематична).

Основными товарами белорусского импорта уже традиционно являлись сахар-сырец (97—99 % в удельном весе) и вакцины. После визита А. Лукашенко в 2000 г. был согласован проект создания совместного белорусско-кубинского предприятия по экспорту сахара-сырца в Беларусь и его дальнейшей переработке на белорусских заводах, а также продаже полученного продукта как на внутреннем рынке, так и в соседних странах. Центральная идея проекта заключалась в том, что прибыль от этого совместного предприятия должна быть полностью вложена в экономику нашей страны в основном для покупки необходимого оборудования для сахарной промышленности Кубы, что было бы бесспорным стимулом для расширения двустороннего товарообмена, в первую очередь поставок белорусских товаров на Кубу. Результатом реализации данного проекта стала официальная регистрация совместного белорусско-кубинско-канадского предприятия «Белатинсахар» [19, с. 65].

В сентябре 2006 г. белорусская сторона, представленная РУП «МАЗ», приняла участие в гаванской X Международной транспортной ярмарке «FIT-2006». В выставке участвовали производители из 52 стран. Белорусское предприятие экспонировало современные грузовые автомобили и городской низкопольный автобус, вызвавший наибольший интерес у кубинских специалистов и многочисленных посетителей ярмарки. В рамках работы выставки

белорусская делегация во главе с директором автобусного производства ПО «БелавтоМАЗ» провела встречи с министром транспорта Кубы, мэром Гаваны, а также руководством ряда крупнейших кубинских внешнеторговых предприятий. По итогам переговоров был подписан контракт на поставку ежегодно 100 автобусов [5, с. 67].

Были заложены основы военно-технического сотрудничества. Так, в январе 2001 г. в Минске находилась делегация кубинских военных экспертов во главе с директором компании «Текноимпорт» (компания принадлежит Министерству обороны и является, помимо прочего, главным закупщиком продукции белорусских промышленных предприятий) полковником А. Искьердо. Обсуждались вопросы расширения контрактов в данной области, закупки запасных частей и оптических приборов для РВС Кубы, обучения младшего командного состава в белорусских учреждениях образования. Спустя полгода от кубинской стороны поступил запрос о закупке тканей для военных нужд (Куба ежегодно тратит на это более 3 млн дол. США) [1, с. 90].

Куба охотно делится с Беларусью своими достижениями в области биотехнологий. В ноябре 2014 г. в Минске было успешно проведено клиническое испытание уникального лекарственного средства кубинского производства под названием *Heberprot-P*. Данный препарат применяется при лечении синдрома диабетической стопы и позволяет значительно сократить количество ампутаций у пациентов, страдающих этим заболеванием [4, с. 20].

Вместе с тем в двусторонних экономических отношениях наблюдались определенные трудности, связанные как с низкой платежеспособностью кубинской стороны, так с недостаточной гибкостью белорусских хозяйствующих субъектов, слабым изучением, недооценкой комплексного анализа страны. Все это привело к тому, что некоторые ниши известной на острове белорусской продукции (велосипеды, мотоциклы, холодильники) начинали закрываться.

Как уже указывалось выше, экономическая ситуация в народном хозяйстве Кубы сложилась таким образом, что практически все организации, предприятия и ведомства (за исключением минобороны и предприятий с участием иностранного капитала) работают «в кредит», т. е. рассчитываются за поставленную продукцию в течение одного—трех лет (за счет самокупаемости машин и оборудования). Как показывает практика, такая схема расчетов невыгодна для белорусских экспортеров (из-за риска некупаемости), поэтому основные поставки на Кубу осуществляются через иностранных финансовых посредников. Поэтому из-за отсутствия платежеспособности кубинской стороны белорусская продукция поставлялась на остров при посредничестве фирм

Канады, Италии, Испании и др. Основной объем этих поставок осуществлялся через канадскую фирму «Токмакджан», имеющую на Кубе свое представительство [1, с. 91]. Данная схема ставила развитие двусторонней торговли в зависимость от кредитования посредников. В частности, в 2003 г. канадская компания резко сократила финансирование поставок на Кубу белорусских товаров в связи с тем, что кубинские потребители задолжали ей около 10 млн дол. США. Помимо этого, компания неоднократно отказывала кубинской стороне в выделении кредита на покупку белорусских калийных удобрений.

В ряде случаев белорусские хозяйствующие субъекты не использовали открывающиеся возможности для закрепления позиций на кубинском рынке с перспективой выхода на рынки Латинской Америки. Анализируя упущенные возможности, необходимо упомянуть неоправданно долгое игнорирование белорусскими предприятиями одного из крупнейших экономических событий региона — ежегодной Международной гаванской ярмарки, площадь которой составляет 20 тыс. м², а количество стран, принявших участие в ней, по состоянию на 2017 г., — около 70 (в том числе Канада, ФРГ, Франция, КНР, Япония и др.). Однако, несмотря на значимость ярмарки для региона и на вышеупомянутую конкуренцию, предполагающую борьбу за рынок сбыта, отмечалось, что белорусские предприятия систематически уклонялись от участия в ней. И это при том, что на закупку транспортных средств, медоборудования и сложнотехнической продукции Куба тратит 4 млрд дол. США ежегодно. Только на закупку продовольственных товаров кубинцы подписали контракты на сумму более 300 млн дол. Как отмечает И. Полуян, интерес к Кубе проявили деловые круги Украины, Казахстана и Азербайджана [19, с. 59]. Помимо этого, белорусская сторона демонстрировала и отсутствие навыков борьбы за кубинский рынок в условиях конкуренции. Мало внимания уделялось формированию образа Беларуси в регионе, ее узнаваемости. Кубинские партнеры, за исключением представителей органов государственного управления, не всегда располагали достаточной информацией о нашей стране, об уровне развития экономики, экспортных возможностей, номенклатуре выпускаемой продукции. Некоторые белорусские предприятия недобросовестно выполняли условия уже подписанных соглашений, что негативно отражалось на образе страны на рынке Кубы и других государств Латинской Америки.

Сейчас выйти на кубинский рынок с широкой номенклатурой белорусской продукции довольно непросто, поскольку сложилась ситуация, когда партнер выбирает из уже имеющихся предложений, наиболее выгодных и отвечающих его возможностям. Примером

может служить программа модернизации тракторного парка страны, для осуществления которой в качестве кандидатов на поставки новых тракторов выступили Бразилия, Италия и Беларусь. Определяющим фактором в данном случае являются, помимо качества и надежности машин, условия финансирования указанных поставок. Однако с белорусской стороны многие вопросы еще окончательно не решены.

К примеру, только благодаря усилиям Х. Суареса Альвареса, настоявшего на участии Беларуси в выставке, свою продукцию в Гаване представили флагманы белорусского машиностроения. Рекламировались только оригиналы: сельхозмашины, дорожная и карьерная техника. Был сверстан график и для переговоров бизнесменов.

Беларусь представила противоопухолевые препараты нового поколения, приборы вибрационного контроля зданий для оценки рисков. Это как никогда актуально для Латинской Америки — ведь регион сейсмоопасный. Для густонаселенных стран разработали инновационную модель электровелосипеда. Во время работы выставки были подписаны соглашения торгово-промышленных палат Беларуси и Кубы [3].

Страны успешно реализовывали соглашения, например, о взаимных поставках. По этому договору Остров Свободы экспортирует в Беларусь лекарства, а мы на Кубу — сельхозтехнику. В планах — активизировать научно-техническое взаимодействие и реализовать совместные проекты в области биотехнологий и медицины. Многие проекты получают прописку на всем континенте. При содействии Кубы Беларусь намерена развивать отношения со странами Латинской Америки и Карибского бассейна. Это было озвучено во Дворце Независимости в октябре 2010 г. А. Лукашенко анонсировал и свой возможный визит на Кубу. В этой связи Х. Суарес Альварес отметил: «Я хотел бы поблагодарить за последовательную твердую дружественную позицию по отношению к Кубе. За эту искреннюю дружбу, которую вы демонстрировали к Фиделю и к Раулю Кастро. Мы никогда не забудем искренние слова, направленные по случаю кончины Фиделя Кастро. Также хочу поблагодарить за ваше внимание к двусторонним связям. Ваш визит на Кубу был импульсом для развития наших отношений». Между нашими странами всегда были и остаются добрые дружественные отношения. Отсутствие проблем в политическом диалоге Минска и Гаваны — еще один важный стимул для сотрудничества. Беларусь почти втрое нарастила экспорт на Кубу. Ежегодно Беларуси и Кубе удается сохранять стабильный уровень товарооборота, приближающийся к 70 млн дол. США [3].

Представляется, что для большей эффективности экономических отношений необходимо изменить принципы работы Меж-

правительственной белорусско-кубинской комиссии, которая должна состоять из десяти или более рабочих групп, рассматривающих как общие вопросы, так и взаимодействие во всех основных областях, и не только в области экономики. Связи же в ней должны осуществляться в рамках «деловых советов». При работе с кубинскими партнерами важно иметь самую обширную информацию о их возможностях, тем более, что на Кубе намечилось серьезное изменение в пользу развития частного сектора. Кубинская сторона крайне заинтересована в расширении номенклатуры товаров, поставляемых на белорусский рынок, прежде всего за счет продукции фармацевтики, морепродуктов, цитрусовых, медицинских услуг, скорейшего открытия представительства МАЗа и МТЗ. На встрече Президента Республики Беларусь А. Лукашенко с вице-президентом Кубы М. Диас-Канель Бермудесом в мае 2016 г. отмечалось, что до недавнего времени препятствием для расширения взаимодействия была низкая платежеспособность кубинских коллег. Однако стороны нашли решение и этой проблемы, выстроив новые схемы продвижения белорусской продукции на кубинский рынок: встречные поставки и кредитование белорусского экспорта. В 2015 г. Банк развития Беларуси и Внешний банк Кубы подписали соглашение об условиях выдачи экспортных кредитов для приобретения белорусских товаров. В настоящее время ведутся переговоры об открытии новой кредитной линии; прорабатываются поставки наших станков, тракторов и двигателей ММЗ [12].

В сфере взаимных интересов также развитие сотрудничества в сельском хозяйстве и медицине. К примеру, М. Диас-Канель Бермудес, который сменил Р. Кастро на государственном посту в апреле 2018 г., по специальности инженер-электронщик и прекрасно осознает, насколько важно развивать инновационную экономику. На Кубе планируют построить Парк высоких технологий, изучив белорусский опыт в этом деле. Поэтому встреча А. Лукашенко и М. Диас-Канель Бермудеса продемонстрировала главное: взаимную заинтересованность и готовность двух стран подняться на новую ступень двустороннего сотрудничества. Вице-президент Кубы высоко оценил роль нашей страны в укреплении мира и безопасности в европейском регионе и пригласил А. Лукашенко в любое удобное время посетить Кубу [12].

Кубинская сторона заинтересована в усилении сотрудничества в области энергетики и хотела бы привлечь белорусских специалистов к проведению опытно-промышленных работ, разведки и применению опыта по повышению нефтеотдачи в Мексиканском заливе. Успешное освоение нефтяного шельфа позволило бы Кубе обеспечить полную энергетическую независимость. Естественно, кубинцам придется изменить и правовую основу сотрудничества в

этой области, поскольку те же российские компании посчитали, что их участие в проекте будет нерентабельным.

Важнейшим вектором экономического сотрудничества было бы восстановление и ремонт 9 тыс. единиц советской техники, в том числе военной, которая простаивает с 1991 г. из-за отсутствия запасных частей и агрегатов, в том числе белорусского производства [13, с. 97].

Как отмечалось, очень перспективным было бы биотехнологическое направление сотрудничества. В «портфеле» Кубинской государственной компании «*Bio Cuba Farma*» имеется 400 различных проектов, из которых 100 патентозащищены и могли бы продвигаться через Беларусь в другие страны СНГ, включая Россию. Для этого можно было бы в Минске открыть Кубинский центр технологий на базе медицинского университета. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. С июля 2013 г. в Беларуси стали выпускать противораковые препараты по кубинским технологиям, а в августе 2017 г. Куба инициировала приезд в Минск гаванских ученых с целью познакомиться с возможностью совместного производства медицинских препаратов. Встреча прошла в Минском городском технопарке [21, 2017, 25 авг.]. Всеми этими направлениями руководил до своей преждевременной кончины в феврале 2018 г. сын Ф. Кастро Ф. Диас-Баларт, советник по науке Государственного совета Кубы.

Кроме этого, белорусско-кубинское взаимодействие в сфере модернизации и развития транспортной инфраструктуры по сути охватило бы все направления: автомобильный и железнодорожный транспорт, авиасообщение. Белорусская сторона могла бы, учитывая венесуэльский опыт, выйти на кубинский строительный рынок, представив проект создания на острове домостроительного комбината по производству композитных строительных материалов. Кубинцы планируют модернизацию завода по производству минеральных удобрений в г. Нуэвитасе и строительство парка хранения сжиженных газов.

По заявлению кубинских властей, они готовы укреплять торговые связи с Беларусью. Но давать особые преференции нашей, как и любой другой стране, не намерены. Чтобы не потерять кубинский рынок, белорусской стороне надо быть готовой к работе в жесткой конкурентной среде, оперативно и гибко реагировать на меняющуюся ситуацию. Сегодня Куба — требовательный партнер, с диверсифицированными внешнеэкономическими связями, способный самостоятельно выбирать, с кем вести дела. При отсутствии политических обязательств, в условиях жесткой конкуренции белорусским экспортерам необходимо расширять номенклатуру и повышать качество поставляемой машинно-технической продук-

ции и других товаров. Не менее важно строго соблюдать взятые на себя обязательства, заботиться об имидже Беларуси как надежного делового партнера, по возможности свести к минимуму бюрократические процедуры, характерные для той и другой стороны.

Высокую доходность уже в среднесрочной перспективе могло бы обеспечить вхождение белорусских организаций в туристический сектор Кубы: ежегодно на острове отдыхает более 4 млн иностранных туристов. По мнению экспертов, в ближайшие годы динамика роста въездного туризма на остров сохранится. О перспективности такого рода проектов свидетельствует и растущая популярность кубинских курортов среди белорусских туристов, которых наряду с экзотическим тропическим климатом, несомненными достопримечательностями местных пляжей, многочисленными историческими и культурными достопримечательностями привлекает возможность безвизовых поездок на Кубу.

Ключевым с точки зрения перспектив налаживания и расширения взаимовыгодных торгово-экономических отношений белорусских субъектов хозяйствования с кубинскими партнерами является фактор времени. В ближайшем будущем имеющиеся ниши растущего кубинского рынка могут быть заняты нашими конкурентами.

При изучении состояния белорусско-кубинских отношений достойное место должны занять и гуманитарные вопросы в широком смысле этого слова, в первую очередь через человеческие контакты и связи. Чрезвычайный и Полномочный Посол Кубы в Беларуси до 2018 г. Х. Суарес Альварес отметил: «Что касается сферы культуры и искусства, я считаю, нам еще нужно пройти длинный путь, чтобы восстановить наши традиционные отношения и компенсировать упущенное» [4, с. 21]. О каких традициях идет речь? Естественно, о традициях советского периода. К примеру, в сфере образования с 1961 по 1991 г. осуществлялись подготовка квалифицированных кадров для народного хозяйства Кубы в учреждениях образования Беларуси, обучение и стажировка в нашей стране кубинских специалистов по различным отраслям (электроника, энергетика, экономика, строительство, газовое хозяйство, гуманитарная сфера), направление преподавателей на долгосрочную педагогическую работу в учебных заведениях Кубы, командирование переводчиков, межвузовские связи.

По данным К. Андриевского, за советский период для Кубы было подготовлено 989 специалистов: белорусские вузы окончили 475 граждан Кубы, техникумы — 363, аспирантуру — 84, прошли научную стажировку 67 человек. На долгосрочную педагогическую работу, чтение лекций, проведение научных исследований в учебных заведениях Кубы выезжали 188 белорусских преподавателей, в ка-

честве переводчиков — 62 человека [2, с. 92]. Практически все ведущие вузы страны сотрудничали с Камагуэйским университетом Кубы.

После распада СССР в сфере образования ситуация изменилась в худшую сторону: кубинские студенты в Беларуси не обучались, преподаватели перестали ездить на стажировки. Тем не менее, определенные шаги в этом направлении были осуществлены. В рамках работы Белорусско-кубинской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству в 2006 г. было парафировано соглашение между министерствами образования обеих стран о сотрудничестве в области высшего образования [5, с. 67]. В 2016 г. в Гаване и в 2018 г. в Минске состоялись две встречи совместной белорусско-кубинской комиссии по сотрудничеству в области науки и технологий.

Вместе с тем хотелось бы высказать пожелание значительного увеличения количества кубинских студентов и аспирантов в Беларуси, как это было в советское время. К кубинским, как и к другим зарубежным соискателям ученых степеней и званий не следует предъявлять такие жесткие требования при подготовке диссертаций, как к белорусским участникам научного процесса, тем более, что сейчас в Беларуси он переведен на коммерческую основу [24, с. 28].

Важным элементом развития научных связей могло бы быть активное участие представителей Беларуси в проводимых на Кубе международных конференциях, посвященных актуальным проблемам современного общества. Необходимо, чтобы белорусские ученые имели возможность знакомить кубинскую и международную научную общественность со своими взглядами на мировые проблемы, используя предлагаемые Кубой дискуссионные площадки. Посольство Кубы проделало большую работу по ознакомлению белорусских школьников и студентов с историей, экономикой и политикой своего государства. Были постоянными встречи Х. Суареса Альвареса со студентами факультета международных отношений БГУ, школьниками республики. В 2014 г. в 91-й школе Минска был открыт памятник национальному герою Кубы Хосе Марти. Школа стала настоящим центром пропаганды знаний о Кубе [4, с. 21].

В 1997 г. поднимался вопрос об оздоровлении на Кубе белорусских детей (до этого белорусские дети были там в 1990 г.), пострадавших от последствий аварии на ЧАЭС. Белорусский исследователь Е. Милашевич подсчитала, что Куба оказала помощь детям и пострадавшим лицам, приняв более 20 тыс. человек на бесплатное лечение в специальных клиниках под Гаваной [16, с. 60]. Однако впоследствии из-за высокой стоимости транспортных расходов, трудностей с адаптацией и реадаптацией к климатическим условиям предложение кубинской стороны было решено отклонить.

Две страны оказывали друг другу гуманитарную помощь после природных бедствий. Так, Куба отправила нам партию медикаментов после урагана 1997 г. Беларусь, в свою очередь, оказала финансовую помощь Кубе после тропического урагана 2002 г. [1, с. 92].

Развиваются и культурные связи между нашими странами. Было подписано соглашение о сотрудничестве в области культуры и искусства. Однако контакты в данной области были также затруднены по финансовым причинам. Организация гастролей творческих коллективов и прочие мероприятия подобного характера в связи с географической удаленностью стран требовали значительных валютных расходов, что затрудняло их осуществление. Помимо этого, белорусская культура на Кубе малоизвестна, что ставило целесообразность любых коммерческих гастролей под сомнение.

В 2001 г. на Кубе в рамках работы 105-й конференции Межпарламентского союза находился руководитель Союза писателей Беларуси Н. Чергинец. На его встрече с председателем Союза писателей и артистов Кубы было подписано соглашение о культурном сотрудничестве между союзами писателей двух стран. В том же году Кубу посетил народный художник Беларуси, академик Г. Поплавский. В феврале 2007 г. в нашей стране находились делегаты Федерации кубинских женщин, которые провели встречи с послом Кубы в Беларуси, а также с членами рабочей группы Национального собрания Беларуси по сотрудничеству с парламентом Кубы. Как было заявлено, основной задачей являлось развитие и укрепление отношений между женскими федерациями двух стран [1, с. 93].

Рассматривая содержание культурного обмена между двумя странами Х. Суарес Альварес отмечал, что были предприняты некоторые шаги в области литературного обмена: участие в книжных ярмарках, выставках и других мероприятиях. Особо была отмечена художественная выставка «Мое имя — Куба», которая проходила в феврале 2015 г. в Музее истории города Минска. Среди других картин там были представлены художественные работы Г. Поплавского, несколько раз посещавшего Кубу. На открытии выставки выступили белорусские классики — художник Г. Поплавский, скульптор И. Миско и композитор И. Лученок, который также неоднократно посещал Кубу [4, с. 21].

Еще в 1986 г. в Минске увидела свет антология кубинской поэзии на белорусском языке — «Тытунёвая кветка» (составитель К. Шерман, среди переводчиков народный поэт Беларуси М. Танк, который перевел три стихотворения А. Элисео: «Донна Берта идет снова с цветами своими», «Ночь», «Теплый хлеб». В Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства хранятся автографы переводов).

В «Тытунёвую ветку» вошли и другие переводы М. Танка. У кубинского поэта М. Барнета белорусский мастер выбрал следующие произведения: «Есть люди», «Родина», «Революция», «Стол накрыт», «Тула». Кстати, все автографы без даты, за исключением автографа перевода стихотворения «Тула», над которым М. Танк работал в августе 1982 г. на Нарочи. Автографы переводов трех стихотворений поэтессы Н. Морехон все отмечены датой и местом работы: «Нарочь, август 1982 г.»: стихотворения «Негритянка», «Впечатления», «Размышления в полдень о тех, кто погиб на Плайя Хирон» [14, с. 221–222].

Было заключено соглашение о сотрудничестве между союзами журналистов Беларуси и Кубы, а также между Союзом писателей Беларуси и аналогичной кубинской организацией. Однако географическая отдаленность и ограниченные финансовые возможности остаются основными препятствиями для более активных контактов на протяжении последних десятилетий. Проект соглашения между министерствами культуры Республики Беларусь и Кубы пока находится на рассмотрении. Принятие и подписание данного документа послужит стимулом усовершенствования и обогащения культурных отношений, которые также представляют исключительную важность для наших народов в современных условиях и требуют поиска новых механизмов их реализации [14, с. 221].

В рамках гуманитарного сотрудничества необходимо обратить внимание еще на один аспект, который не исследуется аналитиками двух стран. Речь идет о белорусах, проживающих на Кубе, и о кубинцах в Беларуси. Считается, что на Кубе проживают 50 белорусов, в основном женщины, жены кубинцев, обучавшихся в СССР. Они лишь один раз в 5 лет

могут по льготным ценам приобрести билет для поездки в Беларусь. Но для них на Кубе отсутствует информация о том, что происходит на их исторической родине. У каждого из кубинцев в Беларуси своя судьба. К примеру, Ф. Карбо Эрнандес, поступил в Минское военное училище, встретил здесь любовь и принял белорусское гражданство [21, 2012, 24 июня]. Другой кубинец, Х. Эстрада, поехал в белорусскую глубинку по предложению белорусского посольства, получил работу механизатором и жилье. Инженер из Гаваны с семьей переехал жить в Гродненскую область. Здесь иностранному специалисту предоставили жилье и работу, помогли обзавестись хозяйством [21, 2013, 17 апр.].

Интересна еще одна история. Гастролируя по Беларуси с концертами, артисты с Острова Свободы Барбара и Эдуардо Санчес решили остаться на постоянное место жительства в д. Волошево Слуцкого района. Полгода назад артисты приобрели в деревне дом. Сначала к яркой семейной паре местные отнеслись настороженно, но потом настолько полюбили, что начинают скучать, когда артисты уезжали ненадолго. Кубинские звезды, в свою очередь, все свои планы связывают именно с этой деревушкой, которая стала для них настоящим домом [21, 2016, 13 апр.].

Приведенные примеры показывают, что между Беларусью и Кубой есть аспект отношений, который нельзя измерить ни политическими, ни экономическими категориями. Очевидна важность расширения и укрепления связей в гуманитарной области, формирования в кубинском и белорусском обществе представлений о двух странах как о дружественных государствах, готовых поддержать друг друга в стремлении к строительству экономически развитых и процветающих обществ.

Список использованных источников

1. Андриевский, К. П. Белорусско-кубинские связи (1992–2007 гг.) / К. П. Андриевский // Латинская Америка. — 2009. — № 12. — С. 85–95.
2. Андриевский, К. П. Торговые отношения Республики Беларусь со странами Латинской Америки (1992–2008) / К. П. Андриевский // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2010. — № 2. — С. 50–57.
3. Беларусь заинтересована при содействии Кубы развивать отношения со странами Латинской Америки и Карибского бассейна [Электронный ресурс] // Белтелерадиокомпания. — 19.10.2017. — Режим доступа: <https://www.tvr.by/news/prezident/belarus_zainteresovana_pri_sodeystvii_kuby_razvivat_otnosheniya_so_stranami_latinskoy_ameriki_i_kari_2010/>. — Дата доступа: 12.12.2017.
4. Беларусь и Куба: работать с пользой друг для друга // Беларус. думка. — 2015. — № 3. — С. 19–23.
5. Беларусь — Куба // Вестн. МИД Респ. Беларусь. — 2006. — № 4. — С. 66–67.
6. Візіт парламенцкай дэлегацыі Кубы ў Беларусь // Там жа. — С. 10–11.
7. Внешние экономические связи Республики Беларусь в 1994 г.: стат. сб. — Минск, 1995. — 82 с.
8. Внешняя политика Республики Беларусь в 2000-е годы. — Минск: БГУ, 2010. — 84 с.
9. Выступление Президента Республики Беларусь на XIV Саммите участников Движения неприсоединения // Вестн. МИД Респ. Беларусь. — 2006. — № 3. — С. 18–20.
10. Знешняя палітыка Беларусі (1996–2000 гг.): зб. дак. і матэрыялаў. — Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2008. — 639 с.
11. Какую страну оставил кубинцам Фидель Кастро? // Народная воля. — 2017. — 17 марта.
12. Кононович, Е. Viva Cuba! / Е. Кононович // СБ — Беларусь сегодня. — 2016. — 24
13. Куба накануне смены поколений. — М.: ИЛА РАН, 2017. — 130 с.
14. Ладутька, К. Максим Танк и Куба / К. Ладутька // Неман. — 2014. — № 2. — С. 220–223.
15. Ларионов, Д. Движение неприсоединения и Латинская Америка (социальный аспект) / Д. Ларионов // Вопросы внешней политики Республики Беларусь: сб. ст. — Минск: БГУ, 2001. — С. 9–14.
16. Милашевич, Е. А. Экспорт медицинских услуг Беларуси: тенденции развития и направления стимулирования / Е. А. Милашевич. — Минск: Беларус. навука, 2017. — 195 с.

17. Официальный визит Министра иностранных дел Республики Беларусь И. И. Антоновича в Республику Куба // Вестн. МИД Респ. Беларусь. — 1997. — № 2. — С. 23.
18. Официальный визит Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в Республику Куба // Там же. — 2000. — № 3. — С. 18—21.
19. Полуян, И. И. Состояние и перспективы белорусско-кубинских отношений / И. И. Полуян // Проблемы управления. — 2008. — № 1. — 58—60.
20. Супрацоўніцтва на карысць абодвух народаў // Вестн. МИД Респ. Беларусь. — 2003. — № 1. — С. 64—66.
21. Текущий архив Посольства Республики Куба в Республике Беларусь. — 2012—2017.
22. Тихомиров, А. В. Внешняя политика Республики Беларусь в 1991—2011 гг. / А. В. Тихомиров. — Минск: Право и экономика, 2014. — 278 с.
23. Харламенко, А. В. Фидель Кастро и его время (по материалам «круглого стола») / А. В. Харламенко // Латинская Америка. — 2017. — № 5. — С. 6—21.
24. Челядинский, А. А. Четверть века кубинской революции / А. А. Челядинский. — Минск: Знание, 1983. — 16 с.
25. Челядинский, А. А. Информационно-аналитическая политика Республики Беларусь в Латинской Америке: проблемы становления / А. А. Челядинский // Сотрудничество и интеграция в многополярном мире: опыт Беларуси и государств Латинской Америки: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12 мая 2015 г. — Минск: Право и экономика, 2015. — С. 28—30.

Статья поступила в редакцию в июне 2018 г.

УДЗЕЛ МАКСІМА ТАНКА ў РАБОЦЕ ДЭЛЕГАЦЫІ БССР НА СЕСІЯХ ГЕНЕРАЛЬНАЙ АСАМБЛЕІ ААН (1960—1962 гг.)

Ігар Аўласенка

Мэта артыкула — раскрыць ролю паэта Максіма Танка ў рабоце дэлегацыі БССР на XV і XVII сесіях Генеральнай Асамблеі ААН (1960—1962 гг.). У даследванні былі выкарыстаны тэксты афіцыйных прамой паэта, дакументы асабістага паходжання (дзённікавыя запісы, лісты), творчая спадчына (вершы, нарысы, артыкулы, напісаныя пад час ці адразу пасля паездкі ў ЗША), а таксама мемуары тых людзей, якія суправаджалі паэта ў падарожжах. Зроблена выснова пра тое, што выкананне афіцыйных дыпламатычных абавязкаў накладвала пэўныя абмежаванні на свабоду выказвання творчай думкі паэта. Разам з тым, дзякуючы высокаму рытарычнаму майстэрству, Максім Танк стаў адным з найбольш славутых прадстаўнікоў БССР у ААН. Кіраўніцтва рэспублікі імкнулася ўключаць пісьменнікаў у склад дэлегацыі, бо эмацыянальныя прамовы літаратараў павышалі ўвагу да беларускай дэлегацыі.

Ключавыя словы: Арганізацыя Аб'яднаных Нацый; Беларуская ССР; Генеральная Асамблея; дыпламатыя; літаратурная творчасць; «халодная вайна».

«Participation of Maxim Tank in the Activities of the Byelorussian SSR Delegation at the UN General Assembly (1960—1962)» (Ihar Aulasenka)

The purpose of the article is to reveal the role of the poet Maxim Tank in the activities of the Byelorussian SSR delegation at the UN General Assembly (1960—1962). The study is based on the wide range of sources: the texts of official speeches, personal origin documents (notes from diary, letters), the items of his literary heritage (poems, essays and articles that were written during or immediately after a trip to the United States), as well as memoirs of people who accompanied him during the trips. It is concluded that official diplomatic duties set up some restrictions on the freedom of thought expression for the poet. However, due to the high rhetorical skills, M. Tank has become one of the most prominent representatives of the Byelorussian SSR. The republic's leadership sought to include poets and writers in the delegations on the reason that their emotional speeches often raised attention to the BSSR delegation.

Keywords: Byelorussian SSR; Cold War; diplomacy; General Assembly; literary activity; United Nations.

Author:

Aulasenka Ihar — Candidate of History, Associate Professor of the Department of Diplomatic and Consular Service of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: AvlasenkIM@bsu.by
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

У савецкі час беларускія літаратары неаднаразова прымалі ўдзел у пасяджэннях Генеральнай Асамблеі ААН. Сярод іх можна назваць М. Лынькова, П. Панчанку, А. Куляшова і многіх іншых. Большасць з пісьменнікаў былі запрошаны ў склад афіцыйных дэлегацый БССР толькі адзін раз, але некаторым з іх давялося прадстаўляць БССР на міжнародным форуме неаднойчы. Так, напрыклад, беларускі паэт Яўген Іванавіч Скурко (Максім Танк) браў удзел у дзвюх сесіях Генеральнай Асамблеі ААН і наведаў Злучаныя Штаты тры разы — у 1960—1962 гг. Прымаючы за ўвагу афіцыйны

характар дыпламатычнай дзейнасці кожнага члена дэлегацыі БССР у Нью-Ёрку, паўстае пытанне аб ролі, якую адыгрывалі пісьменнікі ў яе складзе.

Удзел Максіма Танка ў рабоце сесій Генеральнай Асамблеі ААН у беларускай гістарыяграфіі падрабязна не асветлены. Асобныя згадкі ёсць толькі ў работах гісторыкаў, якія займаюцца праблемай дзейнасці БССР у ААН (У. Е. Снапкоўскага, С. Ф. Свілас), і літаратуразнаўцаў, якія даследуюць жыццёвы і творчы шлях паэта (В. П. Рагойшы, М. У. Мікуліча, А. М. Карлюкевіча) [6;

Аўтар:

Аўласенка Ігар Міхайлавіч — кандыдат гістарычных навук, дацент кафедры дыпламатычнай і консульскай службы факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, e-mail: AvlasenkIM@bsu.by
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Адрас: 4, пр. Незалежнасці, Мінск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рэцэнзенты:

Свілас Святлана Францаўна — кандыдат гістарычных навук, дацент кафедры міжнародных адносін факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Гурын Аляксандр Валер'евіч — кандыдат гістарычных навук, дацент, намеснік дэкана факультэта інавацыйнай падрыхтоўкі Інстытута кіраўніцкіх кадраў Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь

8—10; 12]. Акрамя таго, роля Максіма Танка ў развіцці знешніх культурных сувязей БССР за-
кранаецца ў манаграфіі В. Г. Шадурскага [18],
але прадмет гэтага даследвання ахапіў толькі
стасункі БССР з краінамі Еўропы.

Разам з тым, існуе шырокае кола крыніц,
якія дазваляюць рэканструяваць дыпламатыч-
ную дзейнасць паэта пад час сесій Генеральнай
Асамблеі ААН. Першая група дакументаў —
гэта тэксты яго афіцыйных выступленняў,
змешчаныя ў фондзе № 907 Нацыянальнага
архіва Рэспублікі Беларусь [1—5]. Другая гру-
па — гэта дакументы асабістага паходжання —
дзённікавыя запісы, эпістальярная спадчына
[14; 15]. Трэцюю групу дакументаў складае
творчая спадчына паэта — вершы, нарысы,
артыкулы, напісаныя пад час ці адразу пасля
паездак у ЗША [13; 16, с. 145—148; 17]. Чацвёр-
тая група дакументаў — успаміны людзей, якія
ўдзельнічалі ў сесіях Генеральнай Асамблеі
ААН разам з Максімам Танкам, у прыватнасці
мемуары пастаяннага прадстаўніка БССР пры
ААН В. С. Смірнова [11].

Дзённік паэта як крыніца асабістага па-
ходжання адрозніваецца пэўнай дваістасцю.
З аднаго боку, ён адлюстраванне уражанні паэ-
та, яго цікавыя назіранні і ацэнкі амерыкан-
скай рэчаіснасці. З іншага боку, дзённікавыя
запісы былі пакладзеныя ў аснову афіцыйных
публікацый — артыкулаў «Карабель міру» і «Не-
дыпламатычныя нататкі» [16, с. 145—148; 17].
Гэта дае падставу меркаваць пра пэўную неда-
сказанасць дзённікавых запісаў. Большай шчы-
расцю і інфарматыўнасцю вызначаюцца яго
лісты да жонкі Любаві Андрэеўны Скурко, якія
змяшчаюць цікавыя звесткі пра паўсядзённае
жыццё і побыт дэлегатаў [15, с. 492—562].

Першы візіт Максіма Танка ў ЗША адбыўся
ў верасні—снежні 1960 г. у складзе дэлегацыі
БССР, якая прыбыла ў Злучаныя Штаты
на турбаэлектраходзе «Балтыка» сумесна з
прадстаўнікамі СССР, Украінскай ССР, а так-
сама Балгарыі, Венгрыі, Румыніі [14, с. 34].
На юбілейнай XV сесіі Генеральнай Асамблеі
ААН краіны сацыялістычнага блоку былі
прадстаўлены на вышэйшым узроўні. Дэле-
гацыя СССР узначаліў першы сакратар ЦК
КПСС М. С. Хрушчоў, а беларускую — першы
сакратар ЦК КПБ К. Т. Мазураў. Праз месяц
кіраўнікі дзяржаў пакінулі Нью-Ёрк, і старшы-
нёй дэлегацыі БССР застаўся міністр замеж-
ных спраў К. В. Кісялёў.

Традыцыйна прадстаўнікі афіцыйнай дэле-
гацыі БССР у ААН уздымалі ў сваіх выступ-
леннях наступныя пытанні: праекты міжна-
родных пактаў аб правах чалавека, апар-
тэід у Паўднёва-Афрыканскім Саюзе, прадстаў-
ніцтва Карэйскай Народна-Дэмакратычнай
Рэспублікі ў ААН і шэраг іншых. Афіцыйная
пазіцыя БССР амаль не змянялася ад сесіі да
сесіі, адлюстроўваючы палітычную бараць-
бу ва ўмовах «халоднай вайны» паміж дзяр-
жавамі сацыялістычнага блоку і краінамі За-

хаду. Пасля перыяду некаторага пацяплення
ўзаемаадносін паміж Вашынгтонам і Ма-
скавой у другой палове 1950-х гг. міжнароднае
становішча восенню 1960 г. зноў пачало аб-
важвацца ў выніку інцыдэнту са збітым над
тэрыторыяй СССР амерыканскім самалётам-
разведчыкам U-2. Паказчыкам абвастрэння
супярэчнасцей паміж ЗША і СССР сталі рэзкія
выступленні М. С. Хрушчова на трыбуне Ге-
неральнай Асамблеі ААН. У гэтым жа годзе
дасягнуў кульмінацыі працэс дэкаланізацыі:
17 афрыканскіх калоній атрымалі суверэнітэт.
Змяненне міжнароднага становішча знайш-
ло сваё адлюстраванне і ў выступленнях
прадстаўнікоў БССР.

Пад час XV асенняй сесіі Генеральнай
Асамблеі ААН, у снежні 1960 г., Максім Танк
выступаў двойчы: у першым і трэцім камітэтах.
У сваёй першай прамове (9 снежня 1960 г.) у
трэцім камітэце, дзе разглядаліся пытанні са-
цыяльнага і гуманітарнага характару, беларускі
паэт выказаўся ў падтрымку румынскага праек-
ту рэзалюцыі «Аб мерах па распаўсюджванню
сярод моладзі ідэй міру, узаемнай павагі і
ўзаемаразумення паміж народамі». Значная
частка яго выступлення была прысвечана пра-
блеме фарміравання духоўнага свету моладзі:
«Агульнавядома велізарнае ўздзеянне літа-
ратуры і мастацтва на выхаванне маладога па-
калення. Літаратура, мастацтва, школа не ма-
юць у сваіх руках зброі, але яны выходзяць
чалавека, а ад выхавання шмат залежыць,
што чалавек бярэ ў рукі — зброю ці плуг, па
якой дарозе ён пойдзе» [16, с. 324—325]. У гэ-
тай прамове Максім Танк закрануў і глабаль-
ныя праблемы, для вырашэння якіх патраба-
валася аб'яднанне намаганняў міжнароднай
супольнасці, і звярнуў увагу на ўзрастаючую
пагрозу атамнай вайны: «Упершыню чала-
вецтва павінна задумацца не толькі над горам
і лёсам паасобных людзей, а над лёсам усіх
народаў і жыцця на Зямлі. Быць ці не быць? —
гэта пытанне стаіць перад кожным» [16, с. 327].

Другое выступленне М. Танка на XV сесіі
(13 снежня 1960 г.) адбылося ў пер-
шым камітэце, дзе разглядаліся пытанні
палітычнага характару, і было прысвечана ал-
жырскай праблеме. У сваёй прамове беларускі
паэт асудзіў французскія ўлады і заклікаў
мжнародную супольнасць звярнуць увагу на
Алжыр, прадаставіць яму незалежнасць. «На-
роды патрабуюць пакласці канец рабству,
каланіяльнаму прыгнёту і войнам, — адзначыў
ён у сваім выступленні, — каб рабочы спакойна
мог стаяць ля свайго станка, араты — засяваць
сваю ніву, вучоны — працягваць сваю працу на
карысць людзей, мастак і паэт — ствараць но-
выя творы аб велічы і харакце чалавека, а маці,
схіліўшыся над калыскай, ніколі не праклінаць
горкай сваёй долі і долі сваіх дзяцей» [1, л. 23].
Паэт выказаўся ў падтрымку савецкага праек-
та Дэкларацыі аб прадастаўленні незалежнасці
каланіяльным краінам і народам.

Пад час знаходжання на сесіі Генеральнай Асамблеі ААН беларуская дэлегацыя актыўна сачыла за ходам прэзідэнцкай кампаніі ў ЗША, якая адбылася восенню 1960 г., а асноўная барацьба разгарнулася паміж пераемнікам дзеючага прэзідэнта ЗША Д. Д. Эйзенхаўэра, віцэ-прэзідэнтам Р. Ніксанам і прадстаўніком Дэмакратычнай партыі, сенатарам Дж. Ф. Кенэдзі. Дзякуючы больш упэўненаму выступленню на тэледебатах, Дж. Ф. Кенэдзі ўдалося скараціць першапачатковае адставанне і перамагчы на выбарах у лістападзе 1960 г. У лісце да жонкі (10 лістапада 1960 г.) Максім Танк пісаў: «Апошнія дні ўся Амерыка была ўзбударажана выбарамі прэзідэнта... І хоць мала чым адрозніваюцца кандыдаты ў прэзідэнты адзін ад другога, усе “балелі” за Кенэдзі. Перамога, якую ён атрымаў, з’явілася досыць моцнай аплявухай Эйзенхаўэру і Ніксану за бязглуздную агрэсіўную палітыку, якую яны праводзілі» [15, с. 517]. Прэзідэнцкай кампаніі ў ЗША паэт прысвяціў верш «Выбары прэзідэнта», у якім у саркастычнай манеры апісаў асаблівасці амерыканскай перадвыбарчай кампаніі [13, с. 177–178].

Другі візіт Максіма Танка ў ЗША адбыўся на пачатку сакавіка 1961 г. Паэт быў запрошаны выступіць на вясновай частцы сесіі ў першым камітэце Генеральнай Асамблеі па карэйскім пытанні. Такое запрашэнне было дастакова рэдкім выпадкам, бо звычайна беларускія літаратары прысутнічалі на пасяджэннях восенню. Дэбаты па карэйскім пытанні нязменна адбываліся на сесіях Генеральнай Асамблеі на працягу дзесяці год, таму прамова Максіма Танка ў 1961 г. мала адрознівалася ад папярэдніх выступленняў дэлегатаў ад БССР. Беларускі паэт заклікаў да таго, каб дапусціць прадстаўнікоў Карэйскай Народна-Дэмакратычнай Рэспублікі да ўдзелу ў пасяджэннях Генеральнай Асамблеі Арганізацыі Аб’яднаных Нацый [2, л. 24]. У сваім дзённіку Максім Танк пазначыў, што рыхтаваў яшчэ адну прамову, аднак з-за абмежаванасці часу выступіць не паспеў [14, с. 68].

Цікавы той факт, што выступленне Максіма Танка па карэйскім пытанні супала з першым палётам чалавека ў космас. Адразу пасля прамовы позна вечарам 11 красавіка у Нью-Ёрку (у Маскве была ўжо раніца 12 красавіка) ён пакінуў у дзённіку такі запіс: «Ходзяць чуткі, што Савецкі Саюз вывеў касмічны карабель з чалавекам на арбіту. Вось дык навіна!» [14, с. 67]. На наступны дзень ён працягнуў гэтую думку: «...чуткі спраўдзіліся! Імя касманаўта Ю. Гагарын. Уся Амерыка са здзіўленнем і зайздасцю гаворыць аб яго подзвігу. Купіў жмут газет. У кожнай — партрэт Ю. Гагарына і яго біяграфія... Нат не верыцца, што нам першым выпала шчасце зрабіць такі гіганцкі крок у космас. Ходзім, як імяніннікі, — усе дэлегацыі нас віншуюць» [14, с. 68]. Сын паэта Максім Скурко раскажаў са слоў бацькі, што на на-

ступны дзень пасля палёту Гагарына вартаўнік штаб-кватэры ААН павітаўся з прадстаўнікам савецкай дэлегацыі на рускай мове [7].

Удзел Максіма Танка ў вясновай частцы сесіі Генеральнай Асамблеі ААН супаў і з абвастрэннем сітуацыі вакол Кубы. У красавіку 1961 г. адбылася няўдалая інтэрвенцыя Злучаных Штатаў. Паэт атрымоўваў інфармацыю, галоўным чынам, з амерыканскага тэлебачання і газет, якія прадказвалі хуткі канец рэжыму Ф. Кастра, таму быў істотна занепакоены. Так, у сваім дзённіку (18 красавіка 1961 г.) ён адзначаў: «І так, ЗША пад прыкрыццём флота пачалі агрэсію супраць Кубы. А ў ААН, перад вачамі ўсёй Асамблеі, разыгрываецца фарс, які пагражае перарадзіцца ў новую сусветную бойню. Яшчэ не ясна, як разгортваюцца падзеі, да якіх праз прыкута ўвага ўсяго свету» [14, с. 68]. Але праз два дні, калі няўдача інтэрвенцыі стала відавочнай, Максім Танк напісаў: «На Кубе, здаецца, справы абстаяць не так дрэнна, як аб гэтым пісалі амерыканскія газеты» [14, с. 68].

У трэці раз паэт прыбыў у Злучаныя Штаты праз паўтара гады, у верасні 1962 г., на XVII асеннюю сесію Генеральнай Асамблеі ААН. Цікава адзначыць, што на першыя дні чарговага візіту ў ЗША прыпаў яго ўласны 50-гадовы юбілей (17 верасня). У гонар Максіма Танка быў арганізаваны вечар, на якім прысутнічаў не толькі старшыня беларускай дэлегацыі К. В. Кісялёў, але і кіраўнік Міністэрства замежных спраў СССР А. А. Грамыка [11, с. 65]. Разам з тым, гэтая сесія для Максіма Танка аказалася самай напружанай як з-за больш шчыльнага графіка выступленняў, так і па прычыне абвастрэння міжнароднай сітуацыі пад час Карыбскага крызісу.

У 1962 г. Максім Танк выступаў толькі ў трэцім камітэце Генеральнай Асамблеі ААН. Яго прамовы былі прысвечаныя абмеркаванню сацыяльных і гуманітарных пытанняў. Першыя два выступленні паэта тычыліся праекта Канвенцыі аб шлюбе. Ён раскрытыкаваў прапанову ЗША і Злучанага Каралеўства пра тое, каб дзеянне канвенцыі не распаўсюджвалася на краіны, якія не з’яўляюцца членамі ААН, а таксама падкрэсліў, што праз такую ініцыятыву краіны Захаду «імкнуцца паставіць па-за рамкамі канвенцыі шматлікія краіны, што не ўваходзяць у ААН, насельніцтва якіх налічвае больш за 1 млрд чалавек» [5, л. 112].

Выступленне М. Танка 15 кастрычніка 1962 г. было прысвечана абмеркаванню даклада Эканамічнага і Сацыяльнага Савета ААН. Як і прамовы іншых прадстаўнікоў БССР у розныя гады па гэтым пытанні, яно традыцыйна насіла крытычны характар. Паэт адзначаў, што ў гэтым «зусім не паказаныя дзеянні Савета па кантролю і правярцы выканання рэзалюцый» [3, л. 120]. Пры гэтым у супрацьвагу Максім Танк пералічыў значныя дасягненні ў эканамічным развіцці БССР, падрабязна спыніўся на развіцці адукацыі, пашырэнні пасяўных

плошчаў, масавым будаўніцтве жылля, якія аднёс да заслуг «сацыялістычнага планавання». Адным з цэнтральных пунктаў яго даклада было выступленне ў падтрымку прапанаванай савецкім урадам Дэкларацыі аб пераклучэнні на мірныя патрэбы сродкаў і рэсурсаў, якія вызваліліся ў выніку разбраення [3, л. 126]. Нягледзячы на зададзенасць пазіцыі Максіма Танка і крытычны характар выступлення, яго прамова выклікала шырокі рэзананс сярод прадстаўнікоў іншых дзяржаў. Як адзначыў паэт у сваім дзённіку, яго віншавалі з удалым выступленнем «і нашы, і члены іншых дэлегацый, і нат старшыня камітэта» [14, с. 79].

Апошняя прамова Максіма Танка на XVII сесіі Генеральнай Асамблеі ААН 23 лістапада 1962 г. была прысвечана абмяркаванню даклада Вярхоўнага камісара ААН па справах бежанцаў. Гэты даклад, галоўным чынам, тычыўся праблемы кітайскіх бежанцаў у Ганконгу. Адстойваючы афіцыйную савецкую пазіцыю, паэт выказаў думку, што гэтае пытанне не вартае таго, каб разглядацца трэцім камітэтам, а таксама звярнуў увагу на тое, што Кітайская Народная Рэспубліка дагэтуль не прадстаўлена ў ААН. У гэтай прамове Максіма Танка было шмат іранічных элементаў. Напрыклад, характарызуючы прадстаўнікоў заходніх краін, што працягвалі падтрымліваць рэжым Чан Кайшы, паэт узгадаў верш з кнігі прэзідэнта ЗША Дж. Ф. Кенедзі пра доўгую-доўгую таксу, настрой якой вельмі доўга блукаў ад мозга да хваста, і калі яе вочы ўжо былі сумнымі, хвост яшчэ працягваў радасна віляць [4, л. 145–146].

Рытарычнае майстэрства Максіма Танка праявілася і ў іншых прамовах. Невыпадковым было даручэнне яму пад час XV сесіі двойчы выступіць у першым камітэце Генеральнай Асамблеі: па алжырскаму і карэйскаму пытанню. Гэта было звязана з вопытам удзелу паэта ў нацыянальна-вызваленчай барацьбе ў Заходняй Беларусі, з франтавым мінулым, а таксама з ўменнем выкарыстоўваць самыя разнастайныя моўныя сродкі для дакладнай перадачы сваіх думак і пачуццяў. Пра гэта сведчаць, напрыклад, такія радкі, прысвечаныя нацыянальна-вызваленчай барацьбе афрыканскіх краін: «Заходнія краіны НАТА нясуць адказнасць за ўсе злачынствы на афрыканскім кантыненте, які сапраўды стаў чорным, але не ад колеру людзей, якія яго насяляюць, а ад агню і напалму, бомб і снарадаў, ад крываваых распраў, якія там учыняюць каланізатары» [1, л. 14–15]. На высокае рытарычнае майстэрства беларускага паэта звярнулі ўвагу і амерыканскія журналісты. У газеце «Нью-Ёрк Таймс» быў апублікаваны артыкул «Вайна прыказак», у якім аўтар узгадаў, як Максім Танк, пракаментавашы аб'яцанні Ш. дэ Голя пра тое, што на алжырскую зямлю хутка прыйдзе мір, прывёў старую беларускую прымаўку: «Калі прамову трымае ліса, няхай яе добра абдумаюць пеўні» [14, с. 74].

Пад час XVII сесіі Генеральнай Асамблеі ААН, у кастрычніку 1962 г., адбыўся Карыбскі крызіс. Максім Танк пільна сачыў за падзеямі і фіксаваў свае назіранні ў дзённіку. Яго запісы адлюстроўваюць хваляванне за мірную будучыню: «Што чакае нас заўтра?.. Перад небяспекай вайны ўсе нашыя штодзённыя справы здаюцца малазначнымі і пазбаўленымі сэнсу. Небяспека вайны навісла над чалавецтвам. І як яе пазбыцца?» [14, с. 79–80]. 25–26 кастрычніка Максім Танк прысутнічаў на паседжанні Савета Бяспекі ААН, дзе абмяркоўвалася сітуацыя на Кубе, і быў сведкам вострай палемікі паміж пастаяннымі прадстаўнікамі ЗША і Савецкага Саюза пры ААН. Як сведчаць радкі дзённіка, Максім Танк даволі крытычна ставіўся да афіцыйнай пазіцыі, якую заняў савецкі бок у палеміцы: «Мы гаворым, што на Кубе няма савецкіх ракет. А Стывенсан у ААН выставіў іх здымкі, якія былі больш пераканаўчым аргументам, як аргументы Зорына, які прырэчыў гэтаму. Прызнацца, прыкра нам было слухаць гэты паядынак і, згодна з указаннем, пераконваць іншых, што сапраўды на Кубе няма ніякіх ракет» [14, с. 80]. Аб непрыняцці паэтам прымусовай адзінагалоснасці сведчыць і такі запіс: «На апошняй нарадзе выказаўся крытычна аб выступленні намесніка Т. Мікалаевай Астроўскага (прадстаўнікі дэлегацыі СССР. — І. А.). І сёння яна ўжо занепакоілася і дала мне зразумець, што гэта нельга рабіць, бо ён — член саюзнай дэлегацыі і г. д. Відаць, у нас нельга рабіць ніякіх заўваг» [14, с. 81].

Пад час знаходжання на сесіях Генеральнай Асамблеі ААН паралельна з выкананнем дыпламатычных абавязкаў Максім Танк працягваў займацца творчасцю. Пра гэта сведчаць старонкі дзённіка і лісты да жонкі. Яшчэ на борце электратурбахода «Балтыка» ў 1960 г. паэт пакінуў такі запіс: «Я гляджу на мора і думаю: а ці ўдасца вылавіць якую тэму? Столькі тут рыбачыла нашага брата! Толькі з Беларусі за апошнія гады не раз пабывалі тут Лынькоў, Глебка, Броўка, Панчанка... І хіба пасля іх тут магло што астацца? Але мора ёсць мора... І я з надзеяй углядаюся ў яго далечынь» [14, с. 36]. Інтэнсіўнасць літаратурнай дзейнасці залежала ад напружанасці графіка ўдзельніка паседжанняў Генеральнай Асамблеі ААН. Пад час першых дзвюх паездак — у 1960 і 1961 гг. — вольнага часу ў Максіма Танка было значна больш. У 1962 г. часу на творчую дзейнасць заставалася нашмат менш. Тым не менш, нават у такіх умовах Максім Танк паспяваў накідаць вершы і пасылаць сваёй жонцы па пошце. У лісце да Л. А. Скурко (ад 5 лістапада 1962 г.) паэт паведаміў, што за паўтара месяцы знаходжання ў ЗША адаслаў дадому ўжо 11 вершаў [15, с. 551]. А праз некалькі дзён у чарговым лісце, наадварот, ён паскрадзіўся, што «няма калі падумаць аб вершах» [15, с. 554].

Творы, напісаныя Максімам Танкам пад час падарожжаў у ЗША, увайшлі ў зборнікі «Мой хлеб надзённы» (1962 г.) і «Глыток

вады» (1964 г.). У іх пераважалі матывы тугі па Радзіме (вершы «Лістапад на чужыне», «У цэнтральным парку», «***Калі пакідаеш Радзіму...»), а таксама крытыка амерыканскага палітычнага ладу і сацыяльных парадкаў (вершы «Ля Статуі Свабоды», «***Сонца, якое ты бачыш...», «Уол-Стрыт»). Пры гэтым, у адрозненні, напрыклад, ад вершаў амерыканскага цыклу Пімена Панчанкі, у творах Максіма Танка менш прасочваецца прымірэнчая, пацыфістская тэматыка.

Дакументы асабістага паходжання сведчаць пра тое, што Злучаныя Штаты пакінулі ў паэта супярэчлівае ўражанне. З аднаго боку, Максім Танк адзначаў станоўчыя бакі амерыканскага ладу жыцця. «Я часта дзіўлюся, як тут умеюць абслугоўваць, — пазначыў ён у дзённіку. — Аднойчы зайшоў у магазін прыцаніцца, колькі каштуе нейкая куртка, а потым, праз месяц, зноў зайшоў, мяне адразу пазналі. І гэта я наглядаў шмат дзе» [14, с. 85]. З другога боку, паэта не пакінула раўнадушным назіранне высокай матэрыяльнай і сацыяльнай няроўнасці, агрэсіўнай рэкламы. Блізкае знаёмства з рознымі бакамі амерыканскай сацыяльнай рэчаіснасці натхніла яго на напісанне наступных радкоў у кастрычніку 1962 г.:

*Колькі ног, якія мараць
Пра абутак самы модны,
Колькі плеч, якія хочуць
Грэцца ў футрах, аксамітах,
Колькі рук мець хоча скарбы,
Залатыя бранзалеты,
І як мала галоў бачыў,
Каб шукалі ў свеце праўды* [13, с. 324].

Цікава, што апошні верш не быў апублікаваны пры жыцці паэта, а ўпершыню пабачыў свет толькі ў 2002 г.

Такім чынам, прыклад дыпламатычнай дзейнасці Максіма Танка на сесіях Генераль-

най Асамблеі ААН у 1960—1962 гг. паказвае, што, дзякуючы высокаму рытарычнаму майстэрству, эмацыянальнай зараджанасці выступленняў, пісьменнікі былі найбольш яскравымі прадстаўнікамі афіцыйнай дэлегацыі БССР на сесіях Генеральнай Асамблеі ААН. Эмацыянальныя прамовы літаратараў гучалі больш пераканаўча і павышалі ўвагу да беларускай дэлегацыі. Літаратурнае майстэрства Максіма Танка асабліва выразна праявілася ў выступленнях, прысвечаных вострым палітычным пытанням. Тэксты выступленняў і вершы Максіма Танка гэтага перыяду характарызуюцца палемічнасцю, рэзкай рыторыкай. Гэта абумоўлена як асаблівасцямі літаратурнага стылю і асабістым жыццёвым вопытам паэта (удзелам у нацыянальна-вызваленчай барацьбе ў Заходняй Беларусі і франтавым мінулым у гады Вялікай Айчыннай вайны), так і вострымі тых міжнародных праблем, якія прыпалі на час правядзення XV і XVII сесій Генеральнай Асамблеі ААН — моцнага руху дэкаланізацыі, а таксама росту напружанасці савецка-амерыканскіх адносін, якая дасягнула кульмінацыі ў час Карыбскага крызісу.

Афіцыйныя дыпламатычныя абавязкі, а таксама абвастрэнне міжнароднай сітуацыі накладвалі адбітак на літаратурны стыль Максіма Танка і абмяжоўвалі свабоду выказвання творчай думкі. Дзённікавыя запісы Максіма Танка сведчаць пра тое, што ён не заўсёды падзяляў афіцыйную савецкую пазіцыю і часам крытычна ставіўся да неабходнасці праяўляць адзінадушша з прадстаўнікамі іншых савецкіх рэспублік. Разам з тым, нягледзячы на адзначаныя абмежаванні, падарожжы ў Злучаныя Штаты ўзбагацілі светапогляд паэта і сталі крыніцай яго новых творчых здабыткаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Выступление Е. И. Скурко в первом комитете XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН по алжирскому вопросу (13 дек. 1960 г.) // Выступления представителей Белорусской ССР на заседаниях 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (5 окт. — 17 дек. 1962 г.) // Нац. архив Респ. Беларусь. — Ф. 907. — Оп. 1. — Д. 433. — Л. 13—23.
2. Выступление Е. И. Скурко в первом комитете XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН по корейскому вопросу (11 апр. 1961 г.) // Выступления представителей Белорусской ССР на заседаниях 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (19 сент. 1960 г. — 11 апр. 1961 г.). // Там же. — Л. 24—26.
3. Выступление Е. И. Скурко в III Комитете по вопросу «Доклад Экономического и Социального Совета» (15 окт. 1962 г.) // Выступления представителей Белорусской ССР на заседаниях 15-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (5 окт. — 17 дек. 1962 г.) // Там же. — Д. 583. — Л. 119—128.
4. Выступление Е. И. Скурко в III Комитете по докладу Верховного комиссара ООН по делам беженцев (23 нояб. 1962 г.) // Там же. — Л. 142—146.
5. Выступление Е. И. Скурко в III Комитете XVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН по колониальной статье Конвенции о браке (5 окт. 1962 г.) // Там же. — Л. 112—116.
6. Карлюкевич, А. М. Максим Танк и Куба / А. М. Карлюкевич // Нарачанская зара. — 07.08.2012. — Режим доступа: <<http://narachanka.by/?p=14146>>. — Дата доступа: 20.03.2018.
7. Лашкевич, К. Король преферанса, спикер парламента и поэт-классик. Максим Танк без глянца / К. Лашкевич // TUT.by: белорусский портал. — 17.09.2017. — Режим доступа: <<https://news.tut.by/culture/560526.html>>. — Дата доступа: 20.03.2018.
8. Мікуліч, М. У. Максім Танк: талент, заручаны з небам / М. У. Мікуліч. — Мінск: ЛіМ, 2012. — 332, [2] с., [24] л. іл.
9. Рагойша, В. П. Паэтыка Максіма Танка / В. П. Рагойша. — Мінск: Выд. БДУ, 1968. — 228 с.
10. Свилас, С. Ф. Деятельность Белорусской ССР в ЮНЕСКО (1954—1964 гг.) / С. Ф. Свилас. — Минск: БГУ, 2013. — 463 с.
11. Смирнов, В. С. Беларусь в Совбезе ООН: воспоминания белорусского посла / В. С. Смирнов // Беларус. думка. — 2011. — № 1. — С. 64—71.

12. Снапковский, В. Е. Белорусская ССР в ООН (1945—1985 гг.) / В. Е. Снапковский; под ред. С. Д. Войтовича. — Минск: Наука и техника, 1985. — 104 с.
13. Танк, М. Збор твораў. У 13 т. Т. 3: Вершы (1954—1964) / М. Танк; рэд. тома В. П. Рагойша. — Мінск: Бел. навука, 2007. — 446, [1] с., [2] л. іл.
14. Танк, М. Збор твораў. У 13 т. Т. 10: Дзённікі (1960—1994) / М. Танк; укл.: У. І. Мархель, С. У. Калядка. — Мінск: Бел. навука, 2010. — 917, [2] с., [2] л. іл.
15. Танк, М. Збор твораў. У 13 т. Т. 12: Лісты / Максім Танк; укл.: У. І. Мархель, С. У. Калядка. — Мінск: Бел. навука, 2011. — 941, [1] с.
16. Танк, М. Збор твораў. У 13 т. Т. 13: Публіцыстыка / М. Танк; укл.: У. І. Мархель, С. У. Калядка. — Мінск: Бел. навука, 2012. — 969, [1] с., [1] л. іл.
17. Танк, М. Недыпламатычныя нататкі / М. Танк // Палымя. — 1961. — № 3. — С. 123—141.
18. Шадурский, В. Г. Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945—1990-е гг.) / В. Г. Шадурский. — Минск: БГУ, 2000. — 285 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю ў чэрвені 2018 г.

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ В XXI в.

Бао Ин

В статье рассматривается процесс повышения статуса сотрудничества в гуманитарной сфере в китайско-российских отношениях в 2000—2018 гг. Это сотрудничество уже стало новым фокусом китайско-российского стратегического партнерства. В статье выделено несколько этапов развития сотрудничества между Китаем и Россией в гуманитарной сфере в XXI в. Первый этап связан с подписанием на государственном уровне Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. Второй этап начался после того, как Пекин стал придавать особое значение понятию «мягкая сила» в своей внешней политике. Третий этап китайско-российского сотрудничества в гуманитарной сфере связан с выдвинутой Пекином инициативой по созданию Экономического пояса Шелкового пути «Один пояс, один путь». В начале XXI в. в китайской внешней политике особое внимание стало уделяться отношениям с соседними государствами. Проводимая Пекином политика добрососедства призвана, с одной стороны, обеспечить китайскую экономику рынками сбыта и источниками сырья, а с другой — микшировать опасения соседних стран перед лицом быстрого роста китайской экономической и военной мощи. В этом отношении незаменимую роль играет гуманитарное сотрудничество, которое постепенно занимает все более важное место во внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии Пекина. На этом же фоне гуманитарное сотрудничество получает широкие возможности и будет привносить дополнительную энергию в углубление политического и экономического сотрудничества между двумя странами.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество; Китай; китайско-российские отношения; культурные обмены; Россия.

«Increase of the Cooperation Level in Human and Social Spheres in Sino-Russian Relations in the 21st Century» (Bao Ying)

The article is devoted to the analysis of the increase of communication and cooperation in human and social spheres in Sino-Russian relations between 2000 and 2018, which has become a new spotlight of the Sino-Russian strategic partnership and has shown a good example of cultural inclusion and dialogue. There are several stages of its development, including the first phase associated with the signing of the «Treaty of Good-Neighborliness and Friendly Cooperation Between the People's Republic of China and the Russian Federation», the second phase associated with the new emphasis on «Soft Power» instruments in Beijing foreign policy, the third phase started after Beijing put forward initiative «One belt, One road». In the beginning of the 21st century, the relations with neighboring countries received a special attention in the Chinese foreign policy. Beijing conducted Good Neighborhood Policy in order to provide the Chinese economy with markets and sources of raw materials, on one side, and to neutralise the concerns of the neighboring states associated with the rapid growth of the Chinese economic and military power. In this regard, the humanitarian cooperation plays an indispensable role, and gradually and persistently occupies more and more important place in Beijing's external economic and political strategy. In this case, there is much can be done in humanitarian cooperation and it will introduce additional energy into the enhancing political and economic cooperation between the two countries.

Keywords: China; cultural exchanges; humanitarian cooperation; Russia; Sino-Russian relations.

Author:

Bao Ying — post-graduate student of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: sarenqiqige_ying@yeah.net
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Автор:

Бао Ин — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: sarenqiqige_ying@yeah.net
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Селиванов Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, заместитель декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Володькин Андрей Александрович — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра истории геополитики Национальной академии наук Беларуси

Китайско-российское гуманитарное сотрудничество интенсивно развивается на постоянной договорной основе. Наиболее сильные стимулы данное направление стратегического партнерства между странами получило в период с 2000 по 2018 г., что объясняется активной внешнеполитической позицией руководства КНР. В данной статье предпринята попытка провести комплексный анализ закономерностей, этапов и основных итогов развития сотрудничества в гуманитарной сфере между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в 2000—2018 гг. в целях определения места и роли гуманитарного сотрудничества в двусторонних отношениях, а также выявления причин повышения его уровня.

Научное осмысление проблемы гуманитарных связей отражено в большом количестве исследований, но монографий по данной теме на современном этапе мало. Особо следует отметить монографию «Чжун-э жэньвэнь хэцзо лиши юй сяньши» (История и практика гуманитарного сотрудничества между Китаем и Россией), которая в 2013 г. была издана в Китае и до сих пор представляет собой единственную научную работу по комплексному исследованию гуманитарного сотрудничества между Китаем и Россией, в которой изложен анализ гуманитарного сотрудничества в девяти сферах, в частности в сфере литературы, образования, СМИ и пр. [6]. Следует выделить и труды Ли Мэнлуна, в которых подробно изучены аспекты деятельности двустороннего сотрудничества в сферах образования, научного обмена и культурных связей [14]. Отдельные аспекты основы, тенденций и перспектив гуманитарного сотрудничества между двумя странами исследованы в трудах А. Р. Аликберовой [1], Ю. М. Галеновича [5], В. Л. Лариной [13], К. Г. Муратшиной [21], И. А. Рогачевой [25] А. В. Лукиной [27], Хэ Фанчуаня [31], Цзи Чжие и Фэн Юйцзюня [33], Чжао Вэя и Сун Сяогуана [34] и т. д.

В последние десять лет роль сотрудничества в гуманитарной сфере во внешней политике Китая постепенно повышалась. После претворения в жизнь Политики реформ и открытости и особенно с начала XXI в. Китай становится важным участником международных отношений и играет все более активную роль в мировой политике. С точки зрения дипломатической философии «гармоничный мир», мир и развитие по-прежнему являются главными темами нынешней эпохи. Многополярность и экономическая глобализация формируют новые возможности и благоприятные условия развития. По мере ускорения и расширения экономической глобализации гуманитарные обмены между Китаем и другими странами также углублялись беспрецедентными темпами:

— во-первых, экономическая глобализация закладывает основу дальнейшего развития международных обменов в гуманитарной

области, ускоряет обмен информацией во всем мире. Тенденция к многополярности мирового устройства предоставляет условия для обмена и сплетения разных культур. Фактор культуры представляет собой традиционную переменную величину в международных отношениях. История и реальность развития международных отношений доказывают то, что, когда политический и военный факторы занимают ведущее положение в обществе, фактор культуры играет менее важную роль и конфликт превалирует над сплетением, а в иных случаях фактор культуры играет более активную роль и сплетение превалирует над конфликтом. К примеру, в период «холодной войны» взаимодействие между разными культурами характеризовалось в основном противопоставлением и конфликтом. Главная причина этого заключалась в том, что международной политической жизни не хватало демократического воздуха, экономические отношения между странами были слабо взаимосвязанными, отсутствовал координационный механизм укрепления взаимного доверия. Иными словами, развитие мировой политики не соответствовало развитию глобальной экономики. После распада биполярной структуры мир повернул к многополярности, «жесткая сила», как политическая, так и военная, снизила свой удельный вес в международных отношениях, а экономический фактор и «мягкая сила», основой которой является культура, непрерывно повышали свой статус на мировой арене. В связи с этим многополярность мирового устройства создает благоприятные условия для развития международного сотрудничества в гуманитарной сфере;

— во-вторых, экономическая глобализация стимулирует товарное обращение во всем мире, а сами товары обладают свойствами и качествами, производными от образа жизни и ценностных представлений народа той страны, где товар произведен. Глобализация открывает новые перспективы сотрудничества между странами, а также обогащает опыт использования уникальных ресурсов стран в пользу общего развития. Руководство КНР придает большое значение приращению «мягкой силы», желая обеспечить более благоприятный образ своей страны в мире [16, с. 4]. Рост экономической мощи современного Китая способствует повышению его влияния на события в мире и авторитета во внешнем мире. В целях завоевания симпатий без использования «жестких» инструментов — принуждения, военной силы или покупки лояльности путем выдачи крупномасштабных кредитов, Китай стремится ускоренными темпами преодолеть отставание от мировых лидеров в области гуманитарного влияния и повысить свое «мягкое» влияние на мировой арене с помощью продвижения китайской культуры и ценностей. Увеличение потенциала «мягкой силы»

открывает возможности для концентрации усилий, привлечения значительных финансовых ресурсов, выработки скоординированной политики и дифференцированных подходов в выборе средств и методов воздействия на зарубежную аудиторию стран и народов, принадлежащих к различным цивилизационным ареалам [16, с. 5];

— в-третьих, экономическая глобализация приводит к расширению миграции населения по всему миру. Согласно докладу Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН «Международная миграция и развитие», число международных мигрантов достигло 244 млн человек в 2015 г., что на 71 млн, или 41 %, больше, чем в 2000 г. [19, с. 3]. В период с 1990 по 2015 г. численность международных мигрантов в мире увеличилась более чем на 91 млн, или на 60 %, что составляло в 2015 г. примерно 3,3 % мирового населения в сравнении с 2,9 % в 1990 г. [19, с. 4]. Такие мигранты привносят свои национальную культуру и обычаи в страну проживания, что стимулирует взаимодействие цивилизаций и культур. Наряду с этим, мигранты стимулируют экономическое развитие и процветание в стране, куда они переехали и где не хватает рабочей силы (в основном в развитых странах), и в то же время вносят вклад в развитие экономики и искоренение нищеты родных стран, куда они переводят свои трудовые доходы, денежные средства или передовые технологии, которые были получены в странах проживания.

Можно выделить несколько этапов развития сотрудничества между Китаем и Россией в гуманитарной сфере в новом тысячелетии. Первым этапом является подписание на государственном уровне Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [8]. Договор заложил прочную основу взаимодействия двух государств. Благодаря данному договору начиная с 2001 г. до сегодняшнего дня происходило последовательное углубление китайско-российских стратегических и партнерских отношений, в том числе и сотрудничество в гуманитарной сфере, которое уже стало неотъемлемой частью китайско-российского партнерства и стратегического взаимодействия.

Договор, как и китайско-российское сотрудничество в целом, предусматривает два направления развития: международное и двустороннее. Практически полное совпадение взглядов двух стран на международные проблемы — важнейшее условие улучшения двусторонних отношений [17]. В 2000 г. по итогам визита российского президента были подписаны Пекинская декларация и совместное заявление по вопросам противоракетной обороны, ряд документов о сотрудничестве в конкретных областях, а также достигнута дого-

воренность о подготовке и подписании базового двустороннего Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве [25, с. 144]. В том же году была достигнута договоренность о создании Межправительственной комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта. Сформированная в рамках механизма регулярных встреч глав правительств, данная комиссия со своими подкомиссиями занимается углублением сотрудничества по широкому кругу вопросов гуманитарной сферы [27, с. 328].

Положительные политические отношения придают импульс развитию гуманитарных связей, вместе с тем гуманитарные связи способствуют развитию политических отношений. К примеру, в 1935 г. в Китае было создано Китайско-советское культурное общество. В условиях, когда в стране царил гоминьдановская реакция, оно сыграло важную роль: распространяло среди китайского народа сведения об успехах СССР в строительстве социализма, издавало журнал «Культура Китая и СССР», организовывало лекции, выставки советского изобразительного искусства, фотовыставки, демонстрацию советских кинофильмов. Кроме того, большой вклад в развитие советско-китайских культурных связей внесло в 1920—1940-х гг. и Всесоюзное общество культурной связи с заграницей [32, с. 21].

Новый виток развития отношений в гуманитарной сфере начался с принятием Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики, подписанной 27 мая 2003 г., когда по приглашению Президента Российской Федерации В. В. Путина Председатель Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао 26—28 мая 2003 г. посетил Российскую Федерацию с государственным визитом [28]. В документе стороны подтвердили свое стремление к дальнейшему укреплению существующих структур обмена в гуманитарной сфере. Данная встреча способствовала принятию не только стратегических решений, но и конкретных мер по развитию межрегионального сотрудничества на приграничных территориях. С 2003 г. в Приморском крае ежегодно проводится международный кинофестиваль стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Pacific Meridian», в котором участвуют кинематографисты Китая и России. В последующем с 2003 по 2005 г. прослеживалась устойчивая тенденция развития туристического обмена, в котором принимали участие частные компании и организации. Так, только по Хабаровскому краю за шестилетний период — с 2000 по 2005 г. — общее число туристов, посетивших КНР, составило 380 458 человек, в то же время число китайских граждан, посетивших край, — 97 499 человек. Аналогичная картина наблюдалась и в соседних субъектах Российской Федерации. Наиболее

популярными среди россиян стали туры в Тунцзян, Цзямусы, Харбин, отдых в Даляне и Байдахэ [2].

29 октября 2003 г. в Пекине прошло третье заседание Подкомиссии по сотрудничеству в области культуры Китайско-российской комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта, по итогам которого был подписан протокол. Как полагают А. Р. Аликберова, Р. М. Валеев и Р. З. Валеева, проведение Дней культуры России в Китае стало важнейшим культурно-политическим событием в китайско-российском культурном сотрудничестве в 2003 г. [2].

31 октября 2005 г. в Пекине состоялось очередное заседание Китайско-российской комиссии по сотрудничеству в области образования, культуры, здравоохранения и спорта, в ходе которого основное внимание было уделено подготовке и проведению Года России в Китае в 2006 г. 28—29 октября 2005 г. в Пекине было подписано Соглашение между Федеральным агентством по культуре и кинематографии и Министерством культуры Китайской Народной Республики об организации и проведении в 2006 г. в рамках Года России в Китае Фестиваля российской культуры. Значение этого мероприятия подтверждается фактом личного участия в церемонии открытия Года России в Китае Председателя КНР Ху Цзиньтао и Президента России В. В. Путина [2].

Второй этап китайско-российского гуманитарного сотрудничества начался после того, как во внешней политике Пекина стали придавать особое значение понятию «мягкая сила». Понятие «мягкая сила» (англ. *soft power*) было введено в оборот в 1990 г. американским политологом Джозефом Наем (*Joseph S. Nye*). Появление нового термина вызвало большой резонанс среди политического класса и интеллектуальных элит Китая, стало отправной точкой исследований международных отношений и мировой политики, а также опорой важных государственных политических решений. В работе Дж. Ная «*Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*» (*New York: Basic Books*, 1990) было выражено убеждение в том, что при трансформации виртуальных ресурсов «мягкой силы» в реальную воздействующую силу Америка сможет возглавить весь мир. Внешняя культурная политика при ее успешной реализации может служить сильным вспомогательным идеологическим оружием, сопровождающим осуществление общей внешнеполитической стратегии государства в создании прочного фундамента, позволяющего государству не только отстаивать и продвигать свои национальные интересы на мировой арене, но и оказывать непосредственное влияние на различные политические, экономические и социальные процессы в мире [см.: 30, с. 4].

15—21 октября 2007 г. в Пекине был проведен 17-й всекитайский съезд КПК, на котором особо отмечалась важность укрепления культурного строительства и повышения «мягкой силы» национальной культуры. На съезде было выдвинуто новое требование к китайскому культурному строительству, а также подчеркивалось, что культурная «мягкая сила» представляет собой важную часть совокупной мощи государства. В Китае было осуществлено много международных и региональных проектов по развитию «мягкой силы». Наиболее ярким примером в этом отношении стало проведение программ перекрестных годов России в Китае и Китая в России 2006—2007 гг., годов русского языка в Китае и китайского языка в России 2009—2010 гг., годов российского туризма в Китае и китайского туризма в России 2012—2013 гг.

По духу Договора Китай и Россия взаимно дополняют друг друга в политической, экономической, гуманитарной и других сферах. Конечно, китайско-российские отношения не полностью симметричны, но существующие в них асимметрии не порождают иерархичности, когда более сильный партнер навязывает свою волю более слабому. Напротив, в каждом конкретном случае обе стороны ищут взаимоприемлемый баланс интересов, идя на разумные компромиссы и уступки друг другу [10]. В статье «*The Rise of China's Soft Power*» Дж. Най писал о том, что культура представляет собой величайшую «мягкую силу» Китая [37]. В Интернет-пространстве никто не знает точно, каким объемом вооруженных сил владеет страна, но знают, насколько привлекательна ее история. К примеру, выдвинутое председателем КНР Си Цзиньпином в 2012 г. понятие «китайская мечта» проявляет привлекательную силу, главное — чем будет наполнено ее содержание в будущем. Не только правительство разворачивает свою мягкую силу, история народа, страны также способна «очаровывать», и в этом отношении Китай имеет широкие возможности [7].

Высшее руководство Российской Федерации также уделяет большое внимание культурным связям с другими странами, но отношение общества к западному понятию «мягкой силы» в России, которая привыкла традиционно «жестко» решать международные дела и конфликты, было противоречивым [33, с. 242]. Внешняя культурная политика является неотъемлемой составной частью государственной политики России на международной арене [23]. Развитие сотрудничества в культурной и научно-технической сферах России с другими странами представляет собой важный элемент формирования позитивного имиджа государства. Во всех вариантах Концепции внешней политики Российской Федерации, одобренных российским правительством соответственно в 2003, 2008 и 2013 гг., отмечалось, что

развитие культурных обменов является приоритетным направлением внешней политики России.

В 2012 г. в Москве был подписан Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере, разработанный на основе рекомендаций межправительственной российско-китайской комиссии по сотрудничеству в гуманитарной сфере. Согласно этому документу, в области образования с 2012 по 2020 г. в российско-китайском сотрудничестве усиливаются возможности базовых центров по обмену студентами и школьниками, которые действуют в Китае (Харбин, Чанчунь и Далянь). Руководство обеих стран уделяет особое внимание информированию студентов и школьников о достижениях двух государств [20].

В XXI в. с переходом Китая и России к более гибкой внешней политике и устранением влияния идеологических клише стали намечаться условия для достижения взаимопонимания [26, с. 115]. Это привело в итоге к формированию нового культурно-политического направления «стратегического сотрудничества», провозглашающего приоритет не военной силы, а добрососедства, обмена достижениями науки и техники, ценностями культуры на пользу народов России и Китая [26, с. 116].

В настоящее время все более усложняется геополитическая и экономическая ситуация в мире, усиливается борьба за лидерство между крупными державами, переплетаются геополитика и различные факторы развития мировой экономики [15]. В связи с изменившейся после 2013 г. обстановкой в мире гуманитарное сотрудничество между Китаем и Россией становится еще более актуальным.

Третий этап китайско-российского сотрудничества в гуманитарной сфере в XXI в. связан с выдвинутой Пекином инициативой по созданию Экономического пояса Шелкового пути «Один пояс, один путь». Ее обосновал Си Цзиньпин во время визита в Казахстан 7 сентября 2013 г. Эта инициатива открыта для всех стран, международных и региональных организаций, создает значительную инклюзивную платформу для объединения китайской экономики с интересами вовлеченных государств [12]. Первые проекты в рамках данной инициативы уже реализованы и доказали свою эффективность. К примеру, под эгидой Министерства культуры Китая в рамках данной стратегии были созданы механизмы сотрудничества на разных уровнях, образованы платформы обменов и сотрудничества в разных областях. Эффект бренда «Один пояс, один путь» заключался в том, что в странах вдоль пояса и пути была образована культурная индустрия [4]. С 2013 г. эта инициатива непрерывно совершенствуется в соответствии с новыми требованиями.

Благодаря инициативе «Один пояс, один путь» между Китаем и Россией сложились особые отношения. Без активного участия и поддержки России Китай вряд ли достигнет успехов в ее реализации. В этих условиях насыщение содержания отношений всестороннего стратегического взаимодействия и партнерства является главной задачей для дальнейшего развития и углубления дружественных связей двух стран. Президент России В. В. Путин понимает, насколько важны дружественные отношения с Китаем и укрепление «мягкой силы» [36, с. 236].

В начале 2014 г. произошел украинский кризис. Под влиянием западных санкций Россия приступила к поиску экономических и внешнеполитических опор в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Азия, особенно Китай, повысили свое позиционирование и удельный вес во внешней политике России. Москва стремилась не только расширить рынки сбыта, найти источники денежных средств и технологий, но и обеспечить стратегическую опору для России, в том числе и в сфере внешней политики [36, с. 256].

Ускорение развития отношений со странами Азии считается в Москве главным способом нивелирования последствий санкций со стороны Запада. В условиях общих санкций Европы и США в политической, экономической и военной областях В. В. Путин нуждался в моральной поддержке Китая с целью вывести Россию из международной изоляции. Данная ситуация открыла широкие возможности для сотрудничества между Китаем и Россией. По мнению редактора журнала «Россия в глобальной политике» Ф. Лукьянова, Россия планировала повысить свое влияние в международных делах в результате украинского кризиса, но не добилась успеха, а Китай с помощью стратегии «Один пояс, один путь» получил серьезные дивиденды в сравнении с Украиной, Россией, ЕС и США [11].

В июле 2014 г. в ходе саммита БРИКС в бразильском г. Форталеза Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин и Президент России В. В. Путин отмечали, что сотрудничество в гуманитарной сфере должно повысить уровень с обычных дружественных обменов до создания совместных учебных заведений, развития культурной индустрии для повышения «мягкой силы» обеих стран [37].

По данным опроса, проведенного российской негосударственной исследовательской организацией Левада-Центр в октябре 2014 г., Китай стал наиболее дружественной страной в отношении России. Среди опрошенных 19 % заявили, что отношения между Россией и Китаем являются дружественными, 25 % — добрососедскими и 35 % — нормальными [3]. Это заложило прочную основу дальнейшего сотрудничества в гуманитарной сфере и совместного повышения «мягкой силы» обеих стран.

Наиболее интенсивным по количеству мероприятий и новых договоренностей для гуманитарного сотрудничества между Россией и Китаем стал 2015 г., когда отмечалась 20-я годовщина установления отношений стратегического взаимодействия и партнерства между Китаем и Россией. В ходе государственного визита Президента России В. В. Путина в Пекин главы двух стран единодушно согласились прилагать усилия по углублению всесторонних отношений стратегического взаимодействия и партнерства. В 2015 г. страны также отметили пятидесятилетие подписания китайско-российского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, который был рассмотрен и принят высшими законодательными органами обеих стран и стал программным документом для обеспечения долгосрочного развития двусторонних отношений в новом веке [2]. За прошедшие 15 лет Китаю и России удалось выполнить договоренности в гуманитарной сфере. Как отметил заместитель министра образования КНР Лю Лиминь (2010—2016) на форуме «Экономический пояс Шелкового пути и подготовка русистов», проведенном в Китае 15 мая 2015 г., неотъемлемой частью китайско-российского партнерства стратегического взаимодействия стало гуманитарное сотрудничество, которое вместе с политическим доверием и торгово-экономическим сотрудничеством формирует три столпа китайско-российских дружественных отношений [18].

В мае 2015 г. председатель КНР в очередной раз посещал с визитом Россию, Казахстан и Беларусь, в целях проведения стратегических диалогов с лидерами трех стран — членов Евразийского экономического союза и продвижения инициативы Экономического пояса Шелкового пути. Подписание Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве в рамках Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути в мае 2015 г. стало историческим шагом в развитии данной инициативы [35, с. 124]. Можно сказать, что Совместное заявление является достижением раннего периода осуществления инициативы «Один пояс, один путь», которое доказывает особые отношения между Китаем и Россией. На континенте Евразия сформировалось огромное геоэкономическое пространство в рамках инициативы «Один пояс, один путь», а связи между Россией и Китаем стали стабильной стратегической конструкцией для развития регионов вдоль Шелкового пути.

12 сентября 2017 г. в г. Гуанчжоу состоялось 18-е заседание Китайско-российской комиссии по гуманитарному сотрудничеству, по итогам которого стороны подписали Протокол по гуманитарному сотрудничеству. В документе комиссия констатировала удовлетворительные результаты сотрудничества в сферах образования, культуры, здравоохранения, спорта,

туризма, СМИ, архивного дела, молодежных обменов. Совместные мероприятия в данных сферах создали социальную основу развития китайско-российских отношений в целях консолидации концепции «Один пояс, один путь» и российского проекта Евразийского экономического союза [24].

В 2014—2017 гг. в рамках годов дружественных молодежных обменов и годов СМИ было успешно реализовано множество мероприятий, тематика которых охватила различные сферы и области. Кроме того, в 2016—2017 гг. между странами были также сформированы устойчивые механизмы многостороннего сотрудничества в рамках ШОС, БРИКС, инициативы «Один пояс, один путь». Страны принимают регулярное участие в заседаниях министров образования стран — членов ШОС; по инициативе Китая и России в 2017 г. был создан Университет ШОС, Молодежный комитет ШОС, Молодежный лагерь ШОС. По статистике, приведенной в Протоколе комиссии, по состоянию на 2017 г., в России обучались 30 233 китайских студента, в КНР — 17 971 российский учащийся. В рамках двустороннего образовательного обмена около 30 000 человек приняли участие в долгосрочных и краткосрочных образовательных программах. К 2020 г. Россия и Китай планируют расширение масштаба академической мобильности до 100 000 человек [24].

В соответствии с договоренностью, достигнутой Президентом Российской Федерации В. В. Путиным и Председателем КНР Си Цзиньпином в январе 2018 г., 2018 и 2019 гг. объявлены годами китайско-российского межрегионального сотрудничества. Данный проект фактически продолжает практику, которая реализуется с 2006 г., и нацелен на расширение и укрепление взаимовыгодных межрегиональных связей России и Китая. В рамках данного проекта запланированы более 100 совместных мероприятий, в том числе выставки, конференции, фестивали. Более тесное межрегиональное сотрудничество с российской стороны обеспечивает проведение Петербургского международного экономического форума, Восточного экономического форума во Владивостоке, Китайско-российской ЭКСПО [22].

В результате проведенного исследования динамики китайско-российского сотрудничества в гуманитарной сфере можно сделать следующие выводы. По мере существенных достижений в разных сферах статус Китая в международном сообществе повышается, появляется необходимость гуманитарного сотрудничества для расширения круга партнеров, среди которых самым важным является Россия, а также пропаганды китайской культуры и получения поддержки со стороны других народов мира. По мнению Дж. Ная, динамичное развитие в экономической и военной сфе-

рах такой большой страны, как Китай, может вызвать беспокойство в соседних, и привести к объединению с другими странами для сдерживания ее дальнейшего развития [9]. Поэтому «мирное возвышение» Китая было обеспечено на базе реализации политических ценностей, созданных и продвигаемых им в ходе широкого применения «мягкой силы».

В Пекине и Москве осознают, что без взаимопонимания между народами, без роста взаимного доверия сложно продвигать торговлю товарами и услугами, инвестиционное сотрудничество. В этом процессе долгосрочной задачей развития добрососедских и дружественных отношений стало активное осуществление гуманитарного сотрудничества, расширение круга общения, установление контактов между интеллигенцией и молодежью, а

также создание прочного фундамента дружбы между народами двух стран. Для достижения данной цели Китай готовит ориентированные на сотрудничество с Россией русскоговорящие кадры, которые станут важным ресурсом для разрешения возможных проблем между двумя странами в будущем. По сравнению с военным, политическим и экономическим сотрудничеством взаимодействие в гуманитарной сфере играет не такую значительную, но незаменимую роль в двусторонних отношениях. Как в политических, так и в экономических связях средством общения является человек, представитель своей национальной культуры. Таким образом, с помощью неосязаемой силы гуманитарного сотрудничества можно углублять политические и экономические связи между двумя странами.

Список использованных источников

1. Аликберова, А. Р. Российско-китайские отношения в сфере культуры и образования (1990 — 2000-е гг.): дис. ... канд. полит. наук: 07.00.03 / А. Р. Аликберова. — Казань, 2014. — 214 л.
2. Аликберова, А. Р. Современные российско-китайские проекты в области культуры (1997—2007-е гг.) / А. Р. Аликберова, П. М. Валеев, Р. З. Валеева [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «Киберленинка». — Режим доступа: <<https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-rossiysko-kitayskie-proekty-v-oblasti-kultury-1997-2007-e-gg>>. — Дата доступа: 29.09.2018.
3. Внешнеполитические враги и партнеры России [Электронный ресурс] // Левада-центр. — Режим доступа: <<https://www.levada.ru/2014/10/21/vneshnepoliticheskie-vragi-i-partnery-rossii/>>. — Дата доступа: 29.09.2018.
4. Вэньхуабу «И дай и лу» вэньхуа фачжань синдун цзихуа (2016—2020) = План действия Министерства культуры Китая по развитию культуры в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (2016—2020) [Электронный ресурс] // National Development and Reform Commission of China. — Режим доступа: <http://www.ndrc.gov.cn/fzgggz/fzgh/ghwb/gjgh/201707/t20170720_855005.html>. — Дата доступа: 29.09.2018.
5. Галенович, Ю. М. Российско-китайские отношения (конец XIX — начало XXI в.) / Ю. М. Галенович. — М.: Изд-во Ин-та Дальнего Востока РАН, 2007. — 272 с.
6. Го Ли. Чжун-э жэньвэнь хэцзо лиши юй сяньши = История и практика гуманитарного сотрудничества между Китаем и Россией / Го Ли. — Харбин: Изд-во Хэйлунцзянского ун-та, 2013. — 276 с.
7. Джозеф Най: Вэньхуа ши Чжунго цзуйдадэ жуаньшили = Джозеф Най: Культура — это величайшая «мягкая сила» Китая [Электронный ресурс] // China Comment. — Режим доступа: <<http://www.banyuetan.org/chcontent/sz/hqkd/201415/90168.shtml>>. — Дата доступа: 07.10.2018.
8. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: <<http://www.kremlin.ru/supplement/3418>>. — Дата доступа: 07.10.2018.
9. Жуаньшили чжифу: Чжунго линдаожэнь ши цзянгуши гаошоу = Интервью Джозефа Ная: Лидер Китая — мастер, который хорошо рассказывает свою историю [Электронный ресурс] // IFENG TALK. — Режим доступа: <http://news.ifeng.com/shendu/hqgw/detail_2013_12/26/32492597_0.shtml>. — Дата доступа: 29.09.2018.
10. Иванов, И. Россия — Китай: к новому качеству партнерства / И. Иванов // Китай. — 2016. — № 7. — С. 22.
11. Инмэй: Чжунго юн «И дай и лу» чэн Укэлань вэйцзи цзуйхоу инцзя, цянлэ Мэй-э фэнтоу = Китай с помощью инициативы «Один пояс, один путь» стал окончательным победителем Украинского кризиса вместо России и США [Электронный ресурс] // SinovisionNet. — Режим доступа: <<http://news.sinovision.net/politics/201503/00334632.htm>>. — Дата доступа: 29.09.2018.
12. Кулинцев, Ю. Ю. «Один пояс — один путь»: инициатива с китайской спецификой / Ю. Ю. Кулинцев [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. — Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/blogs/giacexperts/?id_4=1868>. — Дата доступа: 29.09.2018.
13. Ларин, В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е гг. XX — начало XXI в.) / В. Л. Ларин. — М.: Восток-Запад, 2005. — 390 с.
14. Ли Мэнлун. Китайско-российское гуманитарное сотрудничество в XXI в.: тенденции и перспективы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Ли Мэнлун. — М., 2018. — 190 л.
15. Ли Юнцюань. Наше сотрудничество обеспечивает стабильность в Евразии / Ли Юнцюань // Китай. — 2016. — № 7. — С. 27.
16. Ломанов, А. В. «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром / А. В. Ломанов, Е. В. Кобелев. — М.: ИДВ РАН, 2015. — 223 с.
17. Лукин, А. В. Россия — Китай: друзья или соперники? / А. В. Лукин [Электронный ресурс] // Независимая газета. — Режим доступа: <http://www.ng.ru/world/2001-08-03/6_friends.html>. — Дата доступа: 29.09.2018.
18. Лю Лиминь бяоши жэньвэнь хэцзо цзичжи и чэньвэй Чжун-э гуаньси саньда чжичжу чжи и = Лю Лиминь отметил, что механизм гуманитарного сотрудничества стал одним из трех столпов китайско-российских дружественных отношений [Электронный ресурс] // CRI online. — Режим доступа: <<http://gb.cri.cn/42071/2015/05/15/5311s4964216.htm>>. — Дата доступа: 29.09.2018.
19. Международная миграция и развитие: докл. Генерального секретаря: док. ООН А/71/296 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/A_71_296_R.pdf>. — Дата доступа: 29.09.2018.

20. Меморандум о реализации Плана действий по развитию российско-китайского взаимодействия в гуманитарной сфере (подписан в г. Москве 6 дек. 2012 г.) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. — Режим доступа: <<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=55334#04120679387527473>>. — Дата доступа: 29.09.2018.
21. Муратшина, К. Г. Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI в.: учеб. пособие / К. Г. Муратшина; науч. ред. В. И. Михайленко. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 126 с.
22. О старте проекта Годов российско-китайского межрегионального сотрудничества [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — Режим доступа: <http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJEo2Bw/content/id/3070896>. — Дата доступа: 29.09.2018.
23. Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — Режим доступа: <<http://docs.cntd.ru/document/901794645>>. — Дата доступа: 29.09.2018.
24. Протокол восемнадцатого заседания Российско-Китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации. — Режим доступа: <<https://xn--8oabucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/13008>>. — Дата доступа: 29.09.2018.
25. Рогачев, И. А. Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века / И. А. Рогачев; под ред. Б. Т. Кулик. — М.: Известия, 2005. — 280 с.
26. Россия и Китай: взаимодействие культур / Г. М. Борликов [и др.]. — Пекин; Элиста: Изд-во Калмык. ун-та, 2010. — 176 с.
27. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. — М.: Весь мир, 2013. — 704 с.
28. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 27 мая 2003 г. [Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: <<http://kremlin.ru/supplement/1669>>. — Дата доступа: 29.09.2017.
29. Тишэн жуаньшили: Чжун-э жэньвэнь хэцзо дэ снйжэньу = Повышение мягкой силы: новая задача гуманитарного сотрудничества между Китаем и Россией [Электронный ресурс] // People.cn. — Режим доступа: <<http://world.people.com.cn/n/2014/1128/c157278-26108916.html>>. — Дата доступа: 29.09.2018.
30. Филимонов, Г. Ю. Внешняя культурная политика США как компонент «мягкой силы»: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Г. Ю. Филимонов. — М., 2007. — 187 л.
31. Хэ Фанчуань. Чжунвай вэньхуа цзяюлюши = История культурного взаимодействия между Китаем и зарубежными странами / Хэ Фанчуань. — Пекин: Гоцзи вэньхуа, 2016. — 1104 с.
32. Цветко, А. С. Советско-китайские культурные связи / А. С. Цветко; под ред. В. Н. Березина. — М.: Мысль, 1974. — 131 с.
33. Цзи Чжие. Элоси фачжань цянънзин юй Чжун-э гуаньси цзоусян = Перспективы России и китайско-российских отношений / Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь. — Пекин: Шиши, 2016. — 401 с.
34. Чжао Вэй. Хоу вэйцзи шидай вого дуйэ кэцзи хэцзо чжаньлюэ яньцзю = Исследование стратегии китайско-российского научно-технического сотрудничества в посткризисный период / Чжао Вэй, Сун Сяогуан. — Харбин: Изд-во Хэйлунцзянского ун-та, 2015. — 143 с.
35. Чжао Кэцзинь. «И дай и лу»: цун юаньцзин дао синдун = «Один пояс, один путь»: из концепции до действия / Чжао Кэцзинь. — Пекин: Бэйцзиндасюе, 2015. — 265 с.
36. Э-оу гуаньси юй Чжунго оу-я чжэнцэ = Российско-европейские отношения и дипломатическая политика Китая по отношению к Евразии / Лю Цзюнь [и др.]. — Пекин: Шиши, 2015. — 267 с.
37. Nye, J. S. The Rise of China's Soft Power / J. S. Nye [Electronic resource] // The Wall Street Journal. — Mode of access: <<http://www.wsj.com/articles/SB11358086724233272>>. — Date of access: 29.09.2018.

Статья поступила в редакцию в сентябре 2017 г.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А. В. ТИХОМИРОВА «ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (1991—2015 гг.)»

(Минск: Изд. центр БГУ, 2017)

Эммануил Иоффе

Монография А. В. Тихомирова «Внешняя политика Республики Беларусь (1991—2015 гг.)», изданная в 2017 г., содержит глубокий и всесторонний анализ внешней политики нашей страны почти за четверть века.

Несколько слов об авторе рецензируемой книги. Александр Валентинович Тихомиров — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, известный белорусский ученый-историк и политолог, автор более 50 научных работ, в том числе трех монографий по проблемам международных отношений и внешней политики Беларуси.

За последние годы в нашей республике и Российской Федерации изданы ряд книг и десятки журнальных и газетных статей по внешней политике Республики Беларусь изучаемого периода. Чем же отличается от них монография А. В. Тихомирова?

Во-первых, детальным анализом внешней политики Беларуси. Помимо всего прочего, автор раскрывает предпосылки активной внешней политики Республики Беларусь в обозначенный период. Так, во вводной части монографии отмечается: «Отход руководства Советского Союза от конфронтации со странами Запада во второй половине 1980-х гг. сделал зарубежные связи БССР более динамичными и разнообразными. На рубеже 1990-х гг. впервые за долгие годы возникли реальные предпосылки для осуществления Беларусью внешней политики, направленной на отстаивание национально-государственных интересов белорусского народа на мировой арене».

Во-вторых, в монографии раскрываются основные проблемы выработки и реализации внешней политики Республики Беларусь в 1991—2015 гг.

Монография состоит из пяти глав: «Историография, источники, методология и методы исследования», «Общие проблемы осуществления внешней политики Республики Беларусь», «Международные аспекты обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь», «Региональное измерение внешней политики Республики Беларусь», «Деятельность Республики Беларусь в ООН».

В первой главе «Историография, источники, методология и методы исследования» дан краткий историографический обзор предыдущих исследований по данной проблеме. К сожалению, ряд исследователей данной темы пытаются выдать себя за «пионеров», т. е. представить себя первооткрывателями этой проблематики. А. В. Тихомиров же проявил себя честным, принципиальным исследователем. В частности, он отмечает: «Первым шагом на пути разработки научно обоснованной стратегии деятельности белорусского государства на международной арене стала публикация в “Белорусском историческом журнале” (“Беларускім гістарычным часопісе”) в 1993 г. (№ 2. С. 65—71. — Э. И.) коллективной статьи И. Саченко, А. Шарапо, А. Розанова и А. Челядинского, посвященной проблемам выработки внешнеполитической стратегии Республики Беларусь. Соавторы статьи попытались обосновать цели, задачи и приоритеты внешней политики Беларуси в условиях независимости».

Анализ текста монографии показывает, что ее автор умело владеет методами научного исследования. Для анализа эволюции формирования и реализации внешней политики Республики Беларусь А. В. Тихомиров использовал историко-генетический метод, для оценки результатов внешнеполитической деятельности белорусского государства в различных регионах мира — историко-сравнительный, для выделения приоритетных групп государств для белорусской политики, основных этапов становления и реализации политики в отношении каждой из групп государств — историко-типологический метод.

Во-третьих, в монографии исследованы особенности внешней политики белорусского государства в условиях независимости и подключения к международному диалогу в качестве суверенного участника.

Автор:

Иоффе Эммануил Григорьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин исторического факультета Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, e-mail: mach1939@mai.ru
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. Адрес: 18, ул. Советская, Минск, 220050, БЕЛАРУСЬ

Author:

Ioffe Emmanuil — Doctor of History, Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Faculty of History, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, e-mail: mach1939@mai.ru
Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank. Address: 18, Sovetskaya str., 220050, Minsk, BELARUS

рецензии

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В-четвертых, в отличие от многих предшествующих работ, в монографии особое внимание уделено формированию основ внешней политики, международным аспектам обеспечения безопасности, региональным приоритетам внешнеполитической активности Беларуси.

В-пятых, приятно поражает источниковая база монографии: 406 достаточно авторитетных источников на русском, белорусском, английском, немецком и польском языках, в том числе новейших.

В-шестых, разделение рассматриваемого отрезка времени на три периода достаточно аргументировано:

— 1991—1994 гг. — период международного признания Республики Беларусь, расширения ее активности на международной арене с учетом нового государственно-политического статуса;

— 1995—2000 гг. — период укрепления восточного вектора внешней политики белорусского государства посредством создания более тесных интеграционных объединений с Российской Федерацией и другими странами СНГ при одновременном свертывании политического диалога со странами Запада и расширении сотрудничества со странами Азии, Африки и Латинской Америки;

— 2001—2015 гг. — период закрепления суверенного статуса и осуществления многовекторной внешней политики.

Многих читателей интересует процесс признания независимости Республики Беларусь со стороны международного сообщества. Некоторые уверены, что первым государством, признавшим независимость нашей страны, была Россия. Они ошибаются. На с. 19 рецензируемой книги приведена информация, согласно которой первым государством, признавшим независимость Республики Беларусь, был Туркменистан. Что касается России и Украины, то они сделали это на неделю позже — 8 декабря 1991 г. Из государств за пределами СНГ первой независимость Беларуси признала Турция — 16 декабря 1991 г.

Дипломатические отношения с нашей страной первой установила Украина (27 декабря 1991 г.), а за ней — США (28 декабря 1991 г.). Между тем, дипломатические отношения с Россией были установлены только в 1992 г.

Во второй главе «Общие проблемы осуществления внешней политики Республики Беларусь» на высоком научном уровне раскрыты воздействие процессов укрепления государственного суверенитета Белорусской ССР на внешнеполитическую деятельность Беларуси в 1990—1991 гг., выработка стратегии и принципов внешней политики Республики Беларусь, информационно-аналитическое обеспечение внешнеполитической деятельности нашей страны, расширение экономических связей Республики Беларусь с зарубежными странами, культурные и научные контакты, связи в области спорта и туризма.

Нельзя не согласиться с аргументированными выводами автора книги, что в 1991—2015 гг. происходило становление белорусской дипломатии, формирование системы принятия и осуществления внешнеполитических решений, распределения полномочий в области внешней политики между различными ветвями власти Республики Беларусь, сложилась система подготовки дипломатических кадров, информационного и экспертного сопровождения внешней политики белорусского государства. Немаловажным было то, что внешнеполитические решения Республика Беларусь принимала и осуществляла самостоятельно.

Одним из наиболее интересных стал вопрос об определении Государственной границы Республики Беларусь. На с. 69—74 эта проблема рассмотрена довольно детально. Приведем некоторые наиболее важные и интересные для читателя фрагменты рецензируемой книги: «Одним из важнейших для Беларуси после обретения ею независимости являлся вопрос о начертании ее государственной границы. В начале 1990-х гг. высказывания о несправедливости существующих границ БССР пользовались популярностью в белорусской политической и экспертной среде. Весьма активно эту тему поднимали сторонники БНФ, утверждавшие, что Беларусь имеет право претендовать на территорию Виленщины, Белосточчины, Смоленскую, Брянскую, Черниговскую и часть Псковской области, поскольку лишилась их незаконно в XX в. Отчасти такие высказывания были производной настроений “национального романтизма”, отчасти — реакцией на схожие процессы в соседних республиках и государствах (Польша, Литва, Россия, Украина). В некоторых случаях соответствующие аргументы брали на вооружение и белорусские официальные лица. Так, весной 1990 г. белорусские депутаты в Верховном Совете СССР официально потребовали пересмотра решения о передаче в состав Литвы ряда территорий из состава БССР, принятого советским руководством в 1940 г. В октябре 1990 г. П. Кравченко отказался подписать польско-белорусскую Декларацию об основах межгосударственных соглашений, сославшись на то, что БССР не подписывала советско-польский договор о государственной границе от 16 августа 1945 г. и не может согласиться с предложением польской стороны относительно фиксации в документе положения о неприкосновенности и неизменности в будущем существующей белорусско-польской границы... В июне 1992 г. Беларусь и Польша подтвердили нерушимость границ в том виде, в каком она сложилась после завершения Второй мировой войны... Самым важным для Беларуси являлось определение границ с Литвой и Латвией, которые категорически отказывались принимать участие в постсоветских интеграционных объединениях и выражали твердое

желание идти по пути укрепления независимости... Полностью процесс демаркации белорусско-литовской границы завершился 19 июня 2008 г., когда в Вильнюсе состоялась процедура обмена окончательными демаркационными документами... Процесс определения белорусско-латвийской границы завершился подписанием в Минске 28 января 2010 г. соглашения об определении стыка государственной границы Республики Беларусь, Латвийской Республики и Российской Федерации... 15 апреля 1994 г. Беларусь и Россия подписали соглашение о сотрудничестве по пограничным вопросам, обязавшись взаимно обеспечивать охрану своих внешних границ... В 2013 г. процедура демаркации (белорусско-украинской границы. — Э. И.) была завершена и Беларусь обрела юридически оформленную границу с Украиной».

Мы привели материал о решении только одного аспекта внешней политики Республики Беларусь. А в монографии рассмотрены десятки таких вопросов.

В третьей главе монографии «Международные аспекты обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь» детально анализируются вопросы определения государственной границы нашей страны, отношения Беларуси к проблемам международной безопасности в 1990-х и 2000—2010-х гг., контактов Республики Беларусь и ОБСЕ.

Автор книги имел все основания сделать выводы, что в 1991—2015 гг. Республика Беларусь смогла создать и обеспечить национальную безопасность применительно к непростым реалиям мировой политики, что безопасность обеспечивалась главным образом за счет отказа от территориальных претензий к соседним государствам, готовности соблюдать нормы международного права в области разоружения и нераспространения оружия массового поражения, стремления к взаимодействию с ведущими международными структурами в сфере безопасности на евразийском и евроатлантическом пространствах (ОДКБ, ОБСЕ, НАТО, ШОС), готовности выступать в качестве площадки для переговоров по урегулированию различных международных конфликтов.

Особый интерес представляет четвертая глава монографии «Региональное измерение внешней политики Республики Беларусь», которая рассматривает положение нашей страны в СНГ, ее отношения с Российской Федерацией, Украиной, Казахстаном, другими странами СНГ, с европейскими организациями, с отдельными государствами Европы, США, с государствами Азии, Африки и Латинской Америки.

На основе всестороннего и глубокого анализа разнообразных источников, в том числе на английском и немецком языках, А. В. Тихомиров пришел к очень важному и принципиальному выводу, что в целом развитие отношений с различными странами вне пределов СНГ и Европы соответствовало установке на многовекторность белорусской внешней политики и принесло определенные положительные результаты (способствовало расширению информации о Беларуси в мире; позволяло заручиться поддержкой стран Азии, Африки и Латинской Америки по ряду политических вопросов; выводило Беларусь из состояния международной изоляции, возникшего вследствие конфликта со странами «коллективного Запада»; расширяло диапазон общения Беларуси на международной арене; способствовало решению экономических проблем посредством диверсификации внешних рынков и источников сырья).

Книга А. В. Тихомирова «Внешняя политика Республики Беларусь» — это ценное аналитическое и познавательное издание. Практически все выводы автора монографии достаточно обоснованы и аргументированы.

Нельзя не согласиться с выводом автора, сделанным в пятой главе на основе подробного анализа деятельности нашей республики в Организации Объединенных Наций и связанных с ней международных структурах, согласно которому взаимодействие с ООН «не просто формально повышало статус Беларуси на международной арене, но и приносило ей реальную пользу».

На основе анализа заключения к монографии (с. 177—179) следует подчеркнуть, что А. В. Тихомиров проявил себя как талантливый аналитик, детально рассмотрев не только позитив, но и негатив нашей внешней политики, ее «подводные камни», неиспользованные возможности, представив трезвый, а в ряде случаев новый взгляд на наши отношения с многими странами мира.

Отмечая достоинства данной монографии, нельзя не высказать некоторые замечания и пожелания. В частности, по нашему мнению, недостаточно раскрыты отношения Республики Беларусь с такими государствами, как Польша, Литва и Латвия. Больше внимания следовало уделить анализу результативности инвестиционного сотрудничества Беларуси с иностранными государствами. В монографии не раскрыта проблематика участия Республики Беларусь в Болонском процессе.

Тем не менее, отмеченные недостатки не снижают достоинств монографии. Материал книги расширяет кругозор читателей, способствует углублению знаний о внешней политике независимой Беларуси и будет способствовать воспитанию патриотизма у нашей молодежи, чувства гордости за успехи внешней политики нашей страны.

Статья поступила в редакцию в июне 2018 г.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЗОНЫ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Го Шухун, Наталья Юрова, Яо Цзяхуэй

В статье раскрыта категория «зарубежная зона торгово-экономического сотрудничества», представлена классификация китайских зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества, которые имеют особый режим ведения хозяйственной деятельности для резидентов. Проведен анализ целей создания и функционирования зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества, в том числе индустриальных парков, с участием КНР в странах партнерах, выявлены приоритеты китайского государства в этом направлении. Индустриальный парк «Великий камень» определен как приоритетный проект китайско-белорусского сотрудничества в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь».

Ключевые слова: Беларусь; зарубежные зоны торгово-экономического сотрудничества; индустриальный парк; инициатива «Один пояс, один путь»; КНР.

«China's Overseas Economic and Trade Cooperation Zone within the Framework of Implementation of the "One Belt, One Road" Initiative» (Guo Shuhong, Natalia Yurova, Yao Jiahui)

This article reveals the category of «overseas economic and trade cooperation zone», presents the classification of China's overseas economic and trade cooperation zone, which provides resident enterprises with preferential policies to develop own business, and analyses purposes of construction and functioning overseas economic and trade cooperation zone, including industrial park, with the participation of China in partner countries, and reveals priorities of the Chinese Government in this direction. The Industrial Park «Great Stone» is defined as a priority project of the China-Belarus cooperation in the context of implementation of the initiative «One Belt, One Road».

Keywords: Belarus; China; industrial park; initiative «One Belt, One Road»; overseas economic and trade cooperation zone.

Authors:

Guo Shuhong — Deputy Director of DUT-BSU Joint Institute, Dalian University of Technology, e-mail: lenaguo@dlut.edu.cn
Dalian University of Technology, 2 Linggong Rd, HighTech District, Dalian, 116024, PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Yurova Natalia — Candidate of Economy, Associate Professor, Head of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: yurova@bsu.by

Yao Jiahui — post-graduate student of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: xiaomao-123@qq.com

Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Инициатива «Один пояс, один путь» выдвинута Китаем и ориентирована на развитие отношений партнерства со странами вдоль Шелкового пути и содействие дальнейшей экономической интеграции. С позиции Китая Беларусь рассматривается как важный научно-промышленный и транспортно-логистический

партнер в строительстве Экономического пояса Шелкового пути. Вместе с тем для успешной реализации инициативы «Один пояс, один путь» необходимо не только декларирование своих интересов и взаимных выгод для всех стран, попадающих в орбиту данной инициативы, но и углубление двустороннего сотруд-

Авторы:

Го Шухун — заместитель директора совместного Института ДТУ—БГУ, Даляньский технологический университет, e-mail: lenaguo@dlut.edu.cn

Dalian University of Technology, 2 Linggong Rd, HighTech District, Dalian, 116024, PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Юрова Наталья Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: yurova@bsu.by

Яо Цзяхуэй — аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: xiaomao-123@qq.com

Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Малашенкова Ольга Фёдоровна — кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Бертош Елена Васильевна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Бизнес-администрирование» факультета маркетинга, менеджмента, предпринимательства Белорусского национального технического университета

ничества стран, в том числе Китая и Беларуси. Примером успешного совместного проекта китайско-белорусского сотрудничества выступает индустриальный парк «Великий камень». Китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень», находящийся в Беларуси, является не только крупнейшей по площади китайской зарубежной зоной торгово-экономического сотрудничества, но и важной инвестиционной площадкой Китая на территории Центральной и Восточной Европы.

В китайских научных кругах зарубежные зоны торгово-экономического сотрудничества как форма межгосударственного общения давно привлекают большое внимание. Китайские ученые Ху Цзяньюнь, Чжао Шубо, Ван Сючжэ [19], Цзоу Хаофэй, Дуань Цзинсинь [20], Цзя Линцзюнь, Са Цюжун [21], Чжао Ти [22], Чжу Нина, Фань Дань [23] и др. посвятили свои работы и исследования китайским свободным экономическим зонам и зарубежным зонам торгово-экономического сотрудничества. Российские исследователи К. Н. Емельянова [4], Л. А. Зубченко [6], А. В. Пушкин, И. Г. Богданов [12] и др. в своих работах затронули специфику особых (свободных) экономических зон, которые были созданы и функционируют в Российской Федерации на основе мирового опыта. Среди отечественных ученых вопросы развития торгово-экономических зарубежных зон, к которым относится индустриальный парк в Беларуси, исследовали Ю. И. Енин [5], К. В. Рудый [13], Г. В. Турбан [17] и др.

Цель статьи — уточнить категорию «зарубежная зона торгово-экономического сотрудничества» с учетом имеющихся научных подходов зарубежных и отечественных ученых, а также проанализировать состояние развития китайских зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и определить возможные пути развития индустриального парка «Великий камень» в контексте опыта белорусско-китайского сотрудничества.

Начиная с середины 1990-х гг. лидеры многих развивающихся и ряда развитых стран выразили надежду на то, что у них будет реализован опыт Китая в области реформ, повышения открытости и создана модель специального экономического парка с китайскими инвестициями. Так, в 2006 г. была создана свободная экономическая зона (СЭЗ) Хайер—Руба в Пакистане, с которой Китай начал свою активную деятельность в построении зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества. Цели, которые преследовало руководство Китая, заключались в распространении опыта успешного двустороннего экономического развития, а также обеспечении поддержки китайских компаний на мировом рынке, усилении их глобального влияния. Под руководством государства в рамках данного стратегического направления китайские компании самостоя-

тельно или совместно с иностранными компаниями-партнерами создавали различные зарубежные зоны торгово-экономического сотрудничества (ЗЗТЭС), такие как зоны обработки и технические/индустриальные парки, которые обладают развитой инфраструктурой и отраслевой специализацией.

Провозглашенная руководством КНР инициатива «Один пояс, один путь» получила одобрение и вызвала большой интерес в странах вдоль нового Шелкового пути. Реализация данной инициативы стала дополнительным импульсом к эволюции зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества, которые, в свою очередь, получили статус главной платформы реализации инициативы, а также содействия развитию дружеских отношений между Китаем и принимающими странами.

Стоит отметить, что зоны торгово-экономического сотрудничества выступают своеобразными «фабриками» инноваций за пределами Китая. Главной задачей развития ЗЗТЭС определено привлечение иностранных инвестиций компаний, обладающих высоким уровнем развития технологий и внедрения инноваций. Экономический эффект от благоприятного и динамичного развития зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества заключается в росте масштабов технологических ресурсов и капиталов в принимающих странах, способствующих созданию новых рабочих мест и улучшению качества профессионального потенциала специалистов, что в итоге приведет к увеличению валютных поступлений за счет экспорта наукоемкой и высокотехнологичной продукции.

Вместе с тем, важно различать СЭЗ и ЗЗТЭС. В соответствии с Киотской конвенцией (Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур, 1973 г.) «свободная зона» — это часть территории страны, в пределах которой любые прибывшие на нее товары обычно рассматриваются (в том, что касается импортных пошлин и налогов) как товары, находящиеся за пределами таможенной территории [11]. Это общий подход для всех особых территорий государств, которые приобретают дополнительные характеристики в зависимости от целей создания и развития.

В ряде научных работ дается определение понятия «Свободная экономическая зона». Так, российские ученые В. Г. Игнатов и В. И. Бутов дают следующее определение: «свободные экономические зоны — ограниченные территории, морские и авиационные порты, в которых действуют особые льготные экономические условия для национальных и иностранных предпринимателей, способствующие решению внешнеторговых, общеэкономических, социальных, научно-технических и научно-технологических задач» [7, с. 5]. П. А. Федин определяет СЭЗ как часть территории страны, состоящей из участка (участков,

имеющих общую границу), управляемой специальным уполномоченным органом — администрацией СЭЗ, на которой устанавливается льготный (таможенный, налоговый, финансовый и административный), по сравнению с общим, режим предпринимательской деятельности резидентов СЭЗ в целях развития обрабатывающих отраслей экономики и производства новых видов продукции, развития туризма и санаторно-курортной сферы, развития производительных сил, финансового и товарного рынка [18, с. 46]. При всем разнообразии теоретических концепций СЭЗ, по нашему мнению, следует определять как обособленную часть территории определенной страны, на которой действует особый (льготный) режим налогообложения и регулирования бизнеса, созданного на основе как отечественного, так и иностранного капитала. При этом инициатором создания СЭЗ выступает страна создания данной зоны, которая добровольно выделяет часть территории с особым статусом и низким уровнем вмешательства государства в целях привлечения иностранных инвестиций, активизации экспортно-импортных операций, внедрения инноваций и новых технологий в производство, а также экономического развития депрессивных регионов.

Зарубежная зона торгово-экономического сотрудничества — это особая экономическая зона, обладающая совершенной инфраструктурой, комплексными отраслевыми целями, кластерными эффектами, построенная независимыми юридическими лицами, акционерный капитал которых сформировали крупные китайские компании, зарегистрированные в пределах Китая (за исключением Гонконга, Макао и Тайваня) [19, с. 8]. Таким образом, по нашему мнению, «зарубежная зона торгово-экономического сотрудничества» — это совместный проект двух и более государств, который реализуется на принципах обособленной территории принимающей страны с льготными условиями хозяйствования и инвестиционной активности компаний стран — учредителей этой зоны, для которых зона является зарубежной. ЗТЭС выступает формой торгово-экономического сотрудничества страны — инициатора (или нескольких стран-инициаторов) ее создания и страны размещения. По характеру деятельности среди ЗТЭС можно выделить: индустриальный парк, зону свободной торговли, технологический парк и т. д. Так, белорусско-китайский индустриальный парк «Великий камень» для Китая является классическим примером ЗТЭС.

В российском Национальном стандарте индустриального парка — официальном документе «Ассоциации индустриальных парков» индустриальный парк определен как «управляемый специализированной управляющей компанией комплекс объектов недвижимого имущества, состоящий из земельно-

го участка (участков) с производственными, административными, складскими и иными зданиями, строениями и сооружениями, обеспеченный инженерной и транспортной инфраструктурой, необходимой для создания нового промышленного производства, а также обладающий необходимым правовым режимом для осуществления производственной деятельности» [9].

Зона свободной торговли — это форма ЗТЭС, которая выведена за пределы национальной таможенной территории, в рамках которой осуществляются операции по складированию и адаптации товаров, ввезенных из других стран, к условиям рынка сбыта (такие операции, как упаковка, маркировка, контроль качества и др.) [8, с. 92].

В отличие от индустриального парка, работающего на сбыт произведенной продукции на своей территории или на внешнем рынке, технологический парк как форма ЗТЭС ориентирован на внедрение новейших инновационных технологий во все производственные процессы. В научной литературе технологический парк (научный, исследовательский, технический, технологический, технополис) — это научно-производственный комплекс, оказывающий помощь предпринимателям в организации малых инновационных предприятий и создании условий для их деятельности, обеспечении финансовой, материально-технической поддержки, гарантий под кредиты, предоставлении консалтинговых и информационных услуг [2, с. 24]. Различия ЗТЭС приведены в табл. 1.

В некоторых случаях специфика деятельности парка касается конкретной отрасли науки, например существуют биопарк, агропарк. Как правило, соответствующий термин зависит от вида деятельности, которая осуществляется в подразделениях парка, а также от масштаба инвестиций [3].

В последние годы Китай стал одним из лидеров по созданию ЗТЭС. По данным Министерства коммерции КНР на конец 2016 г., в 36 странах построены 77 зарубежных индустриальных парков, общий размер инвестиций составил 24,19 млрд дол. США, общее количество резидентов ЗТЭС — 1522 и объем валовой продукции достиг 70,28 млрд дол. США [15].

Наряду с этим важными критериями социально-экономического эффекта деятельности ЗТЭС для принимающих стран выступают количество новых рабочих мест (их было создано 212 тыс.) и сумма налогов, поступивших от деятельности резидентов ЗТЭС (составила 2,67 млрд дол. США) [15].

Своеобразным промежуточным итогом реализации инициативы «Один пояс, один путь» можно считать то, что в 20 странах вдоль Шелкового пути было создано 56 ЗТЭС, которые составили 72,72 % в общем количестве ЗТЭС КНР. Общий размер инвестиций равен

Таблица 1

Основные виды зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества

Вид ЗЗТЭС	Цель	Площадь, га	Деятельность	Резиденты	Рынки
Индустриальный парк	Экспорт, сбыт, производство	<100	Производство или переработка	Небольшие и средние производственные компании	Внешние рынки, своя территория
Зона свободной торговли	Поддержка торговли	<50	Складирование и деятельность, связанная с торговлей	Торговые, торгово-посреднические фирмы	Внутренний рынок и внешние рынки
Технологический парк	Поддержка развития инновационной культуры, а также инновационного бизнеса	<20	Внедренческая деятельность высоких технологий	Фирмы, лаборатории, вузы, научные организации и институты	Внутренний рынок и внешние рынки

Источники: собственная разработка на основе [2, с. 24; 9, с. 92; 10].

18,55 млрд дол. США, общее количество резидентов зон насчитывает 1082, а объем валовой продукции в стоимостном выражении достиг 50,69 млрд дол. США. В то же время в 20 принимающих странах вдоль Шелкового пути уплачена сумма налогов в размере 1,07 млрд дол. США и создано 177 тыс. рабочих мест [15].

В частности, 20 ЗЗТЭС, контролируемые Министерством коммерции КНР (табл. 2), находятся в России, Узбекистане, Кыргызстане, Пакистане, Венгрии и других странах вдоль Экономического пояса Шелкового пути, а также в Камбодже, Таиланде, Вьетнаме, Индонезии, Лаосе и в других странах вдоль Морского Шелкового пути XXI века. Основной фокус деятельности ЗЗТЭС в этих странах сосредоточен на следующих экономических сферах: обрабатывающая промышленность и производство (суэцкая зона экономического и торгового сотрудничества), освоение ресурсов (замбийско-китайская зона торгово-экономического сотрудничества), агропромышленное сотрудничество (российско-китайский инновационный агропромышленный комплекс), торговля—логистика (китайско-европейская зона сотрудничества в области торговли и логистики) и т. д. В то же время, как мы упоминали выше, для реализации инициативы «Один пояс, один путь» и содействия развитию международного сотрудничества ЗЗТЭС должна включать целый комплекс видов хозяйственной деятельности на инновационной платформе и одновременно производство товаров и услуг, создание новейших технологий, торговлю, логистику и т. д.

При разделении ЗЗТЭС по географическому признаку можно выделить следующие регионы: российско-монгольский регион, регион Центральной Азии и Западной Азии, регион Юго-Восточной Азии, регион Южной Азии, регион Африки, регион Центральной и Восточной Европы, развитые страны Европы и США. В табл. 3 представлены преимущества развития и основные отрасли промышленности в регионе, где расположена ЗЗТЭС.

Развитие в Беларуси Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» не выбивается из представления специфики преимуществ ЗЗТЭС в привязке к региону, а подтверждает правильность классификации, представленной выше. Индустриальный парк «Великий камень» — это важный инвестиционный проект вовлечения Беларуси в инициативу КНР «Один пояс, один путь». Создание его стало возможным после подписания Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством КНР о государственной поддержке и безопасности инвестиций. Впервые договорились о создании белорусско-китайского индустриального парка еще в марте 2010 г., в 2014 г. началось строительство и появились первые резиденты парка, а в 2017 г. был подписан Указ Президента Республики Беларусь № 166, определивший беспрецедентные условия для ведения бизнеса, которых нет ни в одной из стран СНГ и Прибалтики [24]. В Беларуси к моменту возникновения индустриального парка уже был опыт создания территорий с льготным режимом. Так, еще в 1996 г. появилась первая свободная экономическая зона «Брест», которая до сих пор успешно функционирует. Для того чтобы подчеркнуть уникальность индустриального парка, подтвердить его отличие от иных территорий с льготным режимом (свободные экономические зоны, парк высоких технологий), были четко определены приоритетные сферы инвестиционных проектов: электроника, телекоммуникации, фармацевтика, тонкая химия, биотехнологии, машиностроение, новые материалы, комплексная логистика, электронная коммерция, деятельность, связанная с обработкой и хранением больших объемов данных, социально-культурная деятельность, научно-исследовательские, опытно-конструкторские (НИОКР), опытно-технологические работы [24]. Для стимулирования притока значительных инвестиций, которые сопряжены с выделенными приоритетными направлениями деятельности будущих резидентов парка, были установлены требования к объему инвести-

Таблица 2

Зарубежные зоны торгово-экономического сотрудничества в странах вдоль Шелкового пути,
контролируемые Министерством коммерции КНР

Название зоны	Принимающие страны	Компания по развитию индустриального парка	Инвестиционная сумма	Проектируемая площадь	Количество резидентов	Приоритетные направления
Свэцкая зона экономического и торгового сотрудничества	Египет	<i>China-Africa TEDA Investment Co. Ltd</i>	Предполагаемая инвестиционная сумма — 230 млн долл. США	20 кв. км	68	Текстиль, нефтяное оборудование, электрические приборы высокого и низкого напряжения, строительные материалы
Российско-китайский инновационный агропромышленный комплекс	Россия	Сельскохозяйственная компания «Армада»	—	207 га	8	Растениеводство, разведение, складирование, обработка
Таиландско-китайский промышленный парк в Районге	Таиланд	Компания по развитию индустриального парка	Предполагаемая инвестиционная сумма — 200 млн долл. США, практическая инвестиция — 196 млн долл. США	12 кв. км	70 (на октябрь 2017 г.)	Запчасти к автомобилям, машиностроение, бытовая техника и т. д.
Особенная экономическая зона в Сиануквили	Камбоджа	<i>Jiangsu Taihu Cambodia International Economic Cooperation Investment Co., Ltd and Cambodia International Investment Development Group Co., Ltd</i>	—	11,13 кв. км	109 (на 2016 г.)	Текстиль, одежда, сумки, металлические изделия, машины, деревянные изделия
СЭЗ «Хайер — Руба»	Пакистан	Компания «Хайер»	129 млн долл. США	2,33 кв. км	7 (на 2015 г.)	Бытовая техника, автомобили, текстиль, строительные материалы, химическая технология и т. д.
Китайско-нигерская зона торгово-экономического сотрудничества	Нигерия	<i>China-Africa Lekki investment Ltd</i>	2 млрд долл. США	165 кв. км	116 (на апрель 2017 г.)	Производство, упаковка, логистика, услуги
Уссурийская зона китайско-российского торгово-экономического сотрудничества	Россия	ООО «Международная инвестиционная компания Канцзи»	2 млрд юаней	2,28 кв. км	27 (на 2014 г.)	Товары повседневного спроса, обувь, текстиль, кожгалантерея, бытовая техника, строительные материалы, оборудование, автозапчасти и другие конкурентоспособные товары
Китайско-индонезийская зона сотрудничества в области сельскохозяйственной промышленности «Julong»	Индонезия	<i>Julong Group</i>	1,25 млрд долл. США	4,21 кв. км	14 (на 2016 г.)	Растениеводство, обработка, закупки, упаковка, логистика
Индустриальный парк «Лунцзян»	Вьетнам	<i>Tien Giang Investment Management Co., Ltd</i>	100 млн долл. США	600 га	17 (на май 2014 г.)	Легкая и текстильная промышленность, техника, электроника, производство строительных материалов, химическая промышленность

Окончание табл. 2

Название зоны	Принимающие страны	Компания по развитию индустриального парка	Инвестиционная сумма	Проектируемая площадь	Количество резидентов	Приоритетные направления
Замбийско-китайская зона торгово-экономического сотрудничества	Замбия	<i>China Nonferrous Metal Mining (Group) Co., Ltd</i>	2,6 млрд дол. США (на конец 2015 г.)	11,58 кв. км	63	Цветная металлургия, современная логистика, деловые сервисы, обрабатывающая промышленность, недвижимость, промышленность высоких технологий
Китайско-индонезийская зона торгово- экономического сотрудничества	Индонезия	<i>Guangxi State Farms</i>	—	500 га	37	Запчасти к автомобилям, машиностроение, бытовая техника, химическая промышленность, новые материалы
Китайско-русская зона сотрудничества в области лесной промышленности и торговли (Томская обл.)	Россия	ООО «АВИК Форестри»	400 млн. дол. США (на конец 2014 г.)	6,95 кв. км	19 (на февраль 2015 г.)	Выращивание леса, лесозаготовки, деревообработка, торговля, логистика
Восточный индустриальный парк	Эфиопия	<i>Jiangsu Yongdun Investment Co., Ltd</i>	—	5 кв. км	17 (на июнь 2015 г.)	Текстиль, обработка кожи, обработка сельскохозяйственных продуктов, металлургия, производство строительных материалов, электрические механизмы
Индустриальный парк «Пенг Шенг»	Узбекистан	СП ООО «PENG SHENG»	100 млн дол. США	160 тыс. кв. м	10 (на август 2016 г.)	Переработка и производство кожи, керамических плиток, обуви, мобильных телефонов, смесителей и вентилей, кормов для домашних животных, продуктов переработки субпродуктов животных
Зона развития Сайсетты	Лаос	<i>Lao-China Joint Venture Investment Co., Ltd</i>	350 млн дол. США	1149 га	18 (на октябрь 2017 г.)	Энергетическая и химическая промышленность, переработка сельскохозяйственной и животноводческой продукции, производство энергетических продуктов, обработка кормов, переработка сырья табака, логистика, упаковка
Китайско-европейская зона сотрудничества в области торговли и логистики	Венгрия	<i>Shandong Dihao International Investment Co., Ltd</i>	264 млн дол. США	0,75 кв. км	134 (на февраль 2017 г.)	Классификация товаров, транспортные услуги, складирование, распределение, обработка информации
Агропромышленный комплекс «Азиатская звезда»	Киргизия	<i>Henan Guiyou Industrial Group Co., Ltd</i>	120 млн дол. США	5,67 кв. км	8 (на январь 2017 г.)	Растениеводство, скотоводство, переработка продуктов
Зона торгово- экономического сотрудничества «Borsod»	Венгрия	<i>Yantai Xinyi Investment Co., Ltd</i>	3 млрд дол. США	6,15 кв. км	15 (на август 2016 г.)	Химическая промышленность, биохимическая промышленность
Зона торгово- экономического сотрудничества в лесной отрасли «Лун Юэ»	Россия	Торгово-экономическая компания «Лун Юэ» ЛТД, г. Муланьцзян	1,3 млрд дол. США	7,6 кв. км	16 (на июль 2016 г.)	Выращивание леса, лесозаготовки, деревообработка, торговля, трансконтинентальная логистика
Индустриальный парк	Индонезия	Компания «Indonesia Morowali Industrial Park» (IMIP)	4 млрд дол. США	2000 га	6 (на октябрь 2016 г.)	Никель, нержавеющая сталь

Источники: собственная разработка на основе [16].

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

**Региональное разделение и преимущества зарубежных зон
торгово-экономического сотрудничества**

Регион	Ресурсные преимущества	Приоритетные направления
Российско-монгольский регион	Богатые лесные, энергетические, сельскохозяйственные ресурсы	Освоение ресурсов, переработка сельскохозяйственной и лесной продукции
Регион Центральной и Западной Азии	Богатые энергетические, сельскохозяйственные ресурсы, огромный потенциал рынка	Производство строительных материалов, переработка сельскохозяйственной продукции, энергетика
Регион Юго-Восточной Азии	Дешевые трудовые ресурсы, богатые сельскохозяйственные, минеральные ресурсы	Производство, обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, освоение энергетических ресурсов
Регион Южной Азии	Дешевые трудовые ресурсы, огромный потенциал рынка	Производство, обработка, переработка
Регион Африки	Огромный потенциал рынка, богатые энергетические ресурсы, промышленная культура	Обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство и животноводство
Регион Центральной и Восточной Европы	Преимущества географического положения, развитая инфраструктура, относительно дешевые трудовые ресурсы	Машиностроение, торговля, логистика, технологические инновации
Развитые страны Европы и США	Передовая наука и технологии, емкий и зрелый рынок	Научно-исследовательские центры, научные центры, бизнес-инкубаторы, инновационная промышленность

Источники: собственная разработка.

ций: не менее 500 тыс. дол. США при условии их вложения в течение 3 лет (5 млн дол. США при условии их вложения в более длительный срок) и для проектов НИОКР — независимо от срока [10].

Льготный режим, который предусмотрен для резидентов индустриального парка, не имеет аналогов в Беларуси и странах — партнерах по интеграции в ЕАЭС. В частности, предусматривается освобождение резидентов парка от уплаты налога на прибыль первые 10 лет после объявления прибыли, впоследствии уплата 50 % от общеустановленной ставки (сейчас 18 %); освобождение от налога на недвижимость и от земельного налога (до 2062 г.); нулевая ставка налога по дивидендам первые 5 лет, пятипроцентная ставка налога по роялти вплоть до 2027 г.; подоходный налог 9 % (вместо общереспубликанского 13 %) и возможность уплаты взносов ФСЗН исходя из размера средней заработной платы по стране (в пересчете взнос получается практически в 3 раза меньше); возможность применения таможенной процедуры «свободная таможенная зона», товары, произведенные резидентами парка в условиях свободной таможенной зоны, при реализации на территории Беларуси освобождаются от уплаты «ввозного» НДС и др. [14].

С момента образования индустриального парка «Великий камень» ведется активная работа по распространению информации и привлечению новых резидентов. К настоящему моменту резидентами индустриального парка стали: ЗАО «Чайна Мерчантс

СиЭйчЭн-БиЭлАр коммерческая и логистическая компания», ООО «Нью Крафт Технолджис» (товарная эко-упаковка), ООО «Бел Хуавей Технолджис», ООО «Оптические сапфиры» (промышленное производство сапфиров), ООО «Ассомедика» (изделия медицинского назначения и медтехника), ООО «Чайна Телеком БЛР» (связь), ООО «САС Индастриал» (производство радиаторов), ООО «Зумлион Бел-Рус» (дорожно-строительная и другая техника), ООО «Чэнду Синьджу Шелковый Путь Развитие» (суперконденсаторы для электробусов) и др. На конец июня 2018 г. в индустриальном парке зарегистрировано 36 резидентов из КНР, Беларуси, России, США, Германии, Австрии, Литвы и Израиля [1].

Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» функционирует уже более двух лет. Индустриальный парк постепенно становится платформой реального международного сотрудничества. Однако существуют сдерживающие факторы, которые ограничивают успешную реализацию данного проекта: недостаточное финансирование прорывных инвестиционных проектов со стороны государств, экономические и конъюнктурные международные риски для потенциальных инвесторов, недостаточная информированность потенциальных иностранных инвесторов о возможностях и льготном режиме для резидентов индустриального парка и др.

В целях дальнейшего содействия строительству платформы взаимовыгодного сотрудничества и повышения эффективности реализа-

ции проекта «Великий камень» как зарубежной зоны торгово-экономического сотрудничества Китая и Беларуси, по нашему мнению, следует активизировать работу по следующим направлениям:

— улучшение инвестиционного климата Беларуси, совершенствование инвестиционного механизма, упрощение административных процедур, осуществляемых в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей для стимулирования инвестиционной активности, применение различных форм повышения эффективности использования инвестиций и совершенствования управления инвестициями (слияния и поглощения, совместные предприятия, государственно-частное партнерство и др.);

— создание системы оценки и мониторинга инвестиционных рисков, а также механизма раннего оповещения, предоставление юридических консультаций и соответствующей юридической помощи инвесторам индустриального парка с целью снизить инвестиционные риски;

— укрепление кадрового потенциала индустриального парка, привлечение высокопрофессиональных специалистов, владеющих техническими навыками и опытом управления крупными инвестиционными проектами; сотрудничество с ведущими белорусскими и китайскими вузами в целях подготовки специалистов для работы в компаниях индустриального парка.

Идея создания и развития индустриального парка на территории Беларуси как зарубежной зоны торгово-экономического сотрудничества основана на взаимовыгодном желании наилучшим образом реализовать свой инновационный потенциал, улучшить позиции в рейтинге глобального инновационного индекса при активном инвестиционном участии заинтересованных иностранных высокотехнологичных компаний. Китай укрепил свои позиции в данном инновационном рейтинге и в 2016 г. стал первой страной со средним уровнем дохода, которая вошла в число ведущих 25 стран инновационного рейтинга. Республика Беларусь в последнем опубликованном рейтинге глобального инновационного индекса заняла 88-е место. Значительный разрыв между позициями Китая и Беларуси в инновационном рейтинге не исключает взаимовыгодного сотрудничества в инновационной сфере и создания возможностей для реализации инновационного потенциала, а лишь иллюстрирует разумное сочетание конкурентных преимуществ двух стран для достижения долгосрочного устойчивого развития экономик в целом. Успех проекта «Белорусско-китайский индустриальный парк «Великий камень»», безусловно, станет своеобразным индикатором перспективности создания аналогичных форм сотрудничества в других странах вдоль нового Шелкового пути.

Список использованных источников

1. Беларусбанк открыл современное отделение в «Великом камне» [Электронный ресурс] // БЕЛТА. — 09.07.2018. — Режим доступа: <<http://www.belta.by/economics/view/belarusbank-otkryl-sovremennoe-otdelenie-v-velikom-kamne-309743-2018/>>. — Дата доступа: 09.07.2018.
2. Вашко, И. М. Экономика инноваций: пособие / И. М. Вашко, А. Д. Луцевич, Г. З. Суша. — Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2015. — 338 с.
3. Доклад Генерального директора об исследованиях по вопросу о целесообразности создания институтов и центров категории 2 под эгидой ЮНЕСКО. Ч. II [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — 2009. — Режим доступа: <<http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001832/183284r.pdf>>. — Дата доступа: 09.10.2017.
4. Емельянова, К. Н. Сравнительный анализ различных видов особых экономических зон, функционирующих на территории России / К. Н. Емельянова // Вопросы экономики и управления. — 2017. — № 1. — С. 112—114.
5. Енин, Ю. И. Белорусско-Китайский индустриальный парк: концептуальные основы инновационного развития / Ю. И. Енин // Науч. тр. Белорус. гос. экон. ун-та. Вып. 10. — Минск: БГЭУ, 2017. — С. 155—160.
6. Зубченко, Л. А. Иностранные инвестиции / Л. А. Зубченко. — М.: Книгодел, 2006. — 160 с.
7. Игнатов, В. Г. Свободные экономические зоны: методологические и организационные основы. Правовой и налоговый режим. Нормативная база / В. Г. Игнатов, В. И. Бутов. — М.: Осъ-89, 1997. — 192 с.
8. Костюнина, Г. М. Международная практика регулирования иностранных инвестиций: учеб. пособие / Г. М. Костюнина, Н. Н. Ливенцев. — М.: Анкил, 2001. — 128 с.
9. Национальный стандарт индустриального парка [Электронный ресурс] // Ассоциация индустриальных парков России. — Режим доступа: <<http://www.indparks.ru/certification/NationalStandard/>>. — Дата доступа: 09.10.2017.
10. О порядке регистрации юридических лиц в качестве резидентов Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень»: приказ государственного учреждения «Администрация Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень» от 21 февр. 2018 г. № 21 [Электронный ресурс] // Индустриальный парк «Великий камень». — Режим доступа: <<http://www.industrialpark.by/storage/app/uploads/public/5ad/747/c58/5ad747c5818c1749787326.pdf>>. — Дата доступа: 24.07.2018.
11. О присоединении Республики Беларусь к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур: Закон Респ. Беларусь от 16 нояб. 2010 г. № 194-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <[http://www.pravo.by/pdf/2010-290/2010-290\(002-078\).pdf](http://www.pravo.by/pdf/2010-290/2010-290(002-078).pdf)>. — Дата доступа: 09.10.2017.
12. Пушкин, А. В. Особые экономические зоны в России: правовое регулирование / А. В. Пушкин, И. Г. Богданов. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. — 228 с.
13. Рудый, К. В. Беларусь — Китай: каналы инвестиционного сотрудничества / К. В. Рудый // Белорус. экон. журн. — 2016. — № 2. — С. 15—30.
14. Таможенные льготы и преференции [Электронный ресурс] // Индустриальный парк «Великий камень». — Режим доступа: <<http://www.industrialpark.by/ru/economic/3-benefit/>>. — Дата доступа: 24.07.2018.
15. Туйцзинь цзинвай цзинмао хэцзоцзюй цзяньшэ, шисянь хули гуниин = Содействие строительству зарубежных

- зон торгово-экономического сотрудничества для достижения взаимной выгоды [Электронный ресурс] // Чжунго шанубу = Министерство коммерции КНР. — 2017. — Режим доступа: <<http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ai/201702/20170202509650.shtml>>. — Дата доступа: 08.10.2017 (на кит. яз.).
16. Тунго цюэжэнь каохэ дэ цзинвай цзинмао хэцзоцой минлу = Список зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества, определенных Министерством коммерции КНР [Электронный ресурс] // Чжунго шанубу = Министерство коммерции КНР. — 2017. — Режим доступа: <<http://fec.mofcom.gov.cn/article/jwjmhzq/article01.shtml>>. — Дата доступа: 13.10.2017 (на кит. яз.).
17. Турбан, Г. В. Перспективы развития транзитных грузоперевозок в Республике Беларусь / Г. В. Турбан // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19—20 мая 2016 г. В 2 т. Т. 1. — Минск: БГЭУ, 2016. — С. 168—169.
18. Федин, П. А. Свободные экономические зоны в России: мнение и точки зрения на определение понятия / П. А. Федин // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики: науч.-теор. журн. — 2012. — № 2. — С. 41—47.
19. Ху Цзяньюнь. «Идайилу» гоусянься дэ цзинвай цзинмао хэцзоцойцой яньцзю = Анализ зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества в рамках концепции «Один пояс, один путь» / Ху Цзяньюнь, Чжао Шубо, Ван Сючжэ // Фачжань яньцзю = Исследование развития. — 2017. — № 1. — С. 8—12 (на кит. яз.).
20. Цзоу Хаофэй. Цзинвай хэцзоцой чуаньди чжунго тоуцзы синьлинянь = Перенос китайской новой инвестиционной концепции в рамках зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества / Цзоу Хаофэй, Дуань Цзинсинь // Чжунго тоуцзы. = Китайские инвестиции. — 2015. — № 7. — С. 33—37 (на кит. яз.).
21. Цзя Линцзюнь. Чжунго цзинвай цзинцзи маои хэцзоцой фачжань сяньчжуан танься = Анализ состояния развития китайского зарубежного торгово-экономического сотрудничества / Цзя Линцзюнь, Са Цюжун // Дуйвай цзимао шиу = Внешнеторговая практика. — 2015. — № 8. — С. 25—28 (на кит. яз.).
22. Чжао Ти. Вого хайвай гунеюаньцой дэ сяньчжуан, вэньти цзи дуйцэ = Китайские индустриальные парки: состояние, проблемы и мероприятия / Чжао Ти // Дуйвай цзимао шиу = Внешнеторговая практика. — 2017. — № 2. — С. 38—41 (на кит. яз.).
23. Чжу Нина. Чжунго цзинвай цзимао хэцзоцой яньцзю = Анализ китайских зарубежных зон торгово-экономического сотрудничества / Чжу Нина, Фань Дань // Бэйфан цзимао = Северная экономика и торговля. — 2017. — № 11. — С. 11—17.
24. Юрова, Н. В. Белорусско-китайский индустриальный парк «Великий камень» как форма развития инновационного потенциала Республики Беларусь / Н. В. Юрова // Беларусь в современном мире: материалы XVI Междунар. науч. конф. / редкол: В. Г. Шадурский [и др.]. — Минск: Изд. центр БГУ, 2017. — С. 222—224.

Статья поступила в редакцию в апреле 2018 г., обновлена в июне 2018 г.

«АЗИАТСКИЕ ТИГРЫ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГАХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Екатерина Ботеновская, Александра Вильчицкая

В статье проанализированы особенности национальных инновационных систем Сингапура, Республики Корея, Тайваня и Гонконга с учетом показателей инновационного развития «азиатских тигров» на основе данных глобального инновационного индекса, глобального индекса конкурентоспособности, инновационного индекса Блумберга, индекса развития сетевого общества городов, глобального индекса креативности, характеризующих отдельные аспекты инновационного развития, такие как уровень развития институциональной среды, инфраструктуры, технологического развития, инновационный потенциал, результаты инновационной деятельности, степень развития и использования информационно-коммуникационных технологий. Выявлены сильные и слабые стороны национальных инновационных систем на основе рейтингового подхода, а также их общие особенности.

Ключевые слова: глобальный индекс конкурентоспособности; глобальный индекс креативности; глобальный индекс развития сетевого общества городов; инновационное развитие; инновационный индекс; инновационный индекс Блумберга; национальная инновационная система.

«Asian Tigers» in the International Performance Innovation Indices» (Ekaterina Botenovskaya, Aliaksandra Vilchitskaya)

The article analyzes the features of the national innovation systems of Singapore, the Republic of Korea, Taiwan and Hong Kong, taking into account the innovation indicators of the «Asian tigers» based on the Global Innovation Index, the Global Competitiveness Index, the Bloomberg Innovation Index, Networked Society City Index, the Global Creativity Index, which characterize different aspects of innovation performance such as the level of institutions, infrastructure, technological development, innovation capacity, innovation capacity, the degree of development and use of ICT. The strengths and weaknesses of national innovation systems are revealed and based on rating approach as well as their common features.

Keywords: Bloomberg Innovation Index; Global Competitiveness Index; Global Creativity Index; Global Innovation Index; innovation development; national innovation system; Networked Society City Index.

Authors:

Botenovskaya Ekaterina — Candidate of Economy, Associate Professor of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: tenaer@mail.ru

Vilchitskaya Aliaksandra — student of the major «World Economy» of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: catb59834@gmail.com

Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

На современном этапе развития мировой экономики наблюдается интенсификация перехода к новому типу экономического развития, основанному на инновациях (*innovation-driven economies*). Это становится приоритетным направлением политики различных стран мира. Все большее значение придается развитию научно-технической сферы, включающей в себя науку, образование, технологии, наукоемкие отрасли, научно-иссле-

тельные и опытно-конструкторские работы (НИОКР). Важность этого процесса определяется растущей глобальной конкуренцией за право каждой страны занимать достойное место в системе мирового хозяйства.

При этом в последние годы ощутимо увеличился вклад стран Юго-Восточной Азии в инновационное развитие мировой экономики [1, с. 29]. Ввиду этого особый интерес представляет исследование национальных инновацион-

Авторы:

Ботеновская Екатерина Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: tenaer@mail.ru

Вильчицкая Александра Андреевна — студент специальности «Мировая экономика» факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: catb59834@gmail.com
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Давыденко Елена Леонидовна — доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Бертош Елена Васильевна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Бизнес-администрирование» факультета маркетинга, менеджмента, предпринимательства Белорусского национального технического университета

ных систем (НИС) так называемых «азиатских тигров», или «азиатских драконов», — экономик Сингапура, Южной Кореи, Гонконга и Тайваня, которые начиная с 1960-х гг. показывают высокие темпы экономического роста и относятся, по данным Международного валютного фонда, к 39 ведущим экономикам мира [23, р. 220]. Инновационная политика этих стран, направленная на вложения инвестиций в исследования и разработки, образование, инфраструктуру, а также экспортная ориентация «азиатских тигров» позволили им находиться в начале рейтинга в мировых индексах, характеризующих различные аспекты инновационного развития.

Экономическое развитие Сингапура рассмотрено в работе Ли Куан Ю [3]. Формированию национальных инновационных систем азиатских стран, в том числе на основе модели тройной спирали, посвящена работа Г. Паралия [13]. Отдельные аспекты экономического развития азиатских стран с малой экономикой рассмотрены в монографии Е. Л. Давыденко и Е. С. Ботеновской [2].

Целью статьи является анализ национальных инновационных систем «азиатских тигров», выявление их сильных и слабых сторон на основе рейтингового подхода. В частности, в работе были использованы данные таких рейтингов, как глобальный инновационный индекс (*Global Innovation Index*), глобальный индекс конкурентоспособности (*Global Competitiveness Index*) и глобальный индекс креативности (*Global Creativity Index*), инновационный индекс Блумберга (*Bloomberg Innovation Index*) (табл. 1).

Инновационный индекс Блумберга представляет рейтинг самых инновационных стран мира, при расчете которого используют статистические данные различных международных организаций. Аналитики *Bloomberg* рассматривают более 200 экономик и оценивают их по семи критериям, которые имеют непосредственное отношение к бизнесу, производству, уровню образования и научно-исследовательской деятельности, а именно: затраты на НИОКР, добавленная стоимость производства, производительность, эффективность образования, концентрация высокотехнологичных компаний, научный персонал и патентная активность. Из стран, предоставивших данные хотя бы по шести критериям, выбирают топ-50 инновационных экономик.

В статье для анализа также использован индекс развития сетевого общества городов (*Networked Society City Index*), представленный компанией «Ericsson» в сотрудничестве с консалтинговой компанией «Sweco». Данный индекс оценивает уровень реализации «концепции тройного критерия» (*TBL — triple bottom line*), согласно которой должны учитываться как экономические, так и социальные и экологические результаты дея-

тельности, а также зрелость использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Рассмотрим особенности НИС Сингапура, одной из самых успешных экономик стран Юго-Восточной Азии, которая известна всему миру высокой степенью открытости, развитостью инфраструктуры, институциональной среды, финансового сектора. Сингапур входит в десятку самых инновационных экономик стран мира, согласно различным рейтингам и индексам.

Так, в глобальном индексе инноваций 2017 Сингапур занял 7-е место и стал лидером в субиндексе, показывающем ресурсы, которыми располагает страна, и условия проведения инноваций. Сильными сторонами НИС Сингапура являются: 1) «институты» — 1-е место по данному направлению, включая первые места по показателям политической среды, эффективности правительства и регулятивной среды; 2) «инфраструктура» — 2-е место; 3) «развитость рынка» — 4-е место по данному направлению, включая 1-е место по показателю «инвестиции»; 4) «уровень развития бизнеса» — 2-е место.

Улучшаются практические результаты осуществления инноваций — 17-е место в данном субиндексе. По направлениям «результаты в области знаний и технологий» и «результаты творческой деятельности» Сингапур занял 11-е и 32-е места соответственно [22, р. 286].

В глобальном индексе конкурентоспособности 2017–2018 Сингапур входит в первую тройку, уступая лишь Швейцарии и Гонконгу. По данным индекса, Сингапур является лидером по показателям «высшее образование» и «эффективность рынка товаров», по показателю «институты» уступает лишь Финляндии, а по «развитости рынка финансов» — Новой Зеландии и США [18].

Согласно данным глобального индекса креативности 2015, в котором анализ креативности страны проведен на основе таких показателей, как «Технологии», «Талант» и «Толерантность» (3Т), Сингапур с индексом 0,896 занял 9-е место, уступая Исландии (8-е место) и Швеции (7-е место). Примечательно, что по некоторым показателям ключевых 3Т экономического развития Сингапур не уступает странам, рейтинг которых выше (табл. 2).

В 2018 г. Сингапур стал третьей инновационной экономикой мира (8-е место в 2015 г., 6-е место 2016 и 2017 гг.), потеснив Германию и Швейцарию. Несмотря на снижение показателей производительности (с 5-го места в 2016 г. до 12-го в 2018 г.), Сингапур является лидером по показателю эффективности образования (2-е место в 2016 г., 5-е место в 2015 г.), опережает Японию по показателям, измеряющим добавленную стоимость производства (5-е место). Наблюдается улучшение

Таблица 1

Положение «азиатских тигров» в мировых рейтингах инновационного развития, место

Страна/ территория	GII 2017	GCR 2017— 2018	GCI 2015	BII				NSCI	
				2015	2016	2017	2018	2014	2016
Сингапур	7	3	9	8	6	6	3	4	3
Южная Корея	11	26	31	1	1	1	1	12	10
Гонконг	16	6	21	34	37	35	37	9	14
Тайвань	—	15	—	—	—	—	—	13	11

Источники: собственная разработка на основе [4; 7–9; 12; 18; 19; 22].

Примечание: *GII* – *The Global Innovation Index*, *GCR* – *The Global Competitiveness Report*, *GCI* – *The Global Creativity Index*, *BII* – *The Bloomberg Innovation Index*, *NSCI* – *Networked Society City Index*.

Таблица 2

Рейтинг стран и территорий согласно глобальному индексу креативности

Место	Страна/территория	Технологии	Талант	Толерантность	Индекс
1	Австралия	7	1	4	0,970
2	США	4	3	11	0,950
3	Новая Зеландия	7	8	3	0,949
4	Канада	13	14	1	0,920
5	Дания	10	6	13	0,917
6	Финляндия	5	3	20	0,917
7	Швеция	11	8	10	0,915
8	Исландия	26	2	2	0,913
9	Сингапур	7	5	23	0,896
10	Нидерланды	20	11	6	0,889
21	Гонконг	32	32	30	0,715
24	Япония	2	58	39	0,708
31	Южная Корея	1	50	70	0,660

Источники: собственная разработка на основе [4; 7–9; 12; 18; 19; 22].

патентной активности: с 28-го места в 2015 г. Сингапур поднялся на 24-ю строчку в 2016 г. и на 12-ю в 2018 г. [4; 7–9].

Согласно индексу развития сетевого общества в городах 2016 г. Сингапур занимал 3-е место (4-е место в 2014 г.). Отметим, что на первой позиции находится Стокгольм (1-е место в 2014 г.), на второй — Лондон (2-е место в 2014 г.), на седьмой — Нью-Йорк (7-е место в 2014 г.), на девятом — Токио (10-е место в 2014 г.). Сингапур имеет менее высокие показатели по электронной коммерции и мобильным платежам, однако является одним из лидеров по качеству и доступу к мобильной широкополосной сети [12, p. 15–16].

Следует отметить, что в основе достижений Сингапура в создании инновационной экономики лежит государственная политика и стратегия, направленная на привлечение прямых иностранных инвестиций, развитие инфраструктуры, человеческого капитала, исследований и разработок. Немаловажными являются поддержка со стороны государства в виде капиталовложений в НИОКР (табл. 3), а также создание благоприятных условий для развития инноваций, бизнеса, стартапов.

В последние десятилетия именно Тайвань стал центром притяжения инвестиций в азиатском регионе. В 2015 г. Тайвань экспортировал товаров на 180 млрд дол. США больше, чем импортировал. Политика, направленная на привлечение инвестиций, начатая в 1970-х гг. с реализации 10 крупных строительных проектов, позволила стране в короткие сроки стать уже экспортером капитала. На сегодняшний день Тайвань является 15-й конкурентоспособной экономикой [18, p. 280–281].

В Тайване выпускают свою продукцию такие компании, как «D-Link» (сетевые устройства (модемы)), «Advantech» (программное обеспечение), «Transcend» (устройства для хранения памяти (жесткие диски, карты памяти)). Развиваются также «зеленые технологии». Примером этому могут служить *Gogoro SmartScooter* (электроскутер) и *Gogoro Energy Network* (более 220 станций подзарядки по всему Тайбэю). По расчетам разработчиков, меньше чем за год владельцы электроскутера уменьшили выбросы углекислого газа на 33 673 т, отказавшись от 15 993 770 л бензина [6].

Мировую известность также получили такие компании, как *HTC* и «Acer», «Asus», «Edimac», «ZyXel». По данным исследования

Государственные инициативы правительства Сингапура, направленные на развитие инноваций, науки и предпринимательства, млрд дол. США

Национальный технологический план 1995	Национальный план «Наука и технологии 2000»	Наука и технологии 2005	Наука и технологии 2010	Исследования, инновации и бизнес 2015	Исследования, инновации и бизнес 2020
2	4	6	13,5	16	19

Источники: собственная разработка на основе [15].

«Best Taiwan Global Brands 2016», проведенного британским агентством «Interbrand», фирма «Asus» является самым дорогим тайваньским брендом [14].

Согласно индексу развития сетевого общества в городах, Тайбэй поднялся с 13-го места (2014 г.) на 11-е, сместив Лос-Анджелес на 12-ю позицию. Город показывает хорошие показатели развития информационно-коммуникационных технологий.

В Тайване завершился План развития электронного правительства 2011–2016 гг., направленный на продвижение использования портативных устройств, беспроводных широкополосных сетей и Web 2.0 приложений, расширение баз данных [5]. В декабре 2014 г. была издана резолюция 3429, известная как «Инновационная и предпринимательская политика», главной целью которой является объединение местного и зарубежного капитала и знаний для трансформации страны в центр инноваций и бизнеса. В сентябре 2016 г. правительство подписало план по развитию азиатской «Кремниевой долины» [17].

Республика Корея традиционно считается одной из самых высокотехнологичных стран в мире. На современном этапе развития в стране базируется множество мировых поставщиков оборудования, что подтверждает данное утверждение. На рынке сетевого оборудования эти страны представлены такими брендами, как Samsung, AddPack Technology, ILSINTECH и др.

В основе конкурентоспособности корейских продуктов лежат инновации и технологии. Наиболее важными факторами экономического развития стали доступ товаров на рынки западных партнеров, опора на инновации и технологии при проведении реформ во всех сферах жизни общества, ориентир на экспорт; огромные инвестиции в исследования и разработки (согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития, в 2016 г. Республика Корея проинвестировала около 4,23 % ВВП в данную область) [11, р. 21].

Республика Корея сохранила 11-е место в глобальном инновационном индексе 2017 (14-я позиция 2015 г.) и показала довольно высокие результаты, занимая 14-ю позицию по коэффициенту эффективности инноваций, 16-е место по субиндексу, показывающему ресурсы, которыми располагает страна, и ус-

ловия для проведения инноваций, и 9-ю позицию по субиндексу, определяющему практические результаты осуществления инноваций [22, р. 245].

Исходя из данных глобального инновационного индекса 2017 к сильным сторонам НИС Республики Корея можно отнести: 1) «человеческий капитал и исследования» — 2-е место в рейтинге по данному направлению, а по показателю «исследования и разработки» занимает лидирующие позиции; 2) инфраструктура — 13-е место в рейтинге по данному направлению, занимает лидирующие позиции по показателям развития ИКТ, в том числе 3-е место по использованию ИКТ, 4-е место по электронному участию и взаимодействию граждан и правительства; 3) «результаты в области знаний и технологий» — 6-е место, занимает 2-е место по показателю «создание знаний» и 1-е место по количеству патентов в этой группе.

К слабым сторонам развития инновационной экономики Республики Корея относят: «институты» — 31-е место, что открывает возможности для дальнейшего развития; «результаты креативной деятельности» — 21-е место; «экологическая стабильность» — 79-е место; «импорт ИКТ-услуг» — 100-е место. Однако, если рассматривать последние показатели, то слабыми они являются исключительно по отношению к остальным лидерам с развитой инновационной экономикой [22, р. 245].

Республика Корея уже четыре года сохраняет 26-ю позицию в глобальном индексе конкурентоспособности (2017–2018). Следует отметить, что несмотря на устойчивую позицию в рейтинге, Корею удалось достигнуть значительных результатов по ряду показателей, таких как «макроэкономическая стабильность» (2-я позиция), «институты» (58-я позиция). Удалось также подняться в рейтинге и занять 74-е место по показателю «развитость финансового рынка», а по показателю «инновационный потенциал» — 18-е место [18, р. 168–169].

По данным глобального индекса креативности 2015, Республика Корея заняла 31-е место из 139 стран, при этом она лидирует по одной из составляющих данного индекса, так называемых 3Т, а именно по «Технологиям». По показателю «Инвестирование в исследования и разработки» Республика Корея следу-

ет за Израилем и Финляндией. Как известно, одним из стандартных измерений инноваций является количество патентов. По этому показателю с 3606 патентами на 1 млн человек Республика Корея возглавляет список (Япония — 2691, 2-е место). По индексам «Талант» и «Толерантность» Республика Корея находится на 50-м и 70-м месте соответственно [19, р. 13, 35, 54].

Южная Корея традиционно возглавляет инновационный индекс Блумберга. Страна лидирует в патентной активности, является второй по расходам на исследования и разработки и добавленной стоимости производства. Совместная работа правительства и частного сектора (например, компании «Samsung Electronics», «LG Chem»), способствующая оперативной коммерциализации инноваций, позволила Корее сохранить первенство в рейтингах 2015—2018 гг. и укрепить свои позиции по таким показателям, как «научный персонал» — 4-е место (7-е место в 2015 г., 6-е место в 2016 г., 4-е место в 2017 г.) и «производительность» — 21-е место (39-е место в 2016 г., 32-е место в 2017 г.) [4; 7—9].

В 2016 г. Сеул занял 10-е место в рейтинге развития сетевого общества городов, что объясняется значительным улучшением реализации концепции тройного критерия *TBL* [12, р. 23]. С 2013 г. в Сеуле работает Центр «зеленых» технологий, который вносит огромный вклад в разработку национальных программ их развития и диффузии. К 2020 г. Южная Корея планирует войти в первую семерку стран с «зеленой» энергетикой, а к 2050 г. — перейти на самообеспечение страны электроэнергией [10].

Гонконг известен всему миру как один из крупнейших коммерческих и финансовых центров Юго-Восточной Азии (третий финансовый центр мира, по данным *Global Financial Centers Index* 23 [20, р. 4]). Здесь активно развивается сфера услуг, вклад которой в ВВП в период с 2006 по 2015 г. варьировался от 91,8 до 93,1 % [16, р. 18]. Гонконг является идеаль-

ным местом для ведения бизнеса, привлекая инвесторов низким налогообложением, отсутствием тарифов, квот и валютного контроля.

По данным глобального инновационного индекса 2017, Гонконг является 16-й инновационной экономикой в мире, заняв 8-е место в субиндексе, описывающем ресурсы, которыми располагает страна, и условия для проведения инноваций, сохраняя высокие позиции по показателям, характеризующим институты (3-е место) и развитость внутреннего рынка (2-е место). К сильным сторонами НИС Гонконга также можно отнести чистый приток иностранных инвестиций к ВВП, экологическую устойчивость, капитализацию рынка, чистый приток прямых иностранных инвестиций как процент к ВВП (занимает 1-е место по данным индикаторам), «высшее образование» — 4-е место и «кредиты» — 3-е место. По субиндексу практических результатов осуществления инноваций Гонконг находится на 25-й строке [22, р. 231].

Слабые стороны национальной инновационной системы Гонконга отражает коэффициент эффективности инноваций (73-е место), а также «экспорт услуг ИКТ» (101-е место), «количество патентных заявок, поданных резидентами в национальное патентное ведомство» (73-е место) и «экспорт креативной продукции, % от общей торговли» (79-е место), невысокий уровень финансирования НИОКР из-за рубежа (56-е место) [21, р. 222; 22, р. 231].

Уже шесть лет Гонконг входит в десятку самых конкурентоспособных стран мира, согласно данным глобального индекса конкурентоспособности 2017—2018, и занимает 6-е место (табл. 4).

Нужно отметить, что Гонконг показывает уверенные результаты по всем показателям и не опускается ниже 33-го места по каждому из них. Сильной стороной, несомненно, является инфраструктура (уже 8 лет сохраняется 1-е место), демонстрирующая отличное качество всех видов путей сообщения, а также линий электропередачи. Финансовый сектор

Таблица 4

Гонконг в глобальном индексе конкурентоспособности 2017—2018

Институты	Инфраструктура	Макроэкономическая стабильность	Здоровье и начальное образование
9	1	6	26
Высшее образование и профессиональная подготовка	Эффективность рынка товаров и услуг	Эффективность рынка труда	Развитость финансового рынка
14	2	4	5
Уровень технологического развития	Размер внутреннего рынка	Развитие бизнеса	Инновационный потенциал
9	33	11	26

Источники: собственная разработка на основе [18].

известен всему миру своей развитостью, надежностью и стабильностью, а рынок труда — гибкостью и эффективностью [20, р. 13, 30].

Глобальный индекс креативности 2015 определил Гонконг на 21-ю позицию с индексом 0,715. По 3Т показателям Гонконг показал следующие результаты: «Технологии» — 32-место (это связано с тем, что, несмотря на 4-ю позицию по количеству патентов (1797 патентов на 1 млн человек), он находится на 36-й позиции по показателю «инвестирование исследований и разработок», уступая Сербии (35-е место) и Польше (34-е место)), «Талант» — 32-е место, «Толерантность» — 30-е место («расовые и этнические меньшинства» — 51-е место) [19, р. 41, 45, 49, 54].

В рейтинге «Инновационный индекс Блумберга» Гонконг занял 37-ю строчку (табл. 5). Следует отметить, что улучшаются показатели производительности (4-е место), патентной активности (29-е место), увеличиваются расходы на исследования и разработки (41-е место), а также доля научного персонала (25-е место) [7].

Гонконг опустился на пять позиций и занял 14-е место в индексе развития сетевого общества городов 2016 (9-е место в 2014 г.). По уровню развития информационно-коммуникационных технологий есть небольшие улучшения, но падение в рейтинге объясняется тем, что ухудшились показатели *TBL*, в основном связанные с экологическим критерием. К примеру, Гонконг показывает хорошие результаты, когда дело касается перевозок, однако существует огромная зависимость от ископаемых видов топлива. Отмечается также гендерное неравенство при трудоустройстве и участии в исследованиях и разработках [11, р. 14].

На рисунке представлена сравнительная характеристика факторов глобального индекса конкурентоспособности для Сингапура, Республики Корея, Тайваня и Гонконга.

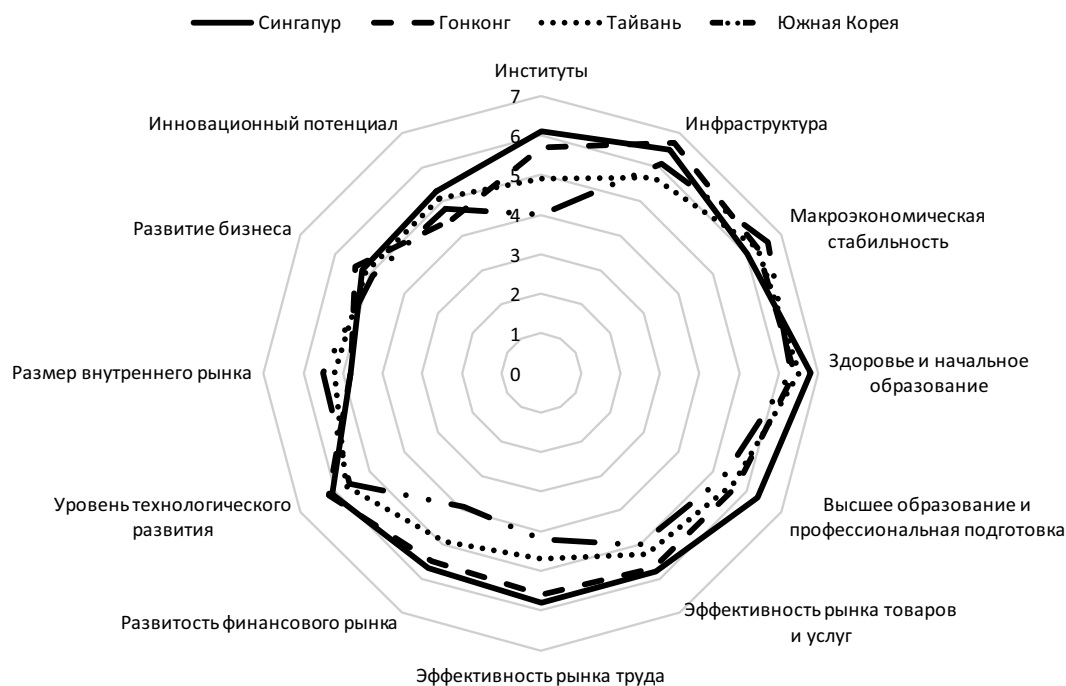
Таким образом, проведенный анализ позволил выделить следующие особенности национальных инновационных систем «азиатских тигров»: 1) развитая инфраструктура, активное использование ИКТ; 2) макроэкономи-

Таблица 5

Гонконг в инновационном индексе Блумберга

Год	Место	Исследования и разработки	Добавленная стоимость производства	Производительность	Высокотехнологичные компании	Эффективность образования	Научный персонал	Патентная активность
2015	34	44	48	—	7	28	27	47
2016	37	43	50	9	18	15	28	45
2017	35	41	50	17	27	29	26	30
2018	37	41	50	4	29	31	25	29

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [4; 7–9].

Результаты глобального индекса конкурентоспособности 2017–2018

И с т о ч н и к: собственная разработка на основе [18].

ческая стабильность; 3) развитость человеческого капитала, высокий уровень образования и медицины; 4) развитость рынка товаров и услуг, высокая степень открытости эконо-

мик, благоприятные условия ведения бизнеса; 5) высокий уровень технологического развития, стимулирование исследований и разработок и коммерциализации инноваций.

Список использованных источников

1. Ботеновская, Е. С. Сравнительный анализ тенденций и особенностей инновационного развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Е. С. Ботеновская [Электронный ресурс] // Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы. — Режим доступа: <http://belisa.org.by/pdf/Publ/Art4_i36.pdf>. — Дата доступа: 01.04.2017.
2. Давыденко, Е. Л. Европейские страны с малой экономикой: особенности внешней торговли и инновационного развития / Е. Л. Давыденко, Е. С. Ботеновская — Минск: БГУ, 2015. — 275 с.
3. Ли Куан Ю. Из третьего мира — в первый. История Сингапура (1965—2000) / Ли Куан Ю; пер. с англ. А. Боня. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. — 576 с.
4. Bloomberg 2015 Innovation Index [Electronic resource] // Bloomberg. — Mode of access: <<https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/>>. — Date of access: 14.03.2017.
5. E-Government Program of Taiwan 2011—2016 [Electronic resource] // National Development Council. — Mode of access: <<https://ws.ndc.gov.tw/Download.ashx?u=LzAwMS9hZG1pbmlzdHJhdG9yLzExL3JlbGZpbGUvNTgxNC82OTEyLzAwNjE3NzkucGRm&n=RS1Hb3Zlcm5tZW50IFByb2dyYWogb2YgVGFPd2FuLnBkZg%3d%3d&icon=.pdf>>. — Date of access: 28.02.2017.
6. Gogoro Smartscooter [Electronic resource] // Gogoro. — Mode of access: <<http://www.gogoro.com/about/>>. — Date of access: 28.06.2018.
7. Jamrisco, M. These Are the World's Most Innovative Economies: Nordic nations dominate the top 15, while South Korea reigns supreme and Russia is dealt a huge blow / M. Jamrisco, Wei Lu [Electronic resource] // Bloomberg. — Mode of access: <<https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-01-17/sweden-gains-south-korea-reigns-as-world-s-most-innovative-economies>>. — Date of access: 14.03.2017.
8. Jamrisco, M. These Are the World's Most Innovative Economies: South Korea dominates the index, with Germany and Sweden taking silver and bronze / M. Jamrisco, Wei Lu [Electronic resource] // Bloomberg. — Mode of access: <<https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-01-19/these-are-the-world-s-most-innovative-economies>>. — Date of access: 14.03.2017.
9. Jamrisco, M. The U.S. Drops Out of the Top 10 in Innovation Ranking / M. Jamrisco, Wei Lu [Electronic resource] // Bloomberg. — Mode of access: <<https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-01-22/south-korea-tops-global-innovation-ranking-again-as-u-s-falls>>. — Date of access: 26.01.2018.
10. Green Policy Map [Electronic resource] // Green Technology Center. — Mode of access: <http://www.gtck.re.kr/frt/center/en/policy/green_policy_map.do>. — Date of access: 28.02.2017.
11. Main Science and Technology Indicators. Vol. 2018/1 [Electronic resource] // OECD. — Mode of access: <https://read.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/main-science-and-technology-indicators/volume-2018/issue-1_msti-v2018-1-en#page3>. — Date of access: 30.08.2016.
12. Networked City Index, 2016 Edition [Electronic resource] // Ericsson. — Mode of access: <<https://www.ericsson.com/res/docs/2016-networked-society-city-index.pdf>>. — Date of access: 28.12.2016.
13. Parayil, G. From «Silicon Island» to «Biopolis of Asia». Innovation Policy and Shifting Competitive Strategy in Singapore / G. Parayil // California Management Review. — 2005. — Vol. 47, N 2. — P. 50—73.
14. Results for the 2016 Top 20 Taiwanese Global Brands Announced, ASUS Comes Out on Top for the Fourth Consecutive Year: CTBC Debuts at N 4 [Electronic resource] // Ministry of Economic Affairs. — Mode of access: <http://www.moea.gov.tw/MNS/english/news/News.aspx?kind=6&menu_id=176&news_id=61401>. — Date of access: 28.12.2016.
15. Research Innovation Enterprise 2020 Plan: Winning the Future through Science and Technology [Electronic resource] // National Research Foundation: Prime Minister's Office Singapore. — Mode of access: <<https://www.nrf.gov.sg/docs/default-source/Publications/rie2020-publication-updated.pdf>>. — Date of access: 20.02.2017.
16. Statistical Digest of Services Sector [Electronic resource] // Census and Statistics Department. — Mode of access: <<https://www.statistics.gov.hk/pub/B10800072017AN17B0100.pdf>>. — Date of access: 26.01.2018.
17. The Asia Silicon Valley Development Plan [Electronic resource] // National Development Council. — Mode of access: <http://www.ndc.gov.tw/en/Content_List.aspx?n=90BEB862317E93FC&upn=7B70255F66FB9DF5>. — Date of access: 28.02.2017.
18. The Global Competitiveness Report 2017—2018 [Electronic resource] // World Economic Forum. — Mode of access: <<http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf>>. — Date of access: 31.10.2017.
19. The Global Creativity Index 2015 [Electronic resource] // The Martin Prosperity Institute. — Mode of access: <<http://martinprosperity.org/media/Global-Creativity-Index-2015.pdf>>. — Date of access: 05.03.2017.
20. The Global Financial Centers Index 23, March 2018 [Electronic resource] // Long Finance. — Mode of access: <<http://www.longfinance.net/Publications/GFCI23.pdf>>. — Date of access: 24.03.2018.
21. The Global Innovation Index 2016: Winning with Global Innovation [Electronic resource]. — Mode of access: <<https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/gii-full-report-2016-v1.pdf>>. — Date of access: 28.09.2018.
22. The Global Innovation Index 2017: Innovation Feeding the World [Electronic resource] // Global Innovation Index. — Mode of access: <<https://www.globalinnovationindex.org/gii-2017-report>>. — Date of access: 15.06.2017.
23. World Economic Outlook, April 2018: Cyclical Upswing, Structural Change [Electronic Resource] // International Monetary Fund. — Mode of access: <<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2018/03/20/world-economic-outlook-april-2018>>. — Date of access: 28.09.2018.

Статья поступила в редакцию в июне 2018 г.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Наталья Казарина

В статье представлен терминологический анализ международного научно-технического сотрудничества с позиции международного подхода, правового подхода и авторских определений различных исследователей. Международное научно-техническое сотрудничество с позиции международного подхода рассматривается как сотрудничество различных государств, в том числе в лице соответствующих организаций и учреждений, а также их представителей, в контексте научно-технической деятельности, охватывающей, в свою очередь, такие виды деятельности, как научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, научно-техническое образование и подготовку, а также научно-технические услуги. Правовой подход выражается в рассмотрении международного научно-технического сотрудничества в двух плоскостях: как договорно-правовое и как организационно-правовое сотрудничество в сфере науки, техники и технологий. Выявляя вариативность трактовки изучаемого феномена и отмечая акцент дефиниций преимущественно на перечислении основных видов и форм международного научно-технического сотрудничества или на возможностях сбора статистических данных, автор выводит собственное определение международного научно-технического сотрудничества как целостной экономической категории. Данное понятие рассматривается в двух аспектах: международное научно-техническое сотрудничество как система и как процесс.

Ключевые слова: договорно-правовое сотрудничество; концепция научно-технической деятельности; международное научно-техническое сотрудничество; научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы; научно-технические услуги; научно-техническое образование; организационно-правовое сотрудничество.

«International Cooperation in Science and Technology: Terminological Analysis» (Natalia Kazarina)

The article presents the terminological analysis of international cooperation in science and technology from the perspectives of international and legal approach as well as the definitions given by various researchers. International cooperation in science and technology from the perspective of the international approach is viewed as the cooperation of various states, relevant organizations, institutions and their representatives in the context of scientific and technological activities. Such activities include research and experimental development, science and technology education and training, scientific and technological services. The legal approach lies in the interpretation of international cooperation in science and technology from two points of view: as contractual and legal cooperation in the field of science and technology and as organizational and legal cooperation in this field. The author identifies the variability of definitions of the analyzed phenomenon. Their focus is primarily emphasized on enumeration of the main types and forms of international cooperation in science and technology and the possibility of collecting statistical data. The author offers her own definition of international cooperation in science and technology as an entire economic category. The author considers the concept in two aspects: international cooperation in science and technology as a system and as a process.

Keywords: concept of scientific and technological activities; contractual and legal cooperation; international cooperation in science and technology; organizational and legal cooperation; research and experimental development; science and technology education and training; scientific and technological services.

Author:

Kazarina Natalia — post-graduate student of the Department of International Economic Relations of the Faculty of International Relations, Belarusian State University, e-mail: natalya.kazarina@list.ru
Belarusian State University. Address: 4, Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, BELARUS

Автор:

Казарина Наталья Валерьевна — аспирант кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета, e-mail: natalya.kazarina@list.ru
Белорусский государственный университет. Адрес: 4, пр. Независимости, Минск, 220030, БЕЛАРУСЬ

Рецензенты:

Юрова Наталья Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международных экономических отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Ярошевич Вячеслав Иванович — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института трудовых и социальных отношений Международного университета «МИТСО»

В современных условиях развития мировой экономики, характеризующейся глобализацией международных экономических отношений, возрастающей ролью информационно-коммуникационных технологий, ускоренным темпом технологического обновления, усилением влияния научно-технического знания на благосостояние наций, возникает потребность не только специализации на отдельных направлениях научно-технической мысли, но и объединения усилий заинтересованных сторон мирового сообщества для решения научно-технических задач, обмена опытом, поиска нового знания. Фундаментальные и прикладные исследования и разработки требуют существенных вложений финансовых, трудовых ресурсов, материально-технических средств, что ограничивает возможности отдельно взятой страны укреплять свое конкурентное преимущество в научно-технической сфере в одиночку. Рост потребности междисциплинарных исследований, высокая степень неопределенности и риска в получении результатов, стремление минимизировать «дублирование дорогостоящих исследований», необходимость увеличения скорости передачи технологий [10, с. 211] способствуют углублению взаимодействия мирового сообщества в научно-технической сфере. В дополнение к вышеперечисленному ряд научно-технических проблем, преимущественно социально-экономической ориентации (продовольственная проблема, освоение космоса, сохранение качества окружающей среды и т. д.), имеет общемировое значение, что приводит к необходимости объединения усилий государств для их решения.

На сегодняшний день вопросы международного научно-технического сотрудничества находятся под пристальным вниманием ряда зарубежных и отечественных ученых. Так, К. А. Задумкин, С. В. Терехова, В. В. Гончаров, В. А. Колотухин, Д. В. Никеев акцентируют внимание на региональном аспекте международного научно-технического сотрудничества (на примере Северо-Западного федерального округа Российской Федерации и Республики Беларусь) [13]. К. И. Плетнев изучает вопросы международного научно-технического сотрудничества в целом и применительно к Российской Федерации в частности [22]. С. В. Сенцов анализирует трансформацию международного научно-технического сотрудничества в условиях глобализации и предпосылки интеграции в него России [25]. Ю. Юнг рассматривает особенности международного сотрудничества в области исследований и разработок среди ученых в Китае и Южной Корее [29]; Д. Зонненвальд изучает научное сотрудничество [38]; характеристика показателей международного научно-технического сотрудничества дается в научных трудах М. Липсетта и Дж. Холбрука [31], а также Р. Сарвара и С. Хассана (библио-

метрический анализ) [37]. С позиции правового регулирования анализируется международное научно-техническое сотрудничество в научных трудах Л. А. Гумерова [4], А. В. Дик и Е. А. Гуринов оценивают развитие Республики Беларусь в научно-технической и инновационной сферах на основе международных рейтингов и т. д. [6].

В качестве начальной точки организованного взаимодействия международного сообщества в научно-технической сфере можно считать первую научную конференцию Организации Объединенных Наций по сохранению и использованию ресурсов 1949 г. (*United Nations Scientific Conference on the Conservation and Utilization of Resources*) [30], на которой, однако, непосредственно не затрагивались вопросы политики в научно-технической сфере, а происходил обмен мнениями и опытом в рамках научных компетенций ученых. На Конференции Объединенных Наций по науке и технике в интересах наименее развитых регионов (*United Nations Conference on Science and Technology for the Benefit of Less-Developed Areas*), проходившей в Женеве в 1963 г. [30], вопросы научно-технической политики в целях развития впервые были поставлены на повестке дня в качестве основных. Активный интерес к проблематике международного сотрудничества в сфере науки, техники и технологий в тот период во многом был вызван научно-техническим прогрессом в целом и на данный момент научно-технической революцией в частности, поставившей во главу угла науку и превратившей ее в один из драйверов развития мировой экономики, а научно-техническую деятельность — в ключевую движущую силу экономического роста и социально-экономического развития всех групп стран [33, р. 10].

Примечательным является тот факт, что, несмотря на более чем 60-летнюю историю развития, терминологическая база международного научно-технического сотрудничества не получила должного освещения. В силу своей комплексности и сложности измерения международного научно-технического сотрудничества в плане определения представляет собой одну из нерешенных методологических задач. Приоритет отдается трактовке либо с позиции перечисления основных форм и видов международного научно-технического сотрудничества, либо с учетом статистических потребностей: определению поддается то, что может быть учтено (индикаторы входа и выхода процесса взаимоотношений в сфере науки, техники и технологий). При этом характеристика международного научно-технического сотрудничества как целостной экономической категории отсутствует, что обуславливает актуальность исследуемой проблематики.

Необходимость развивать международное научно-техническое сотрудничество, а следовательно, и разбираться в экономических,

правовых, филологических особенностях представленного феномена отражена в законодательстве Республики Беларусь. Так, в главе 5 Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь до 2030 года находим обращение к научно-техническому потенциалу устойчивого развития. Пункт 5.2, в частности, гласит: «Развитие научной сферы будет направлено на <...> расширение международного научно-технического сотрудничества» [15, с. 47]. Одним из основных «направлений развития научно-технического потенциала применительно к среднесрочному периоду» в пункте 5.2 относится, помимо всего прочего, «интеграция в мировую систему научных исследований и разработок, развитие передовых форм региональной и глобальной научной кооперации» [15, с. 50]. В пункте 8.5 Национальной стратегии социально-экономического развития Республики Беларусь отмечается, что «существенным фактором устойчивого развития должно стать углубление трансграничного сотрудничества во всех сферах торгово-экономической, научно-технической и природоохранной деятельности» [15, с. 135].

Развитие международного научно-технического сотрудничества включено в состав основных направлений государственной инновационной политики Республики Беларусь на 2016—2020 годы, согласно Указу Президента Республики Беларусь «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016—2020 годы» [19]. К документам, затрагивающим в той или иной степени аспекты и вопросы международного научно-технического сотрудничества, относятся законы Республики Беларусь «Об основах Государственной научно-технической политики» [16], «О международных договорах Республики Беларусь» [20], постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Положения о научно-технических проектах, выполняемых в рамках международных договоров Республики Беларусь» [18] и др. Вместе с тем единого документа, охватывающего такой феномен, как международное научно-техническое сотрудничество, в Республике Беларусь нет [14].

Цель данной статьи — раскрыть содержание понятия «международное научно-техническое сотрудничество» через различные подходы.

В качестве основных подходов для раскрытия понятия «международное научно-техническое сотрудничество» автором выбраны международный подход в рамках Концепции научно-технической деятельности, правовой подход и авторские определения различных исследователей. Исходной базой исследования послужили материалы международных организаций, а также научные труды зарубежных ученых.

Первый подход заявлен автором как международный в силу своего отражения в официальных документах. При этом допускается, что международное научно-техническое сотрудничество представляет собой в том числе сотрудничество государств в лице различных организаций и учреждений, а также их представителей по поводу научно-технической деятельности, что оправдывает соотнесение вышеуказанных понятий. При этом, с экономической точки зрения, важным представляется не столько сама научно-техническая деятельность (включающая в том числе научную деятельность), сколько научно-технические (включая научные) результаты, цель создания которых и преследуют заинтересованные субъекты в рамках своего взаимодействия.

Согласно Закону Республики Беларусь «О ратификации Соглашения о порядке привлечения научно-исследовательских организаций и специалистов государств — участников Содружества Независимых Государств к выполнению национальных научно-технических программ» «научный и/или научно-технический результат» — «продукт научной или научно-технической деятельности, содержащий новые научные знания или решения об объекте исследования, зафиксированные на любом информационном носителе» [21].

В отношении международного научно-технического сотрудничества научно-техническими (в том числе научными) результатами выступают созданные совместными силами с представителями иностранных государств разнообразные виды научно-технической продукции. В постановлении Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь «Об утверждении Методических рекомендаций по расчету удельного веса отгруженной инновационной продукции организациями строительной отрасли, основным видом деятельности которых является производство промышленной продукции» к научно-технической продукции относятся «научная продукция, конструкторская и технологическая документация, программные средства, сопроводительная документация, модели, макеты, опытные образцы изделий, материалов, веществ, нормативные документы» [17]. В то же время в том же документе «к научной продукции относятся результаты исследований, содержащихся в отчетах о НИР, докладах, описаниях, монографиях и других печатных изданиях» [17]. При этом «определяющим свойством научно-технической продукции является возможность последующего вовлечения в товарный оборот или производственный цикл» [11].

Научно-техническая (в том числе научная) продукция, которая была проведена через определенные организационные и правовые рамки и получила правовую охрану, относится уже к объектам интеллектуальной собствен-

сти, которые могут подлежать распределению, обмену и потреблению на рынке научно-технической продукции. Вместе с тем проанализировать сам процесс производства научно-технических результатов возможно лишь через раскрытие понятия научно-технической деятельности.

Международный подход в рамках Концепции научно-технической деятельности предполагает детализацию категориального аппарата научно-технической деятельности с точки зрения статистики, что подразумевает в первую очередь не «концептуализацию конкретной системы», а применимость понятия для сбора статистических данных, гармонизированных и сопоставимых на международном уровне [26, с. 5–6]. Концепцию научно-технической деятельности можно встретить в следующих документах и разделах документов ЮНЕСКО: «Рекомендация о международной стандартизации статистики в области науки и техники» (*Recommendation concerning the International Standardization of statistics on Science and Technology*, 1978) [36] и «Руководство ЮНЕСКО по статистике в области научно-технической деятельности» (*Manual for Statistics on Scientific and Technological Activities, United Nations educational, scientific and cultural organization, Division of Statistics on Science and Technology, Office of Statistics*, 1984) [32].

В октябре 2017 г. на обсуждение был вынесен проект документа ЮНЕСКО («Измерение услуг в области науки и техники: проект документа для обсуждения» = «*Measuring Scientific and Technological Services (STS): Draft Paper for Consultation*») [33]. Значительный вклад в понимание научно-технической деятельности и ее составляющих внесла Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), выпустив, начиная с 1963 г., серию руководств и рекомендаций, большая часть из которых известна под обобщающим названием «Семейство Фраскати» (табл. 1).

Так, Концепция научно-технической деятельности акцентирует внимание на составляющих научно-технической деятельности. Научно-техническая деятельность, в свою очередь, определена в руководстве ЮНЕСКО как систематическая деятельность, тесно связанная с генерацией, развитием, распространением и применением научно-технического знания во всех областях науки и техники: в естественных, прикладных, технических, медицинских и сельскохозяйственных науках, а также в социальных и гуманитарных науках [32]. При этом научно-техническая деятельность охватывает следующие виды деятельности: НИОКР (англ. *research and experimental development, R&D*), научно-техническое образование и подготовку (подразумевается тре-

Таблица 1
Семейство Фраскати (серия: Измерение научно-технической деятельности)

Предмет измерения	Руководство	Перевод названия
НИОКР (исследования и разработки)	Frascati Manual: Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development (OECD, 2015 [1963]). R&D Statistics and Output Measurement in the Higher Education Sector. « Frascati Manual Supplement » (OECD, 1989)	Руководство Фраскати: Предлагаемая стандартная практика для обследований исследований и экспериментальных разработок (ОЭСР, 2015, 1-е изд. — 1963). Статистика в области НИОКР и измерение результатов в секторе высшего образования. Дополнение к Руководству Фраскати (ОЭСР, 1989)
Баланс платежей за технологии	Proposed Standard Method of Compiling and Interpreting Technology Balance of Payments Data — TBP Manual (OECD, 1990)	Предлагаемый стандартный метод сбора и интерпретации данных о технологических платежных балансах (ОЭСР, 1990)
Инновации	OECD Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data — Oslo Manual (OECD, 2005 [1997])	Предлагаемые методические рекомендации ОЭСР по сбору и анализу данных о технологических инновациях — Руководство Осло (3-е изд. — 2005, 1-е изд. — 1997)
Патенты	Using Patent Data as Science and Technology Indicators — Patent Manual (OECD, 1994)	Руководство по использованию патентных данных в качестве показателей науки и техники — Патентное руководство (ОЭСР, 1994)
Научно-технический персонал	The Measurement of Human Resources Devoted to Science and Technology — Canberra Manual (OECD, 1995)	Измерение человеческих ресурсов в сфере науки и техники — Руководство Канберры (ОЭСР, 1995)

Источники: [3; 7, с. 27; 35, p. 16].

тичное образование [12, с. 46] в соответствии с Международной стандартной классификацией образования Института статистики ЮНЕСКО) (англ. *S&T education and training at broadly the third level*), научно-технические услуги (англ. *scientific and technological services, STS*) [36] (рис. 1).

ЮНЕСКО и ОЭСР солидарны в вопросе определения НИОКР. Так, в соответствии с международным стандартом ОЭСР, Руководством Фраскати НИОКР (экспериментальные разработки) включают творческую работу, проводимую на систематической основе в целях увеличения объема знаний, в том числе знаний о человеке, культуре и обществе, а также для поиска (разработки) новых применений имеющихся знаний [28, р. 44].

При этом термин НИОКР охватывает три вида активности: фундаментальные исследования, прикладные исследования и экспериментальные разработки [28, р. 45] («опытно-конструкторские разработки» [23, с. 4], по данным русскоязычной версии руководства по заполнению Вопросника по статистике научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Института статистики ЮНЕСКО). Детализация данных видов активности представлена в том числе и в учебном материале для семинаров по созданию потенциала «Статистика в области науки, техники и инноваций» Института статистики ЮНЕСКО [26, с. 10–11]. Так, фундаментальные исследования представляют собой «экспериментальную или теоретическую деятельность, направленную в основном на получение новых знаний основополагающего характера о явлениях и наблюдаемых фактах, без специальных планов их практического применения» [26, с. 10]; прикладные исследования являют собой «оригинальные изыскания, предпринятые в целях получения новых знаний» и направленные «главным образом на достижение конкретных практических целей или получение конкретных результатов» [26, с. 10]. В свою очередь, опытно-конструкторские разработки представляют собой «систематическую деятельность, опирающуюся на существующие знания, полученные в результате исследований и/или практического опыта, направленную на производство новых материалов, продуктов или устройств для внедрения новых процессов, систем и услуг или на значительное усовершенствование уже существующих или внедренных» [26, с. 10–11].

Среди критериев, определяющих НИОКР, выделяются:

- новизна (нацеленность на новые открытия). Для НИОКР характерна ориентация на достижение конкретных или общих целей, при этом акцент ставится на новых результатах;
- креативность (базирование на оригинальных, неочевидных предположениях, концепциях и гипотезах и их интерпретациях);

- неопределенность в отношении конечного результата (как минимум количества времени и иных ресурсов, необходимых для достижения результата);

- систематичность (исследования и разработки проводятся в плановом порядке с ведением записей как процесса, так и результата. Более того, ведение НИОКР является запланированным и расписанным с точки зрения бюджета, даже если оно осуществляется отдельными индивидами, а не научными коллективами) [28, р. 45–48];

- возможность передачи и воспроизведения (кодификация знаний и их распространение, обеспечение использования и предоставление другим исследователям возможности воспроизводить результаты в рамках своих собственных исследований и разработок, учитывая ограничения знаний, возникающие в случае работы по контракту или в рамках совместной работы) [28, р. 45, 48].

Определение научно-технических услуг (НТУ), в свою очередь, впервые встречается в документах ЮНЕСКО 1978 и 1984 гг., где основной акцент ставился на прямой или косвенной связи НТУ с НИОКР. При этом определение звучало следующим образом: научно-технические услуги (*scientific and technological services (STS)*) могут быть определены как любая деятельность, связанная с научными исследованиями и экспериментальными разработками (НИОКР) и способствующая созданию, распространению и применению научно-технических знаний [32, р. 30]. Отличием от НИОКР при этом выступал факт отсутствия характера инноваций. НТУ включали девять тематических групп, охватывающих научно-технические услуги, предоставляемые библиотеками, музеями, сбор информации для целей текущей статистики, патентно-лицензионную деятельность и др. [32, р. 31–33]. В дальнейшем ЮНЕСКО, спустя более чем 30 лет, разместила для обсуждения проект документа по измерению научно-технических услуг, в котором дефиниция НТУ давалась в более расширенном виде, включая не только прямо или косвенно связанные с НИОКР, но и иные виды деятельности, которые играют ключевую роль в поддержке или усилении желаемых результатов научно-технической сферы на формальной и систематической основе, но не сопряженные с НИОКР [33, р. 12]. Вместе с тем, даже будущи связанными с НИОКР, научно-технические услуги представляют широкий охват видов деятельности, некоторые из которых непосредственно поддерживают НИОКР в плане предоставления необходимых ресурсов (например, управление грантами) или технических знаний (например, рутинное тестирование или сбор данных), другие более косвенно отражаются на НИОКР, способствуя распространению результатов проведенных до этого исследований (библиотеки, музеи и т. д.) [33, р. 14]. Для отделе-

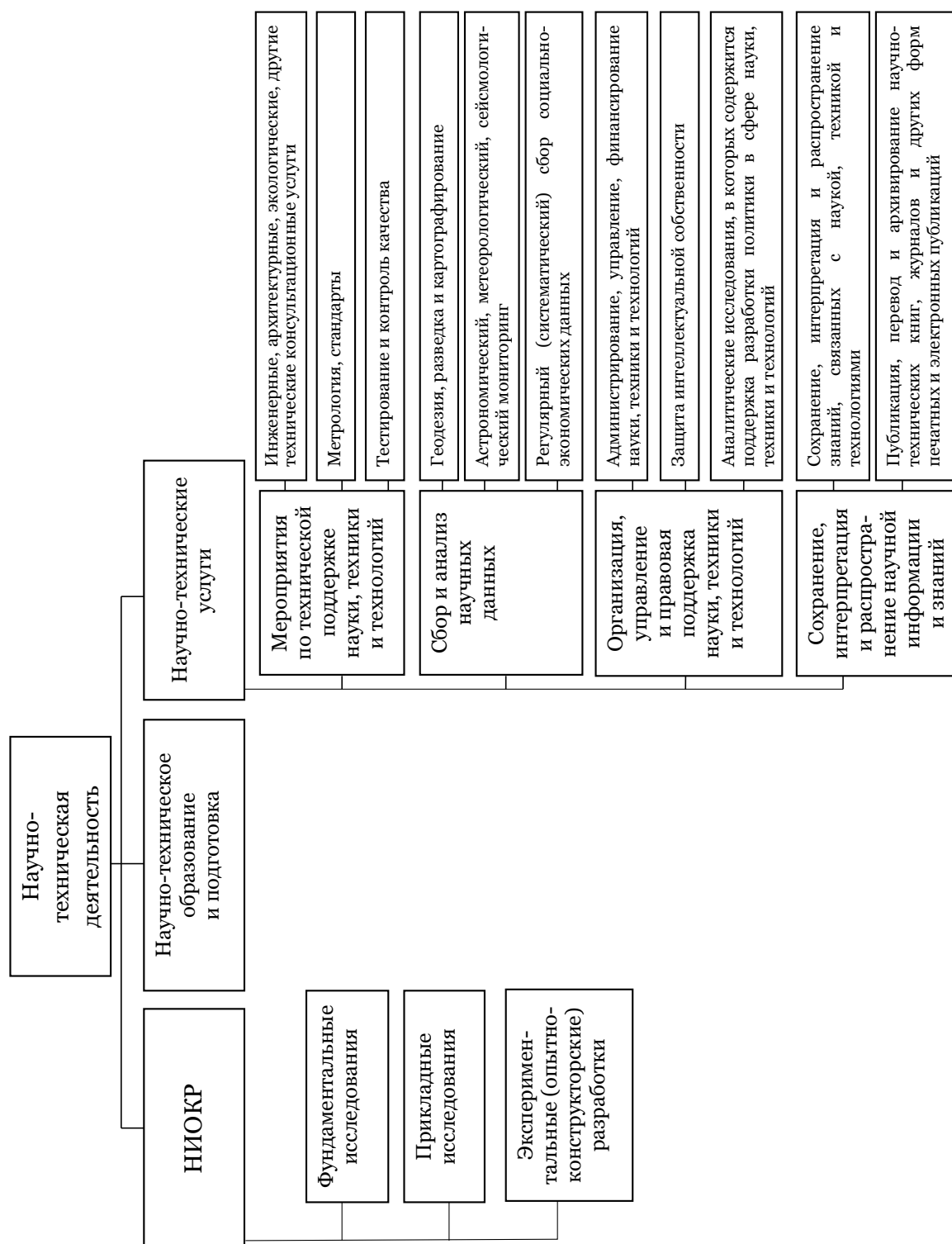

Рис. 1. Составляющие научно-технической деятельности

Источники: составлено автором по данным [28; 33, р. 19; 36].

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ния научно-технических услуг от иных видов научно-технической деятельности ЮНЕСКО в проекте документа 2017 г. предлагает рассматривать НТУ с трех позиций: 1) НТУ и наука как субъект (речь идет о наборе мероприятий, связанных с систематическим сбором, каталогизацией, сохранением, продвижением и распространением научной информации. Эти мероприятия проводятся специализированными учреждениями, чаще всего в государственном секторе, но также в секторе высшего образования, предпринимательском и частном неприбыльном секторах); 2) НТУ и наука как метод (акцент на видах деятельности, использующих научные методы, но не обладающих новизной и креативностью для включения в перечень НИОКР, например, рутинная деятельность по сбору, обработке и анализу информации, не опирающаяся на новые методы исследований, а также вспомогательная для НИОКР деятельность (рутинное тестирование или настройка технических стандартов)); 3) НТУ с точки зрения поддержки инфраструктуры для науки, техники и технологий (по сути это мероприятия административного или юридического характера, которые создают рамочные условия для научно-технической деятельности, в том числе играют важную роль в разработке политики в сфере науки, техники и технологий) [33, р. 15–16]. Как следствие, ЮНЕСКО определяет научно-технические услуги в 2017 г. как виды деятельности, которые способствуют созданию, распространению и применению научно-технических знаний во всех областях, включая те мероприятия (виды деятельности), которые прямо или косвенно поддерживают НИОКР, но находятся вне границ таких работ [33, р. 16]. ЮНЕСКО предлагает классификацию из четырех тематических групп, охватывающих мероприятия по технической поддержке науки, техники и технологий; сбор и анализ научных данных; организацию, управление и правовую поддержку науки, техники и технологий; сохранение, интерпретацию и распространение научной информации и знаний [33, р. 19].

Следует отметить, что ЮНЕСКО использует аббревиатуру *S&T*, что дословно переводится на русский язык как наука и технологии (*science and technology*). При этом общепринятым в англоязычном сообществе является сочетание «*international collaboration/cooperation in S&T (science and technology)*» — международное сотрудничество в сфере науки и технологий. Общепринятым на территории русскоязычных стран (Российская Федерация, Республика Беларусь, ранее — СССР) является употребление терминов «научно-техническое сотрудничество» (акцент на технике). В подтверждение обратимся к разноязычным версиям официального документа на сайте ЮНЕСКО (Акты двадцатой сессии Генеральной конференции, Париж 24 октября — 28 ноября 1978 г.: приложение 1 к резолюции в англоязычном варианте

озаглавлено как «*Recommendation concerning the International Standardization of Statistics on Science and Technology*» [36], русскоязычная версия выглядит следующим образом «Рекомендация о международной стандартизации статистики в области науки и техники»).

Е. В. Семёнов подтверждает смешение понятий, объясняя это во многом сложившейся традицией словоупотребления. Ученый рассуждает об этимологии понятий, связывая маркер «научно-технический» с объединенным комплексом «наука—техника», что, в свою очередь, подразумевало бы аналогичным образом происхождение маркера «научно-технологический» от комплекса «наука—технология». Но, как заявляет сам ученый, «такого комплекса, физически отделимого от комплекса наука—техника, строго говоря, нет... Это одна и та же система, один и тот же объект, в котором можно видеть научно-технический и научно-технологический аспекты, научно-техническую и научно-технологическую составляющие» [24, с. 86]. Причем еще для советской практики (а в настоящее время для русскоязычных стран) было характерно использование научно-технической словоформы, тогда как западная традиция более акцентировала научно-технологическую, при этом в советское время понимание техники в широком смысле слова как раз и охватывало систему «техника—технология». Е. В. Семёнов увязывает некоторую путаницу с «вопросом определений», т. е. что понимается под тем или иным термином, выявляя разграничение акцентов либо на технологии (что в настоящее время более, по мнению ученого, увязывается с возросшей ролью технологий в рамках «глобального информационного общества»), либо на технике. В любом случае и научно-технический, и научно-технологический термины охватывают расширительное толкование системы «техника—технология» [24, с. 86]. Ученый выводит и авторское определение науки как «особого вида и особой сферы интеллектуального производства, связанных с генерированием, проверкой и систематизацией объективного знания о действительности»; техники как «совокупности специально произведенных сложных средств человеческой деятельности, представленных разнообразными механизмами, машинами, устройствами»; технологии как «способа деятельности, характеризующегося определенной конфигурацией выполняемых операций и определенной композицией используемых ресурсов» [24, с. 87–89]. Тем самым он объединяет все три составляющие в следующем виде: «Процесс генерирования знаний продолжается в процессе воплощения (опредмечивания) знаний в технике, а также в процессе их воплощения в технологиях, т. е. в целом в средствах и способах деятельности, которые, в свою очередь, сопряжены друг с другом» [24, с. 89].

В данной статье все используемые синонимичные понятия подразумевают объединенный маркер «наука, техника и технологии». При этом из данного контекста исключаются инновации, предполагающие главенствующую роль вопросов коммерциализации. Более того, в статье в качестве взаимозаменяемых понятий используются следующие словосочетания: «научно-техническое сотрудничество» и «сотрудничество в сфере науки, техники и технологий».

Возвращаясь к третьему компоненту научно-технической деятельности — научно-техническому образованию и обучению, следует отметить, что определение данного вида деятельности было дано в Руководстве ЮНЕСКО по статистике в области научно-технической деятельности 1984 г. и с тех пор не подлежало изменению, хотя планы у ЮНЕСКО на корректировку дефиниции в ближайшее время имеются [33, р. 3].

Так, научно-техническое образование и обучение (подразумевается третичное образование) (*scientific and technological education and training at broadly the third level*), в соответствии с руководством ЮНЕСКО [32, р. 30], может быть определено как все виды деятельности, включающие специализированное неуниверситетское высшее образование и профессиональную подготовку, высшее образование и профессиональную подготовку, ведущие к получению университетского диплома, аспирантуру и переподготовку, а также организованное повышение квалификации для ученых и инженеров [26, с. 10]. В соответствии с Международной стандартной классификацией образования (МСКО) научно-техническое образование и обучение соответствуют 5–7-му уровням редакции 1976 г. (действовавшей на момент написания руководства) [32, р. 30] и, соответственно, 5–6-му уровням редакции 1997 г. [26, с. 11] и 5–8-му уровням редакции 2011 г. Согласно последней 5-й уровень подразумевает «программы короткого цикла третичного образования (не менее двух лет)»; 6-й уровень — «программы первой степени бакалавриата или его эквивалент (от трех до четырех лет)», а также «долгосрочные программы первой степени бакалавриата или его эквивалент (более четырех лет)»; 7-й уровень — «долгосрочные программы первой степени магистратуры или ее эквивалент (не менее пяти лет)» [12, с. 46], 8-й уровень — докторантура или ее эквивалент» (не менее 3 лет очно) [12, с. 59–60].

Детально остановившись на международном подходе в рамках Концепции научно-технической деятельности, не следует забывать о возможности рассмотрения международного научно-технического сотрудничества с позиции правового подхода и авторских определений.

Правовой подход применим во многом по той причине, что за сотрудничеством закреплена роль одного из принципов международ-

ного права. Основными источниками принципа сотрудничества государств мира выступают Устав Организации Объединенных Наций [27], а также Декларация о принципах международного права, касающаяся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН (принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 г.) [5].

Правовой подход наиболее близок к систематической парадигме отображения международного научно-технического сотрудничества. Систематическая парадигма, обозначенная в статье М. Липсетта и Дж. Холбрука, акцентирует внимание на соглашениях о сотрудничестве (по сути, сводя оценку международного научно-технического сотрудничества к рассмотрению сделок), которые могут принимать различные формы и иметь множество измерений, в частности: а) выражение намерения (с дальнейшим обсуждением деталей); б) подробные соглашения на покупку/продажу или совместную работу над чем-либо, в том числе акцентирующие внимание на том, как стороны соглашения будут действовать, как будут разрешаться споры; в) типы соглашений (двусторонние соглашения (от страны к стране), многосторонние соглашения (включая интеграционные объединения)); г) стороны соглашений: государственные организации (как правило, не исполнители), бизнес-предприятия [31, р. 7].

В соответствии с правовым подходом целесообразным видится рассмотрение международного научно-технического сотрудничества в двух плоскостях: как договорно-правовое и как организационно-правовое сотрудничество в сфере науки, техники и технологий (рис. 2).

Договорно-правовое сотрудничество, как видно из названия, подразумевает распространение много- и двусторонних договоров, различающихся по ряду критериев, таких как круг участников, предмет соглашения и т. д. В свою очередь, многосторонние договоры подразделяются на универсальные договоры, охватывающие подавляющее большинство стран мира, и региональные, ограничивающиеся определенным географическим регионом [9, с. 20–21].

В то же время организационно-правовое (институциональное) сотрудничество обладает четкой иерархией. Более высокий уровень закреплён за международными организациями (форма реализации международного научно-технического сотрудничества), более низкий — за программами в рамках созданных международных организаций.

Следует отметить, что определение международного научно-технического сотрудничества с позиции правового подхода будет ограничено рамочными условиями, которые определяют возможность и подтверждают желание сотрудничать в сфере науки, техники и технологий на мировой арене. Вместе с

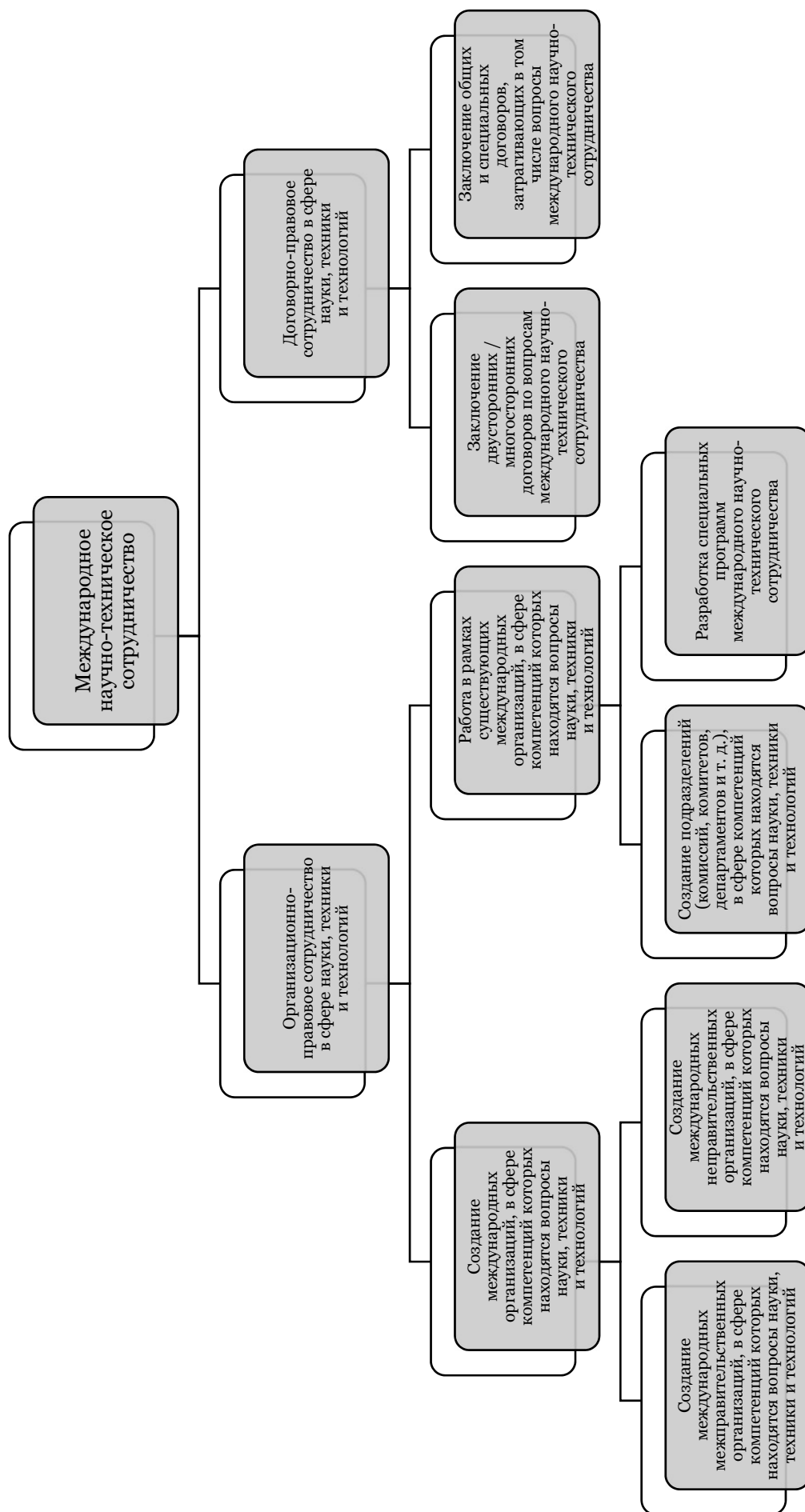

Рис. 2. Составляющие международного научно-технического сотрудничества: правовой подход

Источники: разработка автора.

тем не все отношения, возникающие по поводу международного научно-технического сотрудничества, могут быть охвачены правовым аспектом. Взаимодействия ученых различных государств, выражающиеся в итоге в совместных проектах, соавторских публикациях и т. д., в своей основе более ориентированы на сложившиеся личные контакты и устойчивость коммуникации в длительный период времени, чем на договоры о сотрудничестве.

Авторские подходы в этом смысле более вариабельны, однако и они обнаруживают некоторое несовершенство категориального аппарата. Значительная часть определений международного научно-технического сотрудничества ограничивается перечислением основных видов и форм указанного сотрудничества, упуская из виду сам процесс взаимодействия и обусловившие его причины (табл. 2). Более того, различные ученые используют

разные словосочетания (научно-техническая интеграция, международное сотрудничество в сфере науки и технологий, международное научное сотрудничество, международное сотрудничество в области исследований) для объяснения по сути одного и того же явления — международного научно-технического сотрудничества. В данной статье сохранены авторские словосочетания синонимичных понятий с целью показать отсутствие сколь бы то ни было фиксированного понятийного аппарата.

Обобщая все вышесказанное, сформулируем собственное определение международного научно-технического сотрудничества и представим его в двух аспектах: международное научно-техническое сотрудничество как система и как процесс.

С одной стороны, международное научно-техническое сотрудничество — это система отношений субъектов мировой экономики и

Таблица 2

**Определение международного научно-технического сотрудничества:
авторские подходы**

Авторы (источники)	Термин	Определение
А. П. Белов [см.: 8, с. 23]	Международное научно-техническое сотрудничество	Совместная разработка научно-технических проблем, взаимный обмен научными достижениями, производственным опытом и подготовка квалифицированных кадров
А. Н. Быков [2, с. 14]	Научно-техническая интеграция социалистических стран	Объективный процесс сближения, взаимодополнения и кооперирования научно-технических потенциалов социалистических стран, планомерно регулируемый и сознательно используемый ими в целях наиболее эффективного овладения достижениями научно-технической революции и их практического применения в социалистическом и коммунистическом строительстве
О. Н. Болычев, К. Ю. Волошенко [1, с. 26]	Международное научно-техническое сотрудничество	Взаимодействие стран в сфере науки, техники и технологий при осуществлении совместной научной и научно-технической деятельности, направленной на разработку и решение научно-технических проблем, обмен научными результатами и производственным опытом
М. Липсетт, Дж. Холбрук [31]	Международное сотрудничество в сфере науки и технологий	Обмен научными и технологическими знаниями между представителями государственного и частного секторов одного или нескольких государств в рамках двусторонних соглашений по вопросам обмена знаниями
К. Вагнер [39, р. 11]	Международное сотрудничество в сфере науки и технологий	Международное сотрудничество в сфере науки и технологий осуществляется в тот момент, когда исследователь или группа исследователей, имеющих одну национальность, но проживающих в разных странах, работают вместе
Ю. Юнг [29, р. 235]	Международное научное сотрудничество	Международное научное сотрудничество определяется как доля статей, опубликованных вместе, по крайней мере, с одним автором из другой страны в любой точке мира
Отчет Австралийской гуманитарной академии [34]	Международное сотрудничество в области исследований	Международное сотрудничество в области исследований происходит там, где исследователи и исследовательские организации взаимодействуют друг с другом для взаимной поддержки и вклада в проведение исследований. Это может происходить как ответ на политику «сверху-вниз» или как результат инициатив, исходящих от исследователей

Источники: составлено автором по данным [1, с. 26; 2, с. 14; 8, с. 23; 29, р. 235; 31; 34; 39, р. 11].

трансграничных отношений хозяйствующих субъектов национальных экономик по поводу научно-технической деятельности.

При этом международное научно-техническое сотрудничество осуществляется на различных иерархических уровнях (межгосударственном, региональном и национальном) и включает совместное с иностранными и международными учреждениями и организациями осуществление научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, подготовку научно-технических кадров на уровнях третьего образования и предоставление научно-технических услуг, а также охватывает правовое регулирование данной системы взаимоотношений через организационно-правовое (институциональное) и договорно-правовое сотрудничество в сфере науки, техники и технологий. Организационно-правовое (институциональное) сотрудничество подразумевает функционирование международных организаций и участие стран в работе существующих международных организаций, в сфере компетенций которых находятся вопросы науки, техники и технологий. Договорно-правовое сотрудничество охватывает процесс заключения двусторонних/многосторонних договоров по вопросам международного научно-технического сотрудничества.

С другой стороны, международное научно-техническое сотрудничество — это процесс взаимодействия через государственные

границы институтов государственной власти, научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений, субъектов хозяйствования и отдельных исследователей и ученых, направленный на создание, развитие, распространение и применение научно-технического знания во всех областях науки и техники для решения научно-технических проблем и обмена научно-техническими достижениями.

Таким образом, в статье раскрыто содержание международного научно-технического сотрудничества в рамках международного подхода в контексте научно-технической деятельности, охватывающей, в свою очередь, такие виды деятельности, как НИОКР, научно-техническое образование и подготовку, а также научно-технические услуги. В рамках правового подхода сделан акцент на изучении международного научно-технического сотрудничества в двух плоскостях: как договорно-правовое и как организационно-правовое сотрудничество в сфере науки, техники и технологий. Приведенные примеры определений различных исследователей отражают вариативность изучаемого явления, а также позволяют понять виды и формы международного научно-технического сотрудничества. Сформулированное по результатам анализа авторское определение трактует международное научно-техническое сотрудничество в двух аспектах: как систему и как процесс.

Список использованных источников

1. Болычев, О. Н. Межорганизационные сетевые взаимодействия как определяющая форма научно-технического и инновационного сотрудничества России и Европейского союза в Балтийском регионе / О. Н. Болычев, К. Ю. Волошенко // Балтийский регион. — 2013. — № 4 (18). — С. 23–39.
2. Быков, А. Н. Научно-техническая интеграция социалистических стран / А. Н. Быков. — М.: Междунар. отношения, 1974. — 192 с.
3. Все ли в науке можно измерить? [Электронный ресурс] // Институт статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики. — Режим доступа: <<https://issek.hse.ru/news/142375314.html>>. — Дата доступа: 16.05.2017.
4. Гумеров, Л. А. Правовое регулирование научно-технического сотрудничества государств — участников СНГ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Л. А. Гумеров; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. — Казань, 2001. — 22 с.
5. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml>. — Дата доступа: 11.11.2016.
6. Дик, А. В. Оценка развития Республики Беларусь в научно-технической и инновационной сферах на основе международных рейтингов / А. В. Дик, Е. А. Гуринов // Проблемы управления. — 2014. — № 2 (51). — С. 52–56.
7. Дроговоз, П. А. Эволюция моделей инновационного процесса и современная классификация инноваций / П. А. Дроговоз // Креативная экономика. — 2007. — № 7. — С. 23–33.
8. Задумкин, К. А. Международное научно-техническое сотрудничество: сущность, содержание и формы // К. А. Задумкин, С. В. Теребова // Проблемы развития территории. — 2009. — № 1. — С. 22–30.
9. Курс международного права. В 7 т. Т. 7. Международно-правовые формы интеграционных процессов в современном мире / М. П. Бардина [и др.]. — М.: Наука, 1993. — 328 с.
10. Ленчук, Е. Б. Международная кооперация и инновации в странах СНГ / Е. Б. Ленчук, Г. А. Власкин. — СПб.: Алетейя, 2011. — 352 с.
11. Лобода, В. А. Средства продвижения научно-технической продукции / В. А. Лобода // Новости науки и технологий. — 2008. — № 1 (7) [Электронный ресурс] // БелИСА. — Режим доступа: <http://www.belisa.org.by/ru/izd/stnewsmag/1_2008/art5_7_2008.html>. — Дата доступа: 02.08.2018.
12. Международная стандартная классификация образования МСКО 2011 [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. — Режим доступа: <<http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002191/219109g.pdf>>. — Дата доступа: 16.02.2018.
13. Международное научно-техническое сотрудничество: региональный аспект (на примере Северо-Западного федерального округа РФ и Республики Беларусь) / К. А. Задумкин [и др.]. — Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. — 154 с.
14. Международное научно-техническое сотрудничество [Электронный ресурс] // Национальный научно-технический портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <<http://scienceportal.org.by/cooperation/legislation/>>. — Дата доступа: 10.02.2018.

15. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Министерство экономики Республики Беларусь. — Режим доступа: <<https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>>. — Дата доступа: 02.04.2018.
16. Об основах государственной научно-технической политики: Закон Респ. Беларусь от 19 янв. 1993 г. № 2105-XII [Электронный ресурс] // Эталон—Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.
17. Об утверждении Методических рекомендаций по расчету удельного веса отгруженной инновационной продукции организациями строительной отрасли, основным видом деятельности которых является производство промышленной продукции: постановление Мин-ва архитектуры и строительства Респ. Беларусь от 27 мая 2011 г. № 31 [Электронный ресурс] // Там же.
18. Об утверждении Положения о научно-технических проектах, выполняемых в рамках международных договоров Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 13 авг. 2003 г. № 1065 [Электронный ресурс] // Там же.
19. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016—2020 годы: Указ Президента Респ. Беларусь от 31 янв. 2017 г. № 31 [Электронный ресурс] // Там же.
20. О международных договорах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-3 [Электронный ресурс] // Там же.
21. О ратификации Соглашения о порядке привлечения научно-исследовательских организаций и специалистов государства — участников Содружества Независимых Государств к выполнению национальных научно-технических программ: Закон Респ. Беларусь от 9 нояб. 1999 г. № 316-3 [Электронный ресурс] // Там же.
22. Плетнев, К. И. Научно-техническая сфера России: проблемы и перспективы / К. И. Плетнев. — М.: Наука, 2011. — 272 с.
23. Руководство по заполнению вопросника по статистике научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) [Электронный ресурс] // Институт статистики ЮНЕСКО. — Режим доступа: <http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/uis_rd_m_2018_ru.pdf>. — Дата доступа: 16.09.2018.
24. Семёнов, Е. В. Научно-технологическая сфера (сфера НИОКТР): способы представления объекта / Е. В. Семёнов // Наука. Инновации. Образование. — 2013. — № 14. — С. 82—98.
25. Сенцов, С. В. Трансформация международного научно-технического сотрудничества в условиях глобализации и предпосылки интеграции в него России: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / С. В. Сенцов. — М., 2006. — 211 л.
26. Статистика в области науки, техники и инноваций: учеб. материал для семинаров по созданию потенциала / Ин-т статистики ЮНЕСКО. — Париж, 2010. — 64 с.
27. Устав ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. — Режим доступа: <<http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>>. — Дата доступа: 11.11.2016.
28. Guidelines for Collecting and Reporting Data on Research and Experimental Development. The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities. Frascati Manual 2015. — Paris: OECD Publishing, 2015. — 402 p.
29. Jung, J. International research collaboration among academics in China and South Korea / J. Jung // International Journal of Chinese Education. — 2012. — N 1. — P. 235—254.
30. Kotchetkov, P. Science and Technology Policy in the United Nations System: a Historical Overview / V. Kotchetkov [Electronic resource] // UNESCO-EOLSS e-Books and Prints Library. — Mode of access: <<http://www.eolss.net/sample-chapters/c15/e1-30-05-10.pdf>>. — Date of access: 24.08.2016.
31. Lipsett, M. S. Reflections on Indicators of International Cooperation in S&T / M. S. Lipsett, J. A. D. Holbrook [Electronic resource] // Simon Fraser University. — Mode of access: <<http://summit.sfu.ca/item/13401>>. — Date of access: 11.05.2017.
32. Manual for Statistics on Scientific and Technological Activities [Electronic resource] // UNESCO Institute for statistics. — Mode of access: <<http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/manual-for-statistics-on-scientific-and-technological-activities-historical-1984-en.pdf>>. — Date of access: 20.05.2017.
33. Measuring Scientific and Technological Services (STS): Draft Paper for Consultation: Doc. UIS/2017/STS/TD/10, October 2017 [Electronic resource] // UNESCO Institute for Statistics. — Mode of access: <<http://uis.unesco.org/sites/default/files/documents/measuring-scientific-technological-services-consultation-2017-en.pdf>>. — Date of access: 01.11.2017.
34. Measuring the Value of International Collaboration: Repot prepared for the Department of Industry and Science, May 2015 [Electronic resource] // Australian Academy of Humanities. — Mode of access: <https://www.humanities.org.au/wp-content/uploads/2017/04/AAH_Measuring-Value-2015.pdf>. — Date of access: 10.03.2018.
35. Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development: Frascati Manual 2002. — Paris: OECD Publishing services, 2002. — 254 p.
36. Records of the General Conference, Twentieth Session. Vol. 1. Resolutions, Paris, 24 October to 28 November 1978 [Electronic resource] // UNESCO. — Mode of access: <<http://unesdoc.unesco.org/images/0011/001140/114032e.pdf#page=188>>. — Date of access: 24.08.2016.
37. Sarwar, R. A bibliometric assessment of scientific productivity and international collaboration of the Islamic World in science and technology (S&T) areas / R. Sarwar, S. U. Hassan // Scientometrics. — 2015. — Vol. 105, N 2. — P. 1059—1077.
38. Sonnenwald, D. H. Scientific collaboration / D. H. Sonnenwald // Annual Review of Information Science and Technology. — 2007. — Vol. 41. — P. 643—681.
39. Suntharasaj, P. Bridging the Missing Link between «Top-down» and «Bottom-up»: a Strategic Policy Model for International Collaboration in Science and Technology: paper 1077 / P. Suntharasaj. — Portland: Portland State University, 2013. — 256 p. [Electronic resource] // Mode of access: <https://pdxscholar.library.pdx.edu/open_access_etds/1077>. — Date of access: 10.03.2018.

Статья поступила в редакцию в мае 2018 г.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию «Журнала международного права и международных отношений»

«Журнал международного права и международных отношений» является научным изданием с периодичностью выпуска 4 раза в год.

Журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим, историческим и экономическим наукам.

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию:

— статью объемом около 10 печатных страниц текста (с учетом списка литературы) (формат страницы — А4, шрифт 12 пт (для компьютера), поля — по 2,5 см с каждой стороны, расстояние между строками — 1,5 интервала). При оформлении статьи автор должен пользоваться **Инструкцией о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации;**

— резюме (краткое содержание) статьи на русском/белорусском языке объемом до 0,5 страницы с аналогичными параметрами (резюме статьи будет переводиться на английский язык. Автор может приложить резюме, уже переведенное на английский язык (обязательно с русским/белорусским вариантом));

— выписку из протокола заседания кафедры (научного отдела или другой подобной структуры) о рекомендации статьи к печати;

— заполненную анкету (форма выдается в редакции).

Исключения возможны по решению редакционного совета.

Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями.

Кроме того, в журнале предоставляется возможность первоочередного опубликования статей, представленных лицами, осуществляющими послевузовское обучение (аспирантура, докторантура, соискательство) в год завершения обучения.

В журнале не взимается оплата за опубликование научных статей.

Научное издание

ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 2018 № 1-2 (84-85) январь—июнь

Подписано в печать 20.09.2018 г. Выход в свет в октябре—ноябре 2018 г.

Формат 60х84^{1/8}. Гарнитура Georgia.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,86. Тираж 100 экз. Заказ № 443.

Отпечатано с готового оригинала-макета заказчика в ООО «Типография НьюГрафикс».

ЛП № 02330/483 от 19.04.2017 г.

220014, г. Минск, пер. С. Ковалевской, 52а, тел.: +375 29 684 63 33

Распространяется бесплатно